STIKHOTVORENIIA

3467
2
6
10
1-2

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3467
.I 2
A6, 1910
t.1-2

00006234620

PG3467
.I2
A6
1910
t.1-2

П. Я.
:: (П. ЯКУБОВИЧЪ-МЕЛЬШИНЪ.) ::

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Жизнь и поэзія — одно!
В. А. Жуковскій.

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

ТОМЪ I.

ШЕСТОЕ ИЗДАНІЕ.

STIKHOTVORENIA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1910.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій пр., соб. д. № 75.

Типо-литографія Т-ва „Просвѣщеніе“ Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

Содержаніе
„Стихотвореній П. Я.“.

Томъ первый.

I.
На вѣсахъ. (1878—1884 гг.).

II.
Въ крѣпости. (1884—1886 гг.).

III.
Въ дорогѣ. (1887 г.).

IV.
Кара и Акатуй. (1889—1893 гг.).

Стихотворенія П. Я.

Томъ I.

Два посвященія.

I.

Эти пѣсни гирляндою розъ
Мнѣ чела не украсятъ, конечно,
Но онѣ создавались изъ слезъ
И изъ крови сердечной...
Добрый другъ! если хочешь, возьми
Эту кровь, эти слезы мои.

II.

Я пою для тѣхъ, чьи души юны,
Кто болѣлъ, какъ за себя, за брата.
Музой былъ мнѣ сумракъ каземата,
Цѣпь съ веревкой — лиры были струны.
Вамъ заботы объ искусствѣ строгомъ,
Вамъ, пѣвцы любви и ликованья!
Я пою великія страданья
Поколѣнья, прòклятаго Богомъ.

I.

1878—1884.

1878.

Падающая звѣзда.

Звѣздное небо, нѣмое, чудесное...
Вотъ, словно яркій опалъ,
Катится звѣздочка: въ царство небесное
Душу Господь отозвалъ!

Бѣдная! Долго ей ночь неразсвѣтная
Жизни — темницей была;
Вихрь уносилъ ея грезы завѣтныя
Въ море неправды и зла.

Сжалился Богъ: колесницу прекрасную
Съ ангеломъ кроткимъ за ней Онъ послалъ.
Людямъ же звѣздочкой чудною, ясною
Божій посланникъ предсталъ.

Весенняя сказка.

Въ брилліантовой коронѣ,
Въ пышномъ гротѣ ледяномъ
Царь-Морозъ сидитъ на тронѣ,
Крытомъ чистымъ серебромъ.
Борода его сѣдая
Вся алмазами горитъ;
Синій плащъ, какъ жаръ, сіяя,
Съ богатырскихъ плечъ виситъ.
Но старикъ одинъ. Угрюмо
Предался своимъ мечтамъ,
И упалъ, скользнувъ безъ шума,
Скипетръ къ царственнымъ ногамъ.

Что за чудо! Вѣкъ не снилось —
Снится вотъ ужъ третій день:
Будто съ трескомъ откатилась
Трона верхняя ступень,
Будто перстень драгоцѣнный
У него съ руки пропалъ,
Будто витязь дерзновенный
Дочь-красу его укралъ...

Встать онъ хочетъ; въ нетерпѣньи
Хочетъ кликнуть вѣрныхъ слугъ...
Вдругъ онъ вздрогнулъ: въ изумленьи

Непонятный слышитъ звукъ.
Точно въ бурный часъ прибоя
Валъ морской пророкоталъ,
Точно въ жаркой схваткѣ боя
Стукъ оружья прозвучалъ...
Вотъ опять... И задрожали
Стѣнъ хрустальные столпы!
Налетѣли, застонали
Сѣдовласыхъ выогъ толпы!
Съ искаженными чертами,
Съ воплемъ ужаса въ груди:
„Царь, спасайся! Врагъ за нами
Съ царь-Дѣвицей впереди...
Сосчитать нѣтъ силы-мочи
Свѣтлыхъ витязей Весны —
Шлемы, копья... Наши очи
Блескомъ ихъ ослѣплены...
Да и кто-жъ бы не отпрянулъ,
Силой мѣряться дерзнулъ?..“

То не громъ ли съ неба грянулъ,
Не перунъ ли проблеснулъ?
Всталъ старикъ, могучій, смѣлый,
Снова юнъ, отваги полнъ;
Взоръ горитъ и сыплетъ стрѣлы,
Ходитъ грудь, какъ въ бурю челнъ.
Топнулъ съ окрикомъ ногою!
Въ гнѣвѣ машетъ бородой
И надъ робкою толпою
Тяжкой движетъ булавой.
Вихрь поднялся съ шумомъ, свистомъ,

Въ страхѣ весь чертогъ дрожитъ...
Но далече въ полѣ чистомъ
Богатырь уже летитъ.
Гдѣ тряхнетъ онъ бородою —
Темный боръ посеребритъ,
Гдѣ взмахнетъ лишь булавою —
Воды рѣкъ окостенитъ.
Дунетъ — небо одѣваетъ
Въ бѣлый саванъ облаковъ,
Снѣгъ и иней вытряхаетъ
Изъ косматыхъ рукавовъ.
А узоры ткетъ — царевнамъ
Не шивать такихъ! — Но вдругъ
Онъ застылъ въ движеньи гнѣвномъ,
Смотритъ пристально вокругъ.

Тишину полей безбрежныхъ
Звукъ невѣдомый прервалъ;
Точно крыльевъ плавныхъ, нѣжныхъ
Шелестъ мягкій пробѣжалъ...
И вдали, во тьмѣ неясной,
Промелькнулъ и скрылся вмигъ
Чей-то царственно-прекрасный,
Улыбающійся ликъ.

И кругомъ все просвѣтлѣло,
Порвались оковы сна:
Дрогнулъ лѣсъ оцѣпенѣлый,
Всколыхнулася волна...
Первый жаворонокъ грянулъ
Пѣсню первую любви,

И подснѣжникъ первый глянулъ,
И запѣли ручейки, —
Зазвенѣли, покатились
Огнеструйнымъ серебромъ;
Муравьи закопошились
Въ сонномъ городѣ своемъ;
И изъ келейки подпольной,
Прерывая долгій сонъ,
На просторъ степной раздольный
Пчелка вылетѣла вонъ.
Все покорно властнымъ чарамъ!
Кто-жъ онъ, тайный лиходѣй?..

И стоитъ въ безсильи яромъ
Изумленный чародѣй.
— „Гей вы, слуги!“ — Гдѣ же слуги?
Вотъ ихъ вѣрность какова!
А въ глазахъ пестрѣютъ круги,
Тяжелѣетъ голова.
Гнутся гордыя колѣни...
Полонъ вѣщихъ сновъ и грёзъ
И томящей сладкой лѣни,
Таетъ, таетъ царь-Морозъ!
Солнце красное неслышно
Льетъ тепла живой потокъ,
И Весна-царица пышно
Входитъ въ свѣтлый свой чертогъ.

1879.

Подъ снѣгомъ.

Равнина мертвая подъ снѣжной пеленой...
Кругомъ тоска, зловѣщая тоска!
И, вѣя холодомъ, стояли надо мной
Недвижныя, сѣдыя облака.
А вѣтеръ выл̀ъ все яростнѣй и злѣй,
Напѣвъ отчаянья равнину оглашалъ,
И стая вороновъ, кружившая надъ ней,
Злорадно каркала.... Въ раздумьи я стоялъ.

— Родимая! тебя ли вижу я,
Поникшую прекрасной головой?
Возможно-ль? Гордая, цвѣтущая земля
Покорена безжизненной зимой!
Проходятъ дни — все снѣгъ да снѣгъ одинъ
И мертвый сонъ... И завтра, что вчера...
О, матушка! зоветъ тебя твой сынъ:
Вставай, проснись! Ужели не пора?
Негодованія грозою растопи,
Разбей, стряхни покровъ свой ледяной,
Слезами радости долины окропи,
Развѣй тоску души моей больной!
Молю, надѣнь вѣнчальный свой нарядъ,

Густыя облака отъ солнца отгони —
Его лучи, какъ перлы, заблестятъ,
И потекутъ безоблачные дни.

И вдругъ послышалось: „Не въ пору ты пришелъ —
Еще весна сіяетъ далеко.
Могильный саванъ мой и душенъ, и тяжелъ,
И мнѣ его отдернуть нелегко".
Напрасно я взывалъ, напрасно я молилъ
И за вопросомъ задавалъ вопросъ:
Глубокій сонъ глаза ея смежилъ,
Уста сковалъ безжалостный морозъ.
И стая вороновъ, кружившая надъ ней,
Злорадно каркала... Въ раздумьи я стоялъ;
А вѣтеръ вылъ все яростнѣй и злѣй...
О чемъ онъ пѣлъ? Кого онъ проклиналъ?

Тревога.

Ночь сошла, лазурно-ясная,
Въ даль ушелъ огнистый путь...
Выходи, моя прекрасная!
Глазъ усталыхъ не сомкнуть.

Съ поля, только что уснувшаго,
Льется мягкій ароматъ;
Съ неба, въ блескѣ утонувшаго,
Звѣзды кроткія глядятъ.

Все уснуло — злоба жгучая,
Голодъ, зависти змѣя...
Но дрожитъ слеза горючая
На рѣсницѣ у меня!

Душу, полную смятенія
И тревоги, позабылъ
Кроткій ангелъ примиренія —
Тихимъ сномъ не исцѣлилъ!

Давятъ грудь рыданья страстныя,
Встала думъ мятежныхъ рать...
Приходи, моя прекрасная,
Вмѣстѣ мыслить и страдать!

Рѣчью гордою, свободною
Мое сердце вдохнови,
Дай мнѣ силу благородную
Для вражды и для любви!

Вся лазурная, безшумная,
Ночь на крыльяхъ сновъ плыветъ,
Но не спитъ душа безумная,
Все болитъ, тревогу бьетъ!..

1880.

Къ свѣту.

„Куда же мчимся мы съ такою быстротою?“
Я, въ ужасѣ, мечту мою спросилъ
И передъ бездною, зіявшей подо мною,
Невѣрный шагъ остановилъ.
„Смотри, смотри — какой утесъ ужасный
Тамъ, впереди... Какой тамъ мракъ нѣмой!..“
Но ты не слушала... Съ осанкой гордой, властной,
Съ мечемъ въ рукѣ, съ свѣтильникомъ въ другой,
Меня дрожащаго, въ пространство увлекала
И, какъ ребенку робкому, шептала:
— Впередъ, не бойся, я съ тобой!

„Стой! жалость странная мнѣ душу охватила...
Я бросилъ для тебя спокойствіе, друзей,
Все, все, что молодость мнѣ свѣтлая сулила,
Не смѣйся-жъ надъ тоской моей!
„Остановись! Хоть на одно мгновенье
Остановись! О, дай еще хоть разъ
Взглянуть назадъ: я знаю, въ этотъ часъ
Тамъ плачутъ обо мнѣ“...

Напрасное моленье!
Вдругъ пышная заря во мракѣ занялась.
И ты, презрѣвъ ребяческій мой ропотъ,
Навстрѣчу шла сіяющему дню...
И уловилъ я ласковый твой шепотъ:
— Не плачь! Все, все я замѣню!..

Битва жизни.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!..
Увлекаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ — и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною.
И мучительный сонъ на яву и во снѣ
Не даетъ мнѣ покоя желаннаго:
Вижу въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ
Послѣ дѣла великаго браннаго.
Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей,
Уходя въ вышину безпредѣльную;
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ — дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
Съ головами разбитыми, къ небу лицомъ,
Посинѣвшіе, кровью облитые,
Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза, неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой,
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія! —

Всѣ отважно погибли, какъ слѣдуетъ пасть
Тѣмъ, въ комъ жили не помыслы низкіе,

А одна неподкупная, свѣтлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насиліе дикое!
Точно призракъ ночной, точно блѣдная тѣнь,
Я иду чрезъ поляны унылыя...
— Да, рыдай, моя пѣсня! Все — братья, друзья,
Все черты дорогія и милыя!

Обезумѣвъ отъ горя, упасть я хочу
Съ громкимъ воплемъ на землю холодную, —
Ей повѣдать всю лютую злобу мою,
Всю любовь и тоску безысходную.
Наклонившись, хочу я страдальцевъ обнять.
Вдругъ... О, ужасъ! ихъ лица безстрастныя
Стали тёмны, какъ ночь... На недвижныхъ устахъ
Зазмѣилась усмѣшка ужасная...
И, объятому трепетомъ, чудится мнѣ
Шепотъ злобный, упреки суровые:
„Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые?
„Отчего не лежитъ твой истерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
Отчего ты, какъ воръ, лишь во мракѣ ночномъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
„Что намъ въ злобѣ твоей, хоть и нѣтъ ей конца,
Что тоска намъ твоя безысходная?
Пѣсни скорбныя громко умѣешь ты пѣть,
Но страшна тебѣ смерть благородная!
„Уходи, уходи! Намъ противны, смѣшны
Оправданья твои малодушныя...

„Гдѣ ты былъ, когда въ бой мы безтрепетно шли,
Зову чести и долга послушные?
Уходи жъ, уходи... Мы не знаемъ тебя!“

И помчался я въ даль безпредѣльную...
Мѣсяцъ сумрачный плылъ... Дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную!
Руки горько ломая, я въ небо глядѣлъ,
Будто вѣря, что, зову послушное,
Усыпитъ оно скорбь мою, жгучую скорбь;
Но синѣло оно, равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь,
И на все, что подъ бурею клонится,
И на все, что ликуетъ, царитъ и гнететъ, —
Ни мольбой, ни проклятьемъ не тронется!
Я бѣжалъ, словно гнался невѣдомый врагъ
По пятамъ моимъ мертвой поляною:
Брань и крики его, какъ отточенный ножъ,
Наносили мнѣ рану за раною.
И напрасно пощады вымаливалъ я...

— Такъ безъ жизни проносится жизнь вся моя:
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ — и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною!..

Октябрь.

* *
*

Въ часъ веселья и шумной забавы,
Беззаботна, какъ птичка полей,
Ореолъ обольстительный славы
Ты пророчила музѣ моей.
А завѣтныя сердца мечтанья
Мнѣ вѣнецъ обѣщали иной,
И въ груди наболѣвшей рыданья,
Закипая, вставали грозой...

Въ наше время дорогой прямой
Бодрымъ шагомъ идти до могилы
За идеей великой, святой —
Нужно чувствовать гордыя силы
И владѣть закаленной душой!
Быть готовымъ безъ стона, безъ крика
Подъ ударами вражьими пасть
Въ битвѣ грозной, безжалостной, дикой,
Нужно грезы о счастьи проклясть!

А въ душѣ безпокойной и нѣжной,
Не рожденной для доли борца,

Нѣтъ предѣла тревогѣ мятежной,
Нѣтъ желаньямъ безумнымъ конца!
Не даютъ они — цѣли прекрасной
Безпредѣльно отдаться во власть:
Сердце бьется томительно-страстно,
И душа молодая невластна
Грезы личнаго счастья проклясть!..

20 ноября.

Успокоеніе.

Яркія звѣзды горятъ надъ землей...
Тамъ, гдѣ владычицей — ночь безконечная,
Движутся стройной, могучей толпой
Хоры ихъ дивные, вѣчные.

Тихо тамъ, тихо, какъ въ храмѣ святомъ
Въ часъ, когда смолкнетъ докучное пѣніе...
Не оттого ли и въ сердцѣ моемъ
Къ небу такое стремленіе?

Черною злобой устала дышать
Эта душа молодая, мятежная,
И обняла ее кротко, какъ мать,
Ночь безконечная, тихая, нѣжная...

Декабрь.

1881.

Въ театрѣ.

Шумъ нетерпѣнья... И струны послушныя
Громомъ аккордовъ откликнулись вдругъ!
Фауста мрачнаго тайный недугъ
И Маргариты любовь простодушная —

Ожили въ чудномъ созданьи мечты.
Ужасъ, печаль и восторгъ чередуются,
А очарованнымъ взорамъ рисуются
Храмы, фонтаны, огни и цвѣты...

Что за поэзія дивная, властная,
Близкая скорби завѣтной моей!
И, точно въ царствѣ заоблачномъ фей,
Я твои очи встрѣчаю прекрасныя.

Дѣтскимъ восторгомъ сверкаютъ они...
Мягкихъ кудрей я волну вижу зыбкую,
Вижу уста молодыя съ улыбкою...
— Не омрачайте ихъ, черные дни!

Ахъ! неужель эти грёзы чудесныя —
Грубый обманъ, потѣшающій умъ?
Весь этотъ блескъ, этотъ праздничный шумъ,
Всѣ эти звуки небесные —

Черезъ минуту все скроется, все...
Блѣдная жизнь колеею обычною
Вновь потечетъ, пустотой безграничною
Сердце пугая мое.

— О, если такъ... Мои думы тяжелыя,
Боль мою ты вѣдь поймешь, милый другъ?
Не преступленье-ль — минута веселая,
Каждая грёза и радостный звукъ?

Видишь, болитъ мое сердце безумное,
Плакать готовъ я надъ думой моей
И умолять тебя — бросимъ скорѣй
Зрѣлище шумное!..

Не обвиняй меня... Вспомни, что тамъ, —
Тамъ, за стѣною театра волшебнаго —
Море холоднаго мрака, враждебнаго
Этимъ нарядным мечтамъ.

Корчится тамъ нищета... Тамъ утрачено
Жизни желанье, тамъ злоба кипитъ...
Слово проклятія робко звучитъ...
Другъ мой! кому то проклятье назначено?

О, неужели же намъ, для кого
Горе народное — горе великое,

Намъ, осудившимъ безправіе дикое,
Намъ, для которыхъ любовь — божество?!
. . . . . .

Тотъ же все блескъ; та же музыка шумная
Льется въ мой слухъ гармоничной волной...
Плачетъ душа моя, стонетъ безумная,
Полная скорби святой!

Январь.

Обдѣленные.

Забытый міръ!.. Надъ каждою могилой
Витаетъ грусть... У этой нѣтъ креста,
У той — погнувшійся съ покорностью унылой,
У той — безъ надписи, вся въ трещинахъ, плита.
Сонъ, тишина и сумракъ запустѣнья...
Кругомъ бурьянъ... Тутъ все полно забвенья,
Все говоритъ: „Ихъ нѣтъ!“

А правда?.. Что-жъ она
Съ громами Божьими?.. Забыты имена,
Но ложь — ту ложь съ безстыдными глазами,
Что, выпивъ кровь, людей равняла съ псами, —
Какъ позабыть? Нѣтъ, нѣтъ, жива она!
Она жива. Всѣ скорби, всѣ обиды
Летаютъ въ воздухѣ, мнѣ чудится порой,
И грозный ликъ суровой Немезиды
Глядитъ съ безумною враждой...

Спятъ, крѣпко спятъ, не зная мукъ сомнѣній,
Жильцы гробовъ, покорные червямъ.
„Несчастные! горѣ назначенъ вамъ
Міръ лучшій здѣшняго, міръ вѣчныхъ упоеній...
Здѣсь прахъ и тлѣнъ, здѣсь сумракъ безъ лучей,
Мертва и суетна сія юдоль печали!“ —

Такъ утѣшалъ ихъ сытый іерей,
А бѣдняки довѣрчиво внимали,
И каждый съ вѣрою наивной угасалъ.

Что жъ, если... если ночь угрюмую сознанья,
Въ предсмертный мигъ, лучъ свѣта пронизалъ
И холодомъ наполнилъ содроганья?!
Такъ иногда подстрѣленный куликъ
Лежитъ, не шевелясь, и лишь въ послѣдній мигъ,
Прощаясь съ свѣтомъ вольнымъ и широкимъ,
Вздохнетъ всей грудью, вздохомъ столь глубокимъ,
Взмахнетъ крыломъ такъ горестно, и крикъ
Такой протяжный, жалобный промчится,
Что духъ убійцы скорбью омрачится!..

Быть можетъ, злоба душу обняла,
Рука въ кулакъ спѣшила крѣпко сжаться;
Быть можетъ, правда горькая пришла
Къ страдальческому ложу, чтобъ сознаться
Въ обманѣ вѣковомъ... Но поздно! Вѣчный сонъ
Идетъ смежить измученныя очи,
И прежній мракъ холодной, страшной ночи
Стоитъ кругомъ, и зло — его законъ!

Пройдутъ года, какъ бѣглое мгновенье —
Усну и я такимъ же крѣпкимъ сномъ
И подъ такимъ же согнутымъ крестомъ,
Иль безъ креста найду успокоенье —
Отъ всѣхъ обидъ, отъ всѣхъ земныхъ тревогъ,
Надеждъ, страстей съ ихъ сладостнымъ обманомъ.
Другимъ пловцамъ я ввѣрю свой челнокъ,

Уставъ бороться съ шумнымъ океаномъ.
Они помчатся бодро по волнамъ
Пытать въ борьбѣ нетронутыя силы:
Маякъ любви сіять имъ будетъ тамъ,
Гдѣ для меня нависнетъ тьма могилы...
Во всѣ вѣка страданія земли
Одна лишь смерть надежно исцѣляла.
Вотъ кость покойника валяется въ пыли,
А онъ? Онъ спитъ и не скорбитъ нимало!

Надъ рѣкою.

Все было тихо надъ рѣкою,
Въ рукѣ не двигалось весло,
И лодку сонною волною
Внизъ по теченію несло.

Луна холодный свѣтъ роняла,
Закрывшись сизымъ облачкомъ,
И за звѣздой звѣзда дрожала
Въ пространствѣ темно-голубомъ.

Казалось, чьимъ-то властнымъ словомъ
Огромный міръ завороженъ,
И лишь къ моимъ мечтамъ суровымъ
Забылъ придти цѣлебный сонъ!

И, точно тѣнь передъ грозою,
Ложилась дума на чело...
А лодку сонною волною
Внизъ по теченію несло.

И думы гордыя вставали,
И леденилъ ихъ тайный страхъ...
Въ груди рыданья трепетали
И замирали на устахъ.

Желаній судорожныхъ полный,
Съ огнемъ въ клокочущей крови,
Какъ огласить хотѣлъ я волны
Мольбами жизни и любви!

1882.

* * *

Я — твой, Земля! Твои страданья,
Твои восторги близки мнѣ, —
Былинки мирное шуршанье
И ропотъ грома въ вышинѣ.

Я — твой!.. И волновать до гроба
Земная будетъ жизнь меня,
Ея тоска, любовь и злоба,
Заботы вѣчности и дня.

На крыльяхъ грёзъ въ лазури вольной
Люблю, какъ птица, я нырять,
Но страшно мнѣ отчизнѣ дольной
Прости послѣднее сказать!

Что мнѣ небесъ обѣтованья?.
О, мать-Земля, я — твой, я твой!
Приму я крестъ, приму страданья,
Но жизнью жить хочу земной!

И если тамъ, въ странѣ безвѣстной,
Иная жизнь и счастье есть,
Хотѣлъ бы я — и рай небесный
Сюда, на землю, перенесть!

Февраль.

* * *

Одолѣли думы мрачныя,
Гибнуть — страшно, жить — страшнѣй!..

Отъ своей болящей совѣсти,
Отъ насмѣшливыхъ друзей
Убѣжать бы невидимкою
Въ лѣсъ дремучій и глухой,
Гдѣ людей отъ вѣка не было
Съ ихъ немолчною враждой;
Убѣжать бы въ горы, — съ облакомъ
Поравняться бы сѣдымъ,
Безъ стыда все горе выплакать
Великанамъ вѣковымъ.
— Братья гордые, свободные,
Научите — какъ стоять
Подъ грозою, въ ночи темныя,
Не робѣть и не дрожать!

---

* * *

Надъ рощей пальмъ луна въ раздумьи встала...
Дремало море въ нѣгѣ сладкихъ грёзъ,
И, какъ дитя, волна чуть лепетала,
Плескаясь мѣрно объ утесъ.
Въ тотъ тихій часъ они вдвоемъ сидѣли
На берегу, безмолвно глядя въ даль.
Его глаза, печальные, горѣли
Огнемъ любви, ея... едва ль.
Въ немъ билось сердце судорожно-страстно,
Онъ былъ рожденъ для подвиговъ, для грозъ;
Какъ майскій день, она была прекрасна
И... холодна, какъ тотъ утесъ!
Онъ ей сказать сбирался много, много, —
Сказать о томъ, какъ изстрадался онъ,
Усталъ любить съ сомнѣньемъ и тревогой,
Съ надеждой робкою, какъ сонъ;
Повѣдать все: какъ онъ безумно рвался
На бой со зломъ, чтобы, любя, страдать,
Какъ съ юныхъ лѣтъ быть воиномъ поклялся...
Онъ многое хотѣлъ бы ей сказать
И — слово вымолвить боялся!

* * *

Я твой смѣхъ безпечный, рѣзвый
Позабыть еще не могъ:
Онъ звенѣлъ, не умолкая,
Какъ весенній ручеекъ!

Онъ звенѣлъ... Въ моемъ же сердцѣ
Каждый свѣтлый счастья звукъ
Отдавался тихимъ стономъ
Никому незримыхъ мукъ!

Какъ ребенокъ, ты смѣялась
Надо всѣмъ — и надъ смѣшнымъ,
И надъ тѣмъ, что мнѣ казалось
Заповѣднымъ и святымъ.

И порой, съ тобою вмѣстѣ
Надъ моей смѣясь тоской,
Я хотѣлъ бы лучше плакать,
Горько плакать надъ тобой!

Рѣшеніе.

Въ эти дни больного озлобленья,
Въ эти дни унынья и тоски
Гдѣ найти улыбку ободренья
И поддержку дружеской руки?
Что толпа! — она, завидѣвъ раны
Въ глубинѣ сердечной у тебя,
Предпочтетъ красивые обманы,
Убѣжитъ, спокойствіе любя.
Лучшій другъ поникнетъ головою,
И въ молчаньи грустномъ ты прочтешь:
„Гордымъ будь! Молчи съ твоей тоскою,
Мирно спящихъ стономъ не тревожь!“

Милый другъ, въ твоихъ глазахъ глубокихъ
Той же пытки отблескъ вижу я,
Тѣхъ же думъ суровыхъ и жестокихъ,
Но молчишь ты, горе затая.
Ты стоишь въ своемъ вѣнкѣ терновомъ,
До конца готовая страдать,
Никому и ни единымъ словомъ
Не давая мукъ своихъ понять!
А когда отъ боли нестерпимой
Стонемъ мы, пугливые друзья,

О враждѣ кричимъ непримиримой
И взываемъ: „Скоро ли заря?“ —
Ты глядишь, какъ-будто удивляясь,
Съ страннымъ блескомъ вдумчивыхъ очей,
И безъ словъ, печально улыбаясь,
Покидаешь шумный кругъ друзей...

О, мой другъ! Я понялъ смыслъ недуга,
День и ночь гнетущихъ душу сновъ, —
И зачѣмъ въ толпѣ людской другъ друга
Избѣгать мы стали, какъ враговъ,
И зачѣмъ, какъ будто, перестало
Биться сердце, течь по жиламъ кровь,
Отчего, какъ никогда бывало,
Жизнь блѣдна, нерадостна любовь.
Понялъ все!.. Товарищъ по страданью,
Тайныхъ сновъ и думъ моихъ сестра!
Есть конецъ тупому ожиданью,
Есть предѣлъ унынію... Пора!
Замеръ умъ въ тоскѣ; отъ боли дикой
Грудь изныла, утомилась клясть:
Время намъ — на трудъ идти великій,
Побѣдить, иль славно пасть!..

Надъ могилой друга.

Не плачу я; но сколько слезъ живыхъ
Невольно къ горлу подступаетъ,
Слезъ жгучихъ, огненныхъ, слезъ чистыхъ и святыхъ —
Никто изъ смертныхъ не узнаетъ!
Нѣтъ и проклятій на устахъ...
И небо, небо лишь могло бы
Прочесть въ сердечныхъ тайникахъ
Страницы пламенныя злобы!

— Несчастный другъ! Мой незабвенный братъ!
Враждѣ суровой посвятилъ я
Отнынѣ духъ и плоть... И за спиной дрожатъ,
Я слышу, дерзостныя крылья...
Мнѣ шепчетъ голосъ твой: „Я рано брошенъ въ прахъ.
Борись же ты и будь счастливѣй!
Пусть знамя свѣтлое стоитъ въ твоихъ рукахъ
Еще прямѣй и горделивѣй!“

15 сент.

* * *

Разсѣянъ мракъ, завѣса поднята!
И въ первый разъ я сознаю безъ страха,
Что умерла о счастіи мечта,
И не подняться ей изъ праха.
Роптанье праздное смѣшно,
И лишь дитя такъ долго стонетъ
О томъ, что разъ погребено:
Пусть мертвыхъ мертвые хоронятъ!
Что намъ до мертвыхъ? Разбудить,
Воззвать ихъ къ жизни мы не въ силахъ.
Пока есть капля крови въ жилахъ,
Не будемъ плакать на могилахъ —
Идемъ бороться, мыслить, жить!
Тамъ, гдѣ тревоги и ненастья,
Тамъ счастье любящимъ сердцамъ,
Удѣлъ же призрачнаго счастья
Оставимъ трусамъ и глупцамъ.

Юношѣ.

Если, чувствуя вѣры священное пламя,
Знаешь ты, что не въ силахъ его погасить
Ни друзья, ни враги, что великое знамя
Въ битвѣ правой нести для тебя значитъ — жить,

Что любить, не страдая душой, невозможно
Для того, кому чуткое сердце дано,
А спокойное счастье преступно и ложно,
Разъ повсюду кругомъ безотрадно-темно;

Если такъ, о мой братъ, — не сдавайся трусливо!
Жизнь — борьба, а не рабство... Коль есть
Капля крови — борись! Сбереги горделиво
До конца свою вѣрность святынѣ и честь!

Пловцы.

„Не пора ли отдохнуть, о братья?
Мракъ глубокъ, не видно маяка.
Шевелятся на душѣ проклятья,
Замерла усталая рука.
Нѣтъ ни силъ, ни бодрости, ни воли...
Бросимъ весла! Руль — игрушка волнъ!
Тщетны крики нестерпимой боли,
Гибни, гибни, беззащитный челнъ!“

Такъ, на бой подвигнуты любовью,
Сколько разъ стонали мы... И вновь
Въ пылкомъ сердцѣ, истекавшемъ кровью,
Воскресали силы и любовь!
Сколько разъ мы опускали руки,
Сколько разъ бросали буйный споръ —
И опять съ отвагой шли на муки,
На борьбу, на жертву, на позоръ!
Поднимали снова правды знамя, —
И на немъ сіяли тѣ слова,
Отъ которыхъ ярче жизни пламя,
Даль свѣтлѣй и выше голова!..

Споръ.

Какъ страстный горячечный бредъ,
Какъ лепетъ ребяческій, снова
Дни гордыхъ порывовъ, великихъ надеждъ
Выходятъ изъ мрака былого.
Тѣ дни, когда страннымъ казалось для насъ
Встрѣчать межъ друзей иновѣрца,
И міръ былъ такъ жарко, такъ чудно согрѣтъ
Огнемъ неостывшаго сердца;
Когда въ обольстительно-яркихъ чертахъ
Фантазія намъ рисовала
Страданья, гоненья и самую смерть
Во славу и честь идеала!..

Шумна и вольна, какъ весенній потокъ,
Бесѣда росла и кипѣла:
У каждаго кровь клокотала въ груди,
Лицо вдохновенно горѣло.
Угрозы и клики носились кругомъ
Въ потокахъ табачнаго чада, —
И сами, случалось, не видѣли мы
Въ рѣчахъ нашихъ смысла и склада.

Изъ лишняго слова рождалась гора,
Враги межъ друзей находились
И съ пѣной у рта — не на жизнь, а на смерть —
Словами, какъ шпагами, бились!

Обидныя клички бросались въ лицо
Съ какимъ-то злораднымъ стараньемъ...
И часто кончался безумный раздоръ
Внезапнымъ и страшнымъ рыданьемъ!
То плакало чувство любви молодой,
Поруганной чистой печали;
Завѣтныя, лучшія струны души,
Задѣтыя, гнѣвно рыдали...

И кротости ангелъ тотчасъ пролеталъ,
Казалось, въ каморкѣ убогой:
Раздоръ укрощался и вмигъ тишиной
Смѣнялся стыдливой и строгой...
Мы долго сидѣли смущенной толпой
Вокругъ огорченнаго друга,
И не было рѣчи въ ту ночь о враждѣ
Среди примиреннаго круга.
И всѣ сознавали, что чувствомъ однимъ
Въ груди у насъ сердце согрѣто,
Молились и вѣрили всѣ одному
Великому богу разсвѣта!

Ужъ лампа, мигая, свѣтила тусклѣй,
Подъ говоръ усталый бесѣды,
Когда разойтись мы спѣшили, плотнѣй
Въ дырявые кутаясь пледы.

Свѣтало... Румянецъ морозной зари
Чуть брезжилъ изъ облачной дали...
И спали дворцы, и дремала Нева,
И ѳивскіе сфинксы дремали...

Декабрь.

1883.

* * *

Эфемернымъ блистая нарядомъ,
Много звѣздъ загоралось вокругъ,
И подъ ихъ обольщающимъ взглядомъ
Я не видѣлъ тебя, милый другъ!

Но, лишь утро востокъ озарило —
Поблѣднѣла звѣзда за звѣздой;
Ты, какъ солнце, межъ тѣмъ восходила
Надъ душою моею больной.

Не мишурной красой ты блистала,
Не искусственно-пышнымъ вѣнкомъ,
Но родная мнѣ дума лежала
И печаль на челѣ молодомъ.

И не та насъ любовь обручила,
Отъ которой такъ сладко въ крови,
А душѣ такъ мучительно-мило
Солнце жизни, безумье любви;

Но — любовь, что чужое страданье
Выше жизни своей признаетъ
И на крестъ, на позоръ, на закланье
Властнымъ голосомъ правды зоветъ!

Январь.

Мечъ и лира.

СКАЗКА.

Мнѣ борьба мѣшала быть поэтомъ,
Пѣсни мнѣ мѣшали быть бойцомъ.
Н. Некрасовъ.

I.

Въ полдень іюльскій горячій, когда задыхались
Лѣсъ и поляны отъ ласкъ зажигающихъ солнца,
Листъ не шуршалъ, и дремала волна въ упоеньи,—
Отрокъ безпечный игралъ у опушки зеленаго бора.
Смѣло, какъ векша, свободы дитя, на косматыя ели
Бойко взбирался, смѣясь и ликуя, одинъ, безъ призора.
Такъ, утомившись, заснулъ онъ подъ елью тѣнистой
Въ мягкой, душистой травѣ...
Волшебница лѣса подкралась
Тихо, какъ сонъ легкокрылый; взяла осторожно
Въ руки сонливца и въ сказочный замокъ свой дальній
Птицы быстрѣе умчала...
Лѣниво рѣсницы
Онъ разомкнулъ — и глазамъ своимъ долго не вѣрилъ:
Крикъ изумленья въ груди очарованной замеръ!
Онъ увидалъ себя въ чудномъ, залитомъ сіяньемъ,
Райскомъ саду. Величавыя купы деревьевъ
Странныхъ, невиданныхъ формъ, съ золотыми плодами,

Къ свѣтлымъ потокамъ душистыя вѣтви склоняли;
Яркой, цвѣтной чешуей прихотливо мелькая,
Рыбокъ стада веселились въ серебряной влагѣ;
Чашечки чудныхъ цвѣтовъ, что не снятся и въ грезахъ,
Полныя меда, стыдливо повсюду качались
На стебелькахъ горделивыхъ; надъ ними-жъ, какъ пчелки,
Роемъ проворнымъ колибри вились золотые...
Все было тихо, какъ въ храмѣ, и дивно, какъ въ сказкѣ!
Въ сердцѣ какія-то сладкія струны дрожали,
Полныя грусти неясной; знакомое что-то,
Невозвратимо-былое изъ мрака всплывало...

II.

И вспомнилъ домъ онъ, старый барскій домъ.
Подъ окнами печально воетъ вьюга,
Взметая снѣгъ, и въ темной чащѣ лѣса
Ей плачъ волковъ голодныхъ отвѣчаетъ...
Но въ спаленкѣ уютно и тепло.
Чуть свѣтится лампадка предъ иконой,
Колебля тѣни робкія кругомъ,
И женскій взоръ, мечтательный и грустный,
Къ нимъ устремленъ. Припавъ къ груди родной,
Онъ слышитъ трепетъ сердца дорогого;
И слышитъ онъ, какъ серебристый голосъ,
Любимый голосъ, въ сумеркахъ пугливыхъ,
Въ тиши ему нашептываетъ сказки
Про фей добра, золотокудрыхъ фей,
Про дивные чертоги ихъ и битвы

Съ могучими и злыми колдунами...
Потомъ... Потомъ какой-то сонъ ужасный:
Звучитъ въ дыму торжественное пѣнье,
Протяжное, унылое; проходятъ
Въ печальныхъ ризахъ черные попы
И бѣлый гробъ съ малиновымъ покровомъ,
Въ волнахъ цвѣтовъ, куда-то вдаль несутъ...

И снова дни, и вечера и ночи,
Но, ахъ! безъ сказокъ и безъ милыхъ ласкъ.
Лишь за стѣной сердито плачетъ вьюга,
Да чей-то коготь у дверей скребетъ...

Онъ тишину томительную помнитъ,
Гнетущій мракъ, надъ всѣми въ этомъ домѣ
Кошмаромъ злымъ висѣвшій безъ конца.
Пугливой мышкой черезъ залъ пустынный
Онъ пробирался въ темный уголокъ,
Гдѣ старый шкафъ стоялъ уединенно,
И груды книгъ въ тяжелыхъ переплетахъ
Валялись, позабытыя, въ пыли.

Да, въ томъ шкафу таинственномъ, навѣрно,
Жилъ мрачный духъ: какихъ разсказовъ грустныхъ,
Тревожныхъ сновъ онъ нашепталъ ребенку!..
Увы, не зналъ угрюмый, бѣдный демонъ
Тѣхъ сказокъ чудныхъ, сказокъ золотыхъ
Про добрыхъ фей, волшебницъ синеокихъ!
Онъ говорилъ, что въ мірѣ нѣтъ чудесъ,
Что есть лишь зло да ненависть тупая,
Что страшно жить, любя добро и свѣтъ!

III.

Нѣтъ, онѣ есть, милосердныя, добрыя феи, —
Ихъ это свѣтлый чертогъ, ихъ лазурное царство:
Мигъ — и исполнится все, что пророчили сказки!

Яркою молніей мысль проблеснуть не успѣла —
Трепетъ неясный промчался по темнымъ аллеямъ:
Гордыя кроны склонили покорно деревья,
Чашечки розъ, какъ подъ вихремъ незримымъ, по-
гнулись...
Быстро зажмурясь, какъ зайчикъ трусливый, при-
жался
Къ ложу изъ пышныхъ цвѣтовъ перепуганный
мальчикъ.

Но не гроза пронеслась, не чудовище злое
Смертью грозило ему: кто-то любящій, добрый
Тонкой рукою кудрей его мягкихъ коснулся...
Сердце его размягчилось мгновенно; онъ поднялъ
Взоръ, отуманенный влагой, — и дрогнулъ въ вос-
торгѣ!

Вся — доброта и любовь, вся — красота и величье,
Женщина съ видомъ царицы, въ алмазной коронѣ,
Въ бѣлой и легкой, какъ дымъ, драгоцѣнной одеждѣ,
Тихо склонилась, какъ мать, надъ его изголовьемъ.
Жалость свѣтилась во взорѣ лазурномъ, лучистомъ,
Длинныя косы разсыпались золотомъ пышнымъ,
Грудь бѣлоснѣжную вздохъ безпокойный приподъ-
нялъ...
Съ крикомъ восторга, смѣясь и рыдая отъ счастья,
Руки впередъ онъ простеръ къ дорогому видѣнью:

„Ты-ль это, ты-ль, ненаглядная, милая мама?..
О, наконецъ, я съ тобой навсегда, неразлучно!“

Нѣжно-тоскующимъ взоромъ взглянула прекрасная фея,
Чуть улыбнулась — и, ласки и кротости полный,
Сладкій, какъ звонъ серебра, грустный, какъ шепотъ дубравы,
— „Да, это я!“ — отвѣчалъ ему голосъ знакомый.

IV.

— „Я, мать твоя... Но знай: ничто моя любовь
Предъ волею судьбы; мы вновь должны разстаться.
Ты — сынъ земли, и къ ней вернешься вновь —
Въ бою за правду подвизаться.
„Придетъ пора — и ты, дитя, поймешь
И сладость жертвъ, и радость битвы вѣчной
И самъ на жертвенникъ великій принесешь
И сердца кровь, и пылъ сердечный.
„Но по душѣ пройдетъ немало грозъ
До той поры: кипучей жаждой счастья
Зажжется сердце, жаждой сладкихъ слезъ,
Горячей ласки и участья.
„Любовью къ женщинѣ, какъ сказочнымъ огнемъ,
Ты вспыхнешь весь... отдашься мукамъ страстнымъ...
И будешь ты глупцомъ, и будешь ты рабомъ,
Блаженнымъ будешь и несчастнымъ!
„Потомъ... Да, лишь потомъ, когда остынетъ кровь,
И бурной юности смирятся заблужденья,

Когда почувствуешь, что разумъ можетъ вновь
Свои предписывать велѣнья, —
„Тогда познаешь ты иного бога власть,
Иной тоски огонь неугасимый,
Святой любви къ странѣ своей родимой
Неумирающую страсть.
„Въ ночной тиши, и въ шумѣ дня, и вѣчно
Передъ тобой являться станетъ онъ,
Печальный образъ, — милый безконечно,
Неосязаемый, какъ сонъ.
„Съ улыбкой горькою застывшаго терпѣнья,
Съ мольбой въ очахъ, въ лохмотьяхъ нищеты...
И будутъ кротостью любви и всепрощенья
Свѣтиться всѣ его черты.
„Прощенье въ голосѣ, прощенье въ каждомъ словѣ...
Но ты... Языкъ иной въ тебѣ заговоритъ, —
И эта женщина безъ плоти и безъ крови
Тебя на битву вдохновитъ!
„Охваченъ ярости могучею волною,
Наивенъ, какъ дитя, и, какъ герой, великъ,
Въ священномъ трепетѣ, какъ левъ, готовый къ бою,
Издашь ты мщенья грозный кликъ!
„То будетъ кликъ годами зрѣвшей муки,
Отрада — жертвѣ, ужасъ — палачу...
И скажешь ты, ломая гнѣвно руки:
— О, мать моя, я отомщу!
„— О, гдѣ враги твои? Скорѣе мнѣ, скорѣе
Ихъ имена... Я ихъ низрину въ прахъ!
Безъ искры жалости, самой судьбы вѣрнѣе,
Настигну всюду, — въ городахъ,
— Въ поляхъ, за пиршествомъ, во снѣ и за работой ...—

Но только кличъ твой бранный прозвучитъ,
И въ глубинѣ души навѣкъ порвется что-то, —
Врагъ, точно коршунъ, налетитъ!
„Онъ налетитъ, какъ вихрь въ пустынѣ сонной,
Съ богохуленьями, съ угрозой на устахъ,
Съ глухими воплями... Нахлынетъ, непреклонный,
И уведетъ тебя въ цѣпяхъ!
„Онъ окружитъ тебя холодными, какъ гады,
Стѣнами погреба, гдѣ ночи безъ зари,
И скажетъ голосомъ, въ которомъ нѣтъ пощады:
— Умри!!“

V.

Фея умолкла... Ребенокъ, дрожащій отъ страха,
Голову скрылъ на груди ея въ складкахъ воздушнаго платья.
Вдругъ что-то влажное, теплое, — нѣжно, какъ капля
Перваго въ маѣ дождя — лба его тихо коснулось...
Снова, еще и еще...
— Плачешь ты, плачешь? О чемъ же?
Ты не сама ли учила — какъ сладостна жертва,
Рабство позорно, борьба за свободу прекрасна?
— „Да, — отвѣчала поспѣшно волшебница, — знаю...
Но если-бъ знать и тебѣ, что̀ скрываю на сердцѣ!
Сколько — ахъ! сколько ихъ, пылкихъ, отважныхъ душою,
Я проводила въ ту даль, изъ которой обратно
Не возвращаетъ судьба... На кровавую сѣчу
Шли они всѣ, какъ на радостный пиръ, улыбаясь!
Я же — о, что я могла? Лишь молиться украдкой,
Муку и гибель предвидѣть, да сѣтовать праздно...

Гдѣ они, дѣти мои?!"
И она зарыдала, и страстно
Сына опять обняла...
— „Знаю, роптать безполезно:
Слезы мои и мольбы ты сейчасъ же забудешь,
Выростешь — въ битву пойдешь, удержать я безсильна.
Все, что могу я, — оружіе выбрать любое
Я предоставлю тебѣ; но спѣшить ты не долженъ.

VI.

„Вотъ грубый мечъ... Вотъ — скорбный путь борца!
Тутъ вѣчный зной, тутъ лишь волчецъ безплодный,
Да острый тернъ торчатъ на почвѣ голой,
И что ни шагъ — опасность или жертва.
Съ мечемъ въ рукѣ, со знаменемъ въ другой,
Со взоромъ, устремленнымъ къ свѣтлой цѣли,
Ты грудь одѣнешь, какъ бронёй, безстрастьемъ,
Покинешь кровъ родной, очагъ любимый
И на алтарь свободы понесешь
И жаръ души, еще не утоленный,
И крѣпость мышцъ, и силу воли гордой,
И правый гнѣвъ, и правую любовь!
Но вамъ, борцамъ, скитальцамъ безъ пріюта,
Не видѣть нивъ цвѣтущихъ Ханаана:
Роскошный плодъ работы многотрудной
Дано вкусить лишь дальнему потомку.
Безъ жалости и безъ слѣда поглотитъ
Пучина жизни ваши имена...
Но вѣрь, мой сынъ: когда не призракъ — счастье,

Не сонъ пустой и на землѣ возможно,
Оно лишь *здѣсь* доступно человѣку.

„А это — лира, мирный путь пѣвца.
Нѣтъ крови здѣсь, нѣтъ шума ярыхъ браней!
Я дамъ тебѣ цвѣты, и перлы для вѣнца
И сладкій гулъ рукоплесканій.
Въ созвучья словъ живыхъ волью волшебный ядъ,
Гармонію небесъ и страсти всѣ земныя...
Они, какъ звукъ трубы, надъ міромъ прозвучатъ,
Какъ мечъ, пронзятъ сердца людскія!
Но стукъ меча умретъ и звонъ трубы умретъ,
Какъ бури краткій шумъ, какъ всплескъ минутный моря,
Твоей же лиры стонъ пройдетъ изъ рода въ родъ,
Пока лишь слышны стоны горя!
Ты будешь маякомъ въ беззвѣздной вышинѣ...“

— Такъ лиру-жъ мнѣ! Родная, лиру мнѣ! —
„Постой, дитя, не все я досказала!
Какой цѣной получишь ты ее?“
— Цѣной всего! Свободы, жизни мало —
Возьми и сердце, счастье, все!..

VII.

Фея ни слова въ отвѣтъ... Только блѣдныя губы
Дрогнули тихо, да сдвинулись тонкія брови...
Образъ прекрасный вдругъ началъ тускнѣть и мѣшаться —
И, какъ въ вечернемъ туманѣ, все разомъ исчезло.

Мальчикъ отъ сна пробудился... Какъ прежде, лежалъ онъ
Въ мягкой, душистой травѣ, подъ косматою елью,
Въ полдень іюльскій горячій, когда задыхались
Лѣсъ и поляны отъ ласкъ зажигающихъ солнца,
Листъ не шуршалъ, и не пѣли безсонныя птицы.
Бойко вскочилъ онъ и началъ рѣзвиться и прыгать.
И ничего онъ не помнилъ — ни феи прекрасной,
Ни ея чудныхъ владѣній, ни грозныхъ пророчествъ!

VIII.

Прошли года, какъ пестрый, смутный сонъ,
И все сбылось, что̀ предсказала фея.
Въ погонѣ юности за призраками счастья
Любилъ онъ женщинъ; былъ блаженнымъ и несчастнымъ,
Безумцемъ и рабомъ... Но сердце въ тишинѣ
Не уставало плакать и томиться,
Къ чему-то рваться и чего-то ждать.
Въ чаду страстей и жаркихъ наслажденій
Онъ позабыться жаждалъ хоть на мигъ —
И не умѣлъ; какъ будто вспомнить что-то
Порой хотѣлъ... Какой-то милый образъ
Уже мелькалъ предъ нимъ въ чертахъ неясныхъ —
И ускользалъ тотчасъ же, горькимъ стономъ
Въ больной душѣ тихонько прозвучавъ...
Когда же кровь въ немъ бурная остыла,
И холодъ мысли страсти пылъ смѣнилъ, —
Тотъ призракъ грустный, сердцу дорогой,
Сталъ навѣщать его печаль все чаще,

Яснѣе все рисуясь и яснѣе, —
И рѣдкій гость сталъ другомъ неотлучнымъ.
То образъ родины, страдалицы святой,
Его очамъ испуганнымъ явился...
Онъ зарыдалъ, увидѣвъ кроткій ликъ,
Истерзанный нуждою и кручиной,
Увидѣвъ кровь ея глубокихъ ранъ!
Онъ закричалъ о мщеніи!..
И что же?
Вдругъ ощутилъ, что мстителемъ суровымъ
Ему не быть, что для волненій битвы
Онъ робокъ и безсиленъ, какъ дитя...
Онъ услыхалъ — тамъ, гдѣ-то, въ глубинѣ
Своей души — борьбу и тайный ропотъ,
Немолчный споръ двухъ страстныхъ голосовъ.
Тамъ что-то плакать и стонать хотѣло,
Тамъ что-то муками такими надрывалось,
Какія прочимъ смертнымъ незнакомы...
Онъ словъ искалъ, чтобъ хоть повѣдать дружбѣ
Страдальческую повѣсть, но — увы!
Никто не могъ понять загадки странной,
Съ нимъ раздѣлить его печаль святую:
Кто звалъ его актеромъ, кто — безумцемъ...

И жажда пѣсенъ душу обняла!

IX.

Свѣтлыми шли передъ нимъ вереницами
Братья и сестры, друзья, —
Съ ясной улыбкой, съ веселыми лицами
Шли, свои муки глубоко тая.

Передъ толпою враждебною, дикою
Смѣло свой крестъ на Голгофу несли
Въ гордомъ сознаньи, что битву великую
Долго и честно вели...
И, какъ архангелъ отверженный,
Блѣдный, въ толпѣ онъ стоялъ.
Вопль, черезъ силу удержанный,
Душу томилъ и терзалъ,
Жегъ, какъ у друга украденный
Жизни завѣтнѣйшій кладъ;
Ползъ къ его сердцу холодною гадиной
Самопрезрѣнія ядъ!..

X.

Но недолго въ мукахъ знойныхъ
Онъ томился въ тишинѣ:
Горькій плачъ напѣвовъ стройныхъ
Пролетѣлъ по всей странѣ!
Звуки мести и упрека
Онъ въ сердца, какъ ножъ, вонзалъ,
Въ тьму неправды и порока
Искры свѣта заронялъ;
Часто съ силой чародѣя
Грубой властвовалъ толпой,
Щеки лютаго злодѣя
Орошалъ живой слезой...
Но порой смолкали звуки —
Онъ въ пустыню убѣгалъ.
Тамъ съ отчаяніемъ руки
Безполезныя ломалъ,

Рвался къ жертвѣ многотрудной
И рыдалъ, рыдалъ въ тиши,
Проклиная даръ свой чудный,
Миръ отнявшій у души!

Январь.

Къ портрету.

Въ эти свѣтлые дни, на зарѣ
Нашей жизни, сулящей ненастье и вьюгу,
Свой портретъ я вамъ шлю, какъ сестрѣ
И любимому другу.

Будетъ ночь, — можетъ быть, безъ зари впереди, —
И разстанемся мы, и не будетъ возврата...
О, тогда, хоть порой, съ сожалѣньемъ въ груди
Вспоминайте далекаго брата!

Февраль.

* * *

Эти пѣсни гирляндою розъ
Мнѣ чела не украсятъ, конечно,
Но онѣ создавались изъ слезъ
И изъ крови сердечной...

Добрый другъ! если хочешь, — возьми
Эту кровь, эти слезы мои!

21 марта.

Возмущеніе любви.

Ночи сновъ мучительныхъ
И безсонницъ черныхъ,
Дни безумной горести,
Взрывовъ непокорныхъ!
Только, обезсиленный,
Падалъ я, рыдая, —
Снова поднимался я,
Духомъ воскресая.
Только воспаленныя
Закрывались вѣжды —
Снова тихо плакали
Пѣсни безъ надежды.
То тебя на судъ онѣ
Гнѣвно призывали,
Проклинали яростно,
То — благословляли...
Ты ихъ кротко выслушай —
О, молю тебя!
Не осмѣй безъ жалости,
Но прости, любя!

1.

Сбылись мои страшные сны!
То мертвою видѣлъ тебя я:
Ты жилы открыла, забвенья желая,
И щеки такъ были прозрачно-блѣдны.

То видѣлъ тебя я въ тюрьмѣ, за рѣшеткой
При слабомъ мерцаніи тусклаго дня,
И голосъ твой слабый и кроткій
Едва долеталъ до меня...

Напрасно хотѣлъ уловить я хоть слово,
Напрасно и зрѣнье свое напрягалъ:
Я видѣлъ тебя, но лица дорогого,
Улыбки печальной твоей не видалъ!

То бездна глубокая насъ раздѣляла,
И руки къ тебѣ простиралъ я, грустя;
То въ высь отъ меня ты, какъ тѣнь, ускользала,
А я, отставая, рыдалъ, какъ дитя!

2.

Эфирной толпою тѣ свѣтлые дни пролетали,
Волшебный окутывалъ ихъ серебристый туманъ;
Безмолвно и робко мы сладкій питали обманъ,
Стыдливо прекрасную тайну скрывали.

Безъ словъ о любви, но до поздней вечерней поры
Въ каморкѣ твоей разговоръ мы вели безконечный;
Какъ братъ неизмѣнному сердцу сестры,
Тебѣ открывалъ я весь міръ мой сердечный.

Какъ даль намъ тогда рисовалась свѣтла, широка!
О, сколько, въ сознаніи силъ необъятныхъ,
И подвиговъ свѣтлыхъ, и дѣлъ благодатныхъ,
Казалось, свершила бы наша рука!

3.

Страсть налетѣла, какъ бурный порывъ
Неодолимаго шквала,

Скалы сомнѣній и грозные льды —
Все на пути разметала!

Шумно къ твоимъ прикатилась стопамъ
Съ жаждой отзывнаго слова:
Ты ее бредомъ больнымъ назвала
И оттолкнула сурово ...

Дико и грозно завыла она,
Жаркой заплакала кровью,
Въ сердцѣ твоемъ отзываясь тоской
И безконечной любовью! ..

4.

Долго борьба наша длилась ... Вдали
Слышался рокотъ столичнаго шума,
Въ сумракѣ ночи. Глубокая дума
Насъ обнимала всецѣло ... Мы шли,
Будто не чувствуя оба, какъ встрѣчный
Вѣтеръ пронизывалъ холодомъ насъ,
Какъ выступали порою изъ глазъ
Слезы обиды и боли сердечной ...

Ты говорила, надежду губя: —
„Другъ мой! нейти намъ одними путями,
Но не хотѣла-бъ твоими цѣпями
Я на мгновенье увидѣть себя.
Долгъ нашъ – на страсть ополчиться сурово,
Время разстаться, другъ друга забыть“.

Долгъ... О, жестокое, страшное слово!
Смысла его я не могъ уловить
Въ эту минуту безумія... Горе,
Вдругъ налетѣвъ, какъ слѣпой ураганъ,
Душу въ кровавый укутавъ туманъ,
Было безбрежно и бурно, какъ море.
Шелъ я, шатаясь, какъ пьяный; съ трудомъ
Сдерживалъ хлынуть готовыя слезы..

Ты же, казалось, сердечныя грозы
Раньше смирила, во мракѣ ночномъ
Къ жаркой подушкѣ припавъ головою,
Досыта выплакавъ горе свое,
Муки желаній безумныхъ, все, все...
И неприступной стояла скалою.
Только смертельная блѣдность лица,
Только звучавшій рыданьями голосъ
Все выдавалъ: ты не меньше боролась
Съ сердцемъ, просившимъ любви безъ конца!

Вѣрить страшась и не въ силахъ не вѣрить,
Дико глядѣлъ на лицо я твое...
Радость, мечта моя, солнце мое,
Передъ тобою ли мнѣ лицемѣрить?
Я для любви огорченной забылъ
Гордость мятежную, юности бога:
Голосомъ плачущимъ долго и много,
Страстно и нѣжно тебя я молилъ!
Просьбой, софизмомъ, угрозой безумной,
Не убѣждая, я все убѣждалъ...
Дѣтски-наивный, онъ трогалъ, пугалъ,

Бредъ этотъ дикій, безсвязный и шумный! —
Душу твою онъ безплодно терзалъ.

Такъ, не сдаваясь, къ рѣкѣ горделивой
Мы подвигались... Порывъ ледяной
Вѣтра ночного, играя волной,
Сонъ прерывалъ ея чутко-пугливый...
Шли мы, разбитые долгой борьбой.

Въ горькомъ раздумьи шаги замедляя,
Глядя волнамъ убѣгавшимъ во слѣдъ,
Долго молчали мы, словно отвѣтъ,
Чей-то отвѣтъ роковой поджидая...

Блѣдный разсвѣтъ заалѣлъ надъ Невой...
. . . . . .

5.

Руки горестно сжавъ, съ сердцемъ, полнымъ тоской
И готовымъ отъ мукъ разорваться,
Обезумѣвъ при мысли, что часъ роковой
Наступилъ — намъ навѣки разстаться,
Горькій, горькій сорвать поцѣлуй я хотѣлъ
Съ милыхъ устъ, чтобъ и трепетъ, и муку,
И огонь мой въ тебя перелить онъ сумѣлъ...
И его-то прощальному звуку
Положить ты спѣшила предѣлъ!

6.

Борьба окончена — побѣда за тобой!..
. . . . . .

Но хоть теперь, исполнивъ повелѣнье
Слѣпой судьбы, проклявшей на Руси
За чей-то грѣхъ все наше поколѣнье, —
О, хоть теперь мой разумъ воскреси!
Скажи: за что, не зная сожалѣнья,
Убила ты всѣ свѣтлыя мечты
И нашу молодость, скупую на цвѣты,
Одѣла облакомъ тоски и озлобленья?

7.

Отъ рожденья, видно, тѣнь проклятья
Надъ тобой и надо мной витала!
И когда, въ безумный часъ, въ объятья
Ты ко мнѣ съ рыданьями упала,
Опьянѣвъ на краткое мгновенье, —
Ты ужъ знала тайну роковую:
Отравить спѣшила наслажденье,
Оторвать уста отъ поцѣлуя!..
Разогнавъ туманъ горячій страсти,
„Нѣтъ!“ и „нѣтъ!“ безжалостно твердила;
Разрывая сердце мнѣ на части,
Ты свое безъ ропота разбила.
Я-жъ, глупецъ, тебя съ твоей любовью,
Съ этимъ сердцемъ нѣжнымъ и глубокимъ,
Дни за днями истекавшимъ кровью, —
Палачемъ я звалъ тебя жестокимъ!

8.

Но... если все это сонъ? Страшный кошмаръ, что порою
Грудь молодую гнететъ непонятно?

Сонъ, только сонъ — о, конечно!
Хочется жить и любить безконечно . . .
Небо такъ ясно . . . Глубокой его синевою
Тѣшится взоръ . . . Жизни даль необъятна! —

О, приходи же, сестра моя милая, гдѣ ты?
Нашихъ сердецъ неугасшее пламя
Вмѣстѣ сольемъ и, любовью согрѣты,
Гордо поднимемъ великое знамя!
Да, приходи — наши пѣсни не спѣты.
Если въ прошедшемъ однѣ лишь безумныя грёзы,
Много страданій напрасныхъ и мало добра,

Если въ прошедшемъ не пышныя розы
Головы наши вѣнчали, сестра, —
Вспомни: едва прикоснулись мы къ жизненной чашѣ...
Вѣрь мнѣ: грядущее — наше!

9.

Тревогу ударило сердце больное —
Я голову поднялъ пылавшую.
Серебрянымъ блескомъ луны залитое,
Окно озаряло каморку дремавшую,
И слышенъ былъ мухи безсонной полетъ.
Чу, скрипнула дверь . . . Не *она* ли войдетъ?

Какъ легкая тѣнь, — величавая, блѣдная, —
Вошла ты, прекрасна, свѣтла . . . —

Сестра моя, другъ мой! Ты снова пришла —
Сказать, что разсѣяна грозная мгла,

Что пытка любовь умертвить не могла,
И пѣсни чтобъ пѣлъ я побѣдныя?

О, ты ль это, ты-ль, моя добрая, бѣдная?
. . . . . .
И тихо, и пусто... Поникъ головой
На ложе я жесткое, знойное,
И хлынули слезы горячей волной...
Усни ты, о сердце мое безпокойное,
Усни, если можешь!.

10.

Мнѣ снилось, что ты умерла...
Стоялъ я, безмолвный и блѣдный,
Предъ пышнымъ покровомъ стола
Съ моею голубкою бѣдной.

Ужъ тайны торжественной страхъ
Коснулся чела молодого;
Казалось, на блѣдныхъ устахъ
Застыло завѣтное слово.

При блескѣ полдневныхъ лучей
Загадочно свѣчи свѣтили;
Толпы равнодушныхъ людей
Входили и вонъ выходили.

Враждебно взглянувъ на меня,
Къ усопшей съ лобзаньемъ спѣшили, —
Они, что̀ до этого дня
И гнали тебя, и бранили!

Жалѣли страданья твои,
На видъ мой безстрастный дивились,
Въ сокровищахъ нашей любви
Руками нечистыми рылись;

Какъ судьи, шептались кругомъ,
Косясь, головами качали,
Меня обвиняли во всемъ,
Твоимъ палачемъ называли...

И съ плачемъ проснулся я вдругъ! —
Проснулся — и понялъ съ тоскою:
Во снѣ этомъ, бѣдный мой другъ,
Не все было грезой ночною...

11.

Я воленъ и гордъ... Свѣтъ и пламя въ груди,
И жизни такъ много еще впереди!

Но страшное, темное чувство тревожитъ
Мнѣ душу... Поникла и муза, скорбя...
Я скрыть, милый другъ, не могу отъ тебя, —
Скажи мнѣ: что, если, быть можетъ,
Какъ вихрь, налетитъ прежде времени врагъ
И, крылья спаливъ, осмѣявъ и мечту золотую
На силу и волю мою молодую
Наложитъ оковы и мракъ?..

. . . . . .

Скажи же, родная: за душной стѣной
Меня навѣстишь ты?.. Съ былою любовью,

Убитой такъ злобно людьми и тобой,
Истекшей живыми слезами и кровью
Подъ гнетомъ печалей великихъ и мукъ,
Забытой, какъ повѣсть терзаній и страха,
И снова, какъ фениксъ, возставшей изъ праха, —
Ко мнѣ ты придешь ли, мой другъ?..

12.

— Такъ знай же: въ тюрьмѣ я!.. Свѣтла и просторна
Тюрьма моя; нѣтъ въ ней рѣшетокъ желѣзныхъ,
Ни шумныхъ затворовъ, ни пытки позорной,
Ни стражей нѣмыхъ, ни цѣпей безполезныхъ.
Весь міръ меня давитъ, какъ злая темница:
Мнѣ душно и тяжко! Я — дикая, вольная птица!
Я проклялъ прошедшаго мракъ безпредѣльный,
Разбилъ, осмѣялъ вѣковыя святыни
И ветхому міру сказалъ я: отнынѣ
Я врагъ твой смертельный!..
Но гдѣ-жъ оно, воинство правды и свѣта?..
Гдѣ, гдѣ вы, друзья? Откликайтесь, коль живы!
На бранныхъ полянахъ костьми полегли вы,
И сумракомъ свѣтлая память одѣта.
Иныхъ распиналъ по дорогамъ въ ущельяхъ,
На страшныхъ крестахъ, побѣдитель надменный,
Иныхъ заточалъ въ гробовыхъ подземельяхъ,
Разсѣялъ другихъ по вселенной!
Зловѣщая тьма, какъ во львиной пещерѣ...
Прочны безъ желѣза тюрьмы моей двери!
Не коршуны лютые, злые тираны —

Мнѣ сердце грызетъ что-то болѣе злое:
Окутало душу безсилье нѣмое,
И псы говорящіе лижутъ мнѣ раны.
Кровавый напитокъ по вкусу находятъ...

И стоны мои до тебя не доходятъ?!

13.

Съ трескомъ сводъ небесный
Пополамъ раздался,
И надъ міромъ скорби
Красный день занялся!..

И трубилъ архангелъ
Надъ землей безгласной:
„Пробудитесь, дѣти!
Конченъ мракъ ненастный.

„Грозныя навѣки
Отошли видѣнья, —
Всѣмъ отнынѣ счастье
И за все прощенье!“

Точно волны въ морѣ
Ночью непогодной,
Колыхался бурно
Океанъ народный;

Въ солнечномъ сіяньи
Лица улыбались,
И вѣнки пестрѣли,
И уста сливались...

И въ толпѣ счастливой,
Плывшей за толпою,
Я увидѣлъ, другъ мой,
Будто насъ съ тобою, —

Юношу съ подругой,
Намъ во всемъ подобныхъ,
Но блаженно-ясныхъ
И душой незлобныхъ.

Чуждые сомнѣній,
Бодрою стопою
Шли они, ликуя
И рука съ рукою.

Мартъ—сентябрь.

* * *

По лазури, чуть бѣлѣя
Вьются стаи облаковъ;
Рѣчка мшистая, синѣя,
Тонетъ въ зелени луговъ.
Незабудокъ мирныхъ глазки
Съ береговъ ея глядятъ,
И кругомъ, какъ въ царствѣ сказки,
Тишина и ароматъ.
Съ умиленною душою,
Съ окрыленною мечтой
Я стою, открытый зною,
Надъ уснувшею волной.
Сильныхъ плечъ ярмо безсилья
Малодушно не гнететъ;
Юность гордая, какъ крылья,
Смѣло мчитъ меня впередъ!
Въ дикій сумракъ лѣтъ далекихъ
Дерзко хочетъ заглянуть, —
И яснѣе водъ широкихъ
Передъ нею жизни путь!

Рѣчка Кунья.

* * *

Проснись, дитя мое, проснись,
Отъ сладкихъ сновъ и грёзъ!
Ужъ пиръ готовъ — тебѣ сплетенъ
Вѣнокъ колючихъ розъ.

Спѣши-жъ въ тотъ городъ роковой,
Гдѣ, какъ безумный бредъ,
Проходятъ дни, бѣгутъ года:
Безъ боли — счастья нѣтъ!

Спѣши бороться и страдать,
И пламенно любить,
И жертвой жертвы не считать
И лишь для жертвы жить!

Но свѣтелъ будетъ твой вѣнецъ
Изъ перловъ тайныхъ слезъ...
Проснись, дитя мое, проснись
Отъ сладкихъ сновъ и грёзъ!

Сказочный Городъ.

Ты знавалъ этотъ городъ тумановъ,
Городъ холода, мглы и тоски?
Сонмъ блестящій дворцовъ-великановъ
Предъ лицомъ горделивой рѣки,
Грозно плещущей въ стѣну гранита,
Лабиринты гремящихъ сердито
Стройныхъ улицъ, громадъ-площадей, —
Ты знавалъ на зарѣ своихъ дней?..

Ахъ! любовью болѣзненно-страстной
Я люблю этотъ городъ несчастный!

Блѣдный сѣверъ, нашъ сѣверъ родной,
Съ красотою его монотонной,
Тихой грусти лучемъ просвѣтленной, —
Весь онъ тутъ, какъ въ картинѣ живой.
Безъ цвѣтовъ и безъ пѣсенъ весна;
Въ бѣлый саванъ наряжены ночи,
И отъ страха не свѣтитъ луна...
Жаждутъ отдыха скорбныя очи,
Но сомкнуться не могутъ для сна,
Съ тайнымъ ужасомъ въ даль устремляясь,

Гдѣ, загадочно, странно сплетаясь,
Тѣни блѣдныя движутся... стонъ
Чей-то чудится... Явь, или сонъ?
А январскія долгія ночи
Надъ закованной въ цѣпи рѣкой,
Когда яркія звѣздныя очи
Смотрятъ въ душу съ тоскою нѣмой,
И, облитый огнями земными,
Словно хочетъ соперничать съ ними
Возносящійся къ небу чертогъ?

. . . . . .

Или — день, ослѣпляющій блескомъ,
Когда съ глухо рокочущимъ плескомъ,
Пестроты и движенья полна,
Въ даль уходитъ людская волна?..
Даже грозно-нѣмыя твердыни,
Гдѣ во имя великой святыни
Столько мукъ, страшныхъ мукъ безъ конца
Горделиво, безъ слезъ принималось,
Столько силъ молодыхъ разбивалось,
Въ темнотѣ гробовой задыхалось,
Не прося и въ грядущемъ вѣнца, —
Даже эту глухую твердыню,
О, друзья! я люблю, какъ святыню...
Въ этихъ каменныхъ глыбахъ и онъ,
Лучшій другъ моей юности бѣдной,
Былъ во цвѣтѣ надеждъ погребенъ.
Часто, слабый, безпомощный, блѣдный,
Онъ мерещился мнѣ въ тьмѣ ночей,
Когда сонъ убѣгалъ отъ очей,
И, безсильною злобой сгорая,

Въ лютой горести руки ломая,
Я на битву врага вызывалъ,
Какъ о счастьи, о жертвѣ мечталъ!..
Мимо ленты таинственно-красной
Этой грозной темницы не разъ
Проходилъ я въ полу́ночный часъ
Съ горькой думой: „Товарищъ несчастный!
Отчего искупительный рокъ
Не меня на страданья обрекъ?“...
Я люблю этотъ омутъ, гдѣ дышишь
Опьяняющимъ запахомъ ранъ
И клокочущій грозно вулканъ
Подъ ногами усталыми слышишь,
Гдѣ такъ жадно на гибель спѣшишь,
Напрягаешь безумно усилья
И, какъ будто могучія крылья
За спиной ощущая, летишь
Прямо къ безднѣ, съ отвагою дикой...
Какъ колодникъ оковы свои,
Я люблю этотъ городъ великій,
Въ неповинной омытый крови!

Часто, въ вихрѣ борьбы безконечной
Обезсилѣвши, съ болью сердечной,
Со стыдомъ, безъ оглядки бѣжишь
Въ ту родимую ясную тишь,
Гдѣ волшебною сдѣлаться сказкой
Могутъ лютыя муки твои,
Гдѣ живитъ благодатною лаской
Мать-природа, царица любви,
Гдѣ забыть, хоть на время, возможно,

Какъ порою борьба безнадежна...
Что-жъ? Едва въ глубинѣ твоихъ ранъ
Стихнетъ боль, и горячій, кровавый
На мгновенье растаетъ туманъ, —
Онъ ужъ вновь предъ тобой — великанъ
Роковой, въ красотѣ величавой.
Грустный, скорбный, зоветъ онъ къ себѣ
Днемъ и ночью... Въ великой борьбѣ
Истекая слезами и кровью,
Жить враждою зоветъ и любовью!
Въ этомъ зовѣ — моленье и власть,
И угроза и ласка участья,
Обѣщаніе муки и счастья...
Онъ зоветъ — побѣдить, или пасть!

Августъ.

* * *

Съ тоскующей улыбкой, долгимъ взоромъ
Ты на меня смотрѣла, и въ отвѣтъ
На рѣчь любви мнѣ прозвучалъ укоромъ
Вопросъ твой ласковый: „А если это... бредъ?
Бредъ увлеченья, сердца молодого
Недолгій жаръ, мечта, волшебный сонъ?
Миражъ разсѣялся — и путникъ видитъ снова
Песокъ степей да знойный небосклонъ.
Что, если такъ?..“
Въ чаду любви безумной,
Протестовалъ я страстно! Голосъ мой
Звучалъ увѣренно...
Походкою безшумной
Ты шла впередъ, рука съ моей рукой.
Въ ночной тиши, мерцаньемъ звѣздъ далекихъ,
Мерцаньемъ трепетнымъ едва озарена,
Отдавшись вся теченью думъ глубокихъ,
Ты шла впередъ, печальна и блѣдна.

И разрывалась грудь моя на части,
И душу жегъ стыда и гнѣва крикъ,

Что въ грозный часъ борьбы за жизнь и счастье
Такъ жалокъ онъ, любви моей языкъ!
Что онъ не могъ печальное сомнѣнье
Твоей души въ зародышѣ убить
И тусклыхъ дней моихъ безцѣльное томленье,
Какъ солнцемъ, жизнью озарить!

---

* * *

Друзья! Въ тяжелый мигъ сомнѣнья
Взгляните пристальнѣй назадъ:
Какія скорбныя видѣнья
Оттуда съ ужасомъ глядятъ!
И молятъ, и, какъ-будто, плачутъ,
Грозятъ кистями рукъ худыхъ...
Что̀ ихъ мольбы нѣмыя значатъ?
Кому, за что упреки ихъ?

То — наши братья... Жизнь, свободу,
Всѣ блага лучшія земли
Они родимому народу
Съ любовью въ жертву принесли.
Они погибли, вѣря страстно,
Что мы пойдемъ по ихъ стопамъ
И не дадимъ пропасть напрасно
Ихъ жертвамъ, ранамъ и скорбямъ!

Когда въ постыдный часъ забвенья
Страдальца-брата тѣнь мелькнетъ, —
Какая буря возмущенья
Внезапно сердце потрясетъ!

Святыя слезы покаянья
Подступятъ къ горлу... И опять
Кипитъ душа огнемъ желанья —
Идти на крестныя страданья,
Всю душу родинѣ отдать!

1884.

Фантазія.

I.

Не морская ли краса-царевна
Вышла въ полночь изъ глубинъ лазурныхъ
Любоваться зыбью моря гнѣвной,
Тѣшить взоръ блистаньемъ молній бурныхъ?
Въ бѣломъ вся... Ей, будто, незнакомо
Чувство страха — на устахъ улыбка.
Въ грозный часъ она средь волнъ, какъ дома.
Какъ тростникъ, то вся пригнется гибко,
Покорится робко урагану,
То воспрянетъ, взорами блистая, —
Простираетъ руки къ океану,
Къ новымъ битвамъ волны призывая!
Шепчутъ губы страстныя моленья,
Малодушныхъ укоряютъ властно,
Честно павшимъ шлютъ благословенья,
Часъ побѣды призываютъ страстно!

Разметались, точно крылья ночи,
Косы-змѣи, на земь ниспадаютъ,
И, какъ звѣзды, огневыя очи
То блестятъ, то тихо угасаютъ...
Все слѣдятъ съ мольбой и ободреньемъ,
Какъ волна вслѣдъ за волною мчится
Съ бурнымъ плескомъ, съ пламеннымъ рѣшеньемъ —
Побѣдить, или самой разбиться!
Вотъ одна ударилась — разбилась,
Разлетѣлась въ брызги огневыя...
Тихимъ стономъ море огласилось:
„Я разбилась, сестры дорогія!“
Но выходитъ слѣдомъ рать за ратью,
Пламенѣя новой жаждой мщенья:
Кличъ призывный... стонъ глухой... проклятье...
Снова смерть — и снова гулъ сраженья!

Въ тьму временъ идутъ за годомъ годы,
Въ тьму временъ за вѣкомъ вѣкъ идетъ.
За мечту простора и свободы
Длится бой, вражда не устаетъ.
Не дрожитъ утеса грудь нѣмая!
Твердъ и прямъ, властительно-суровъ,
Онъ стоитъ, угрозамъ не внимая,
Все стоитъ въ зеленой шапкѣ мховъ.
Но не спитъ... Въ груди за раной рана
Тайно зрѣетъ... Грозный часъ пробьетъ:
Рухнетъ онъ въ пучину океана,
Рухнетъ съ трескомъ, воздухъ потрясетъ!
И тогда изъ душныхъ стѣнъ неволи,
Съ гордымъ плескомъ, бѣшеной толпой

Хлынутъ волны, — хлынутъ, гимномъ воли
Оглашая славный подвигъ свой!

II.

Но, поодаль, что за тѣнь другая?
Кто онъ, блѣдный юноша? Лежитъ
Онъ у ногъ красавицы, роняя
Жемчугъ слезъ на сумрачный гранитъ.
Онъ излилъ предъ ней всю бурю страсти,
Весь огонь тоскующей души,
Заклиналъ ее мечтой о счастьи,
Свѣтломъ счастьи въ мирѣ и въ тиши;
Звалъ ее бѣжать отъ урагана,
Гнѣва молній, шума ярыхъ волнъ,
Въ царство грёзъ и сладкаго обмана,
Въ царство сновъ направить легкій челнъ!
— „День придетъ — гигантъ-утесъ поваленъ,
Тяжкій стонъ раздастся въ сердцѣ горъ...
О, слѣпцы! За грудами развалинъ
Новыхъ скалъ вершины встрѣтитъ взоръ!
Вопль тоски, проклятій возгласъ дикій
Облетитъ безбрежный океанъ:
— Это все?.. Вѣка борьбы великой,
Тяжкихъ жертвъ — все было ложь, обманъ?
Это все?!..“
И, въ мукахъ изступленья,
Истощивъ огонь молитвъ и слезъ,
Онъ лежалъ безъ признаковъ движенья,
Павъ лицомъ горячимъ на утесъ.

III.

Но не ей, рожденной съ духомъ смѣлымъ,
Знать борьбу и ядъ сомнѣній злыхъ:
Все стоитъ, плащемъ закрывшись бѣлымъ,
Взоръ склонивъ къ пучинѣ водъ сѣдыхъ.
Словно вождь, отважно кличетъ къ бою
За волной волну, за ратью рать,
Словно вождь, даетъ имъ знакъ рукою,
Страшный знакъ — идти и умирать!
Не глядитъ на спутника, — тревожитъ
Миръ его улыбкой безъ рѣчей
И понять, строптивая, не можетъ
Мукъ его и слезъ его объ ней!

Январь.

* * *

Сколько разъ надо мной пролеталъ
Ураганъ, безпощадно-суровъ,
Сколько разъ покрывался мой садъ
Лепестками погибшихъ цвѣтовъ, —
И всегда возвращался назадъ
Май въ вѣнкѣ распустившихся розъ,
Съ безмятежной лазурью небесъ
И довѣрчивымъ лепетомъ грёзъ!
Не дивись же, мой любящій другъ,
Что живу я, какъ будто шутя,
Что во мракѣ нависшей грозы
Я тебѣ улыбаюсь, дитя:
Если много въ душѣ твоей силъ,
Молодыхъ, непокорныхъ судьбѣ,
Если кровь безпокойнымъ ключемъ
И кипитъ, и клокочетъ въ тебѣ;
Если вихремъ не все сметено,
Если жизни хоть искра цѣла, —
Вѣрь: опять возвратится весна,
И тепла, и красна, и свѣтла!..

Мартъ.

* * *

Не плачь, о мать моя, и сына не кори!
Не горе домъ твой посѣтило.
Съ тоской и горечью врагамъ не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духомъ онъ возсталъ
Изъ ненавистной ночи гроба,
Когда увѣровалъ и истину позналъ,
И что ему смѣшна ихъ злоба!
Что много насъ; что съ бою счастье взять
Идемъ мы, не страшась гоненья,
И что, любя, за братьевъ погибать —
Нѣтъ въ мірѣ выше наслажденья!..
Родимая!.. Ты можешь ли понять
Слова мои? Одна моя кручина,
Что, умирая, можешь ты сказать:
„Я раньше схоронила сына“...

* * *

Я пою для тѣхъ, чьи души юны,
Кто болѣлъ, какъ за себя, за брата[1],
Музой былъ мнѣ сумракъ каземата,
Цѣпь съ веревкой — лиры были струны.
Вамъ заботы объ искусствѣ строгомъ,
Вамъ, пѣвцы любви и ликованья!
Я пою великія страданья
Поколѣнья, прòклятаго Богомъ.

Іюль.

---

[1] Первоначальное чтеніе:
Думой скорбной чье чело объято.

Буря.

Примчалась буря съ шумомъ, съ блескомъ!
Взбирались волны съ гнѣвнымъ плескомъ
На берегъ, чтобъ меня увлечь;
Грозились молніи сѣдыя
Остановить меня и сжечь;
Струились рѣки дождевыя;
Не умолкая, божій громъ
Гремѣлъ, мнѣ чудилось, кругомъ...

И не нашелъ нигдѣ я крова!
Гдѣ ложь бездушная жила,
Тамъ дверь захлопнулась сурово...
Друзья? — ихъ буря унесла.
Враги? — мольбы не вышло слово
Изъ устъ моихъ... И кровь текла
Изъ ранъ горячею струею,
И умъ былъ удрученъ тоскою...

Тогда къ тебѣ, къ тебѣ одной,
Мой другъ, мой ангелъ-утѣшитель,
Въ твою лишь постучать обитель
Дерзнулъ я робкою рукой.
Не пищи я искалъ, не крова:
Мнѣ нуженъ былъ любви привѣтъ,

Одно твое, одно лишь слово,
Твоихъ очей волшебный свѣтъ.
Но тщетно сердце разрывалось
Отъ скорби — мракъ стоялъ кругомъ...
Я звалъ — мнѣ буря откликалась,
Молилъ — ты спала сладкимъ сномъ!

Сент.

* * *

Не счастье я тебѣ принесъ —
О, нѣтъ! я это знаю, знаю:
Я каждый день твой отравляю
Отравою незримыхъ слезъ...
Ты плакать, гордая, не стала-бъ,
Хотя-бъ на казнь, на пытку шла;
Никто твоихъ не слышалъ жалобъ,
Не видѣлъ хмураго чела!

Цѣпями насъ судьба сковала:
Ни въ даль меня умчавшій валъ,
Освирѣпѣвъ, ихъ не порвалъ,
Ни ты сама ихъ не порвала!
Не разъ, любовь мою проклявъ,
Рвалась на волю ты со злобой —
И вновь, къ груди моей припавъ,
Клялась любить меня до гроба!

22 окт.

* * *

Въ минуты радости и горя
Къ тебѣ, мой другъ, къ тебѣ одной
Иду я, съ гордостью не споря:
Ты вдохновитель-ангелъ мой!
Иду съ душой всегда открытой,
То вновь воскресшей, то убитой...
Какъ братъ, припавъ къ твоей груди,
И плачу, и смѣюсь порою, —
И мнѣ прощенье впереди
За всякій грѣхъ передъ тобою!
Въ словахъ ли душу изолью,
Меня ты слушать не устанешь
И жизнь мятежную мою
Съ толпой осмѣивать не станешь.
Какъ въ книгѣ, ты читаешь въ ней
Безъ колебанья, безъ сомнѣнья;
А для меня въ душѣ твоей
Все, все — загадка безъ рѣшенья...

Порой, лишь эта мысль блеснетъ,
Иль, въ мукахъ ревности тоскуя,
Молю я тщетно поцѣлуя
И вижу — вся ты мракъ и ледъ, —
О, какъ томлюсь я, негодуя!

Мнѣ страсть волнуетъ бурно кровь,
А ты даришь не страсть больную,
Но ласки полную, святую,
Лишь материнскую любовь.
Въ твоей улыбкѣ горькой вижу
Я злой иронiи печать...
И такъ тебя я ненавижу,
Такъ начинаю проклинать!

Но вотъ минȕлъ порывъ мятежный,
И вижу я въ твоихъ очахъ
Опять прощенья отблескъ нѣжный,
И муки слѣдъ, и тайный страхъ,
И вижу — какъ, ломая руки,
Винить готова ты себя
За неспособность жить, любя,
За неумѣнье жить безъ муки...
О, другъ мой! вновь къ твоей груди
Я припадаю головою...
И новый грѣхъ передъ тобою
Ты мнѣ, любимая, прости!

Письмо.

Оно дрожитъ въ рукахъ моихъ,
Письмо любви, столь дорогое,
Гдѣ каждый знакъ и каждый штрихъ,
Все говоритъ мнѣ про былое, —
Про дни, когда жилось теплѣй,
Свѣтлѣй въ грядущее глядѣлось,
Любилось искреннѣй, полнѣй
И жить такъ пламенно хотѣлось!
Безъ слезъ глядѣть я не могу
На этотъ почеркъ торопливый...
И это все теперь я жгу,
Сейчасъ сожгу рукой пугливой?
Нѣтъ, нѣтъ! вѣдь легче было бъ-мнѣ
Сжечь руку въ этомъ же огнѣ!

Но... если чей неблагородный
Взоръ осквернитъ мой уголокъ,
Рукой безстыдной и холодной
Коснется кто завѣтныхъ строкъ?
Завѣтныхъ сердца струнъ коснется,
Надъ всѣмъ нахально насмѣется,
Растопчетъ каждый нѣжный цвѣтъ

Ногою грубою... О, нѣтъ,
Гори скорѣй, гори безслѣдно,
Свидѣтель чистыхъ юныхъ дней!
Въ гробницѣ памяти моей
Усни навѣкъ, о призракъ бѣдный,
Гори скорѣй, гори скорѣй.

Смерть орла.

Въ клѣткѣ желѣзной, въ неволѣ глухой,
Годы томился орелъ молодой;
Пищу убогую тихо клевалъ,
Тихо и гордо въ плѣну угасалъ.
Рѣзвыя дѣти толпились кругомъ,
Шумно глумились надъ бѣднымъ рабомъ,
Но отвѣчалъ онъ презрѣньемъ однимъ
Грубымъ нападкамъ, обидамъ слѣпымъ.
Вотъ, растворилась однажды тюрьма —
Съ глазъ, будто, спала гнетущая тьма...
Дико онъ крикнулъ, крылами взмахнулъ, —
Въ вольной лазури тотчасъ потонулъ!
Грудь молодая вздымалась легко,
Взоръ проникалъ далеко, далеко...

Тамъ, гдѣ въ туманѣ кончалась земля,
Вдругъ золотая метнулась змѣя;
Слѣдомъ, далекій таинственный гулъ
Волны эѳира слегка всколыхнулъ...
Дивное что-то свершилось въ орлѣ —
Гордая мощь пробудилась въ крылѣ!
Прямо и смѣло онъ къ тучѣ летѣлъ —
Встрѣтиться съ нею, могучей, хотѣлъ!
Тише, о тише, безумный!..

Впередъ,
Выше, все выше надменный полетъ!
Выше, все выше, — и въ сонмище тучъ
Врѣзался онъ, будто солнечный лучъ...
Громъ оглушительный встрѣтилъ его —
Онъ опьянѣлъ, не слыхалъ ничего.
Грозною тучи сомкнулись толпой —
Пуще взыгралъ онъ мятежной душой!
Ближе, все ближе... Вдругъ — божья стрѣла
Гнѣвно ударила въ сердце орла!
Возгласъ отваги застылъ на устахъ —
Камнемъ онъ съ неба низринулся въ прахъ...

Около клѣтки своей онъ упалъ,
Тамъ, гдѣ томился и гордо страдалъ.
Дѣти толпою бѣжали къ нему —
Бросить его поскорѣе въ тюрьму:
Поздно!.. Взмахнувши еще разъ крыломъ,
Онъ успокоился вѣчности сномъ.
И о раскаяньи очи его
Не говорили въ тотъ мигъ ничего.

II.

1884—1886.

1884.

Въ морѣ.

Не за каждымъ всплескомъ моря
Кормчій съ трепетомъ слѣдитъ:
Все рѣшитъ послѣдній грозный,
Все девятый валъ рѣшитъ!

Но, чтобъ валъ пришелъ девятый,
Валъ послѣдній, роковой, —
Нужны первыя усилья,
Нуженъ первый валъ... второй...

Пусть они едва замѣтны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите съ вѣрой
Побѣждающей волны!

27 ноября.

1885.

* * *

(Изъ Чезаре Никколини.)

Обрядъ окончился позорный...
Вотъ, глухо загремѣла дверь —
И проглотила пастью черной...
И я одинъ, одинъ теперь!
И дни пройдутъ, быть можетъ, годы...

— О, здравствуй, гробъ и вмѣстѣ храмъ
И колыбель родной свободы,
Живой укоръ ея врагамъ!
Молчанье тайны, тишь могилы...
Съ тройной рѣшеткою окно
Кидаетъ полусвѣтъ унылый...
Но нѣтъ! не все погребено!
О, сколькихъ блѣдныхъ, скорбныхъ тѣней
Я тихій шелестъ узнаю, —
Борцовъ минувшихъ поколѣній,
Здѣсь чашу выпившихъ свою!
Чу! словно стонъ, иль крикъ угрозы
Еще не смолкъ и по-сейчасъ...
Сырыя стѣны, будто, слезы
Роняютъ изъ закрытыхъ глазъ.

* * *

(На мотивъ изъ Ч. Никколини.)

Ночь. Тихо... Ни стоновъ, ни слезъ
Отъ муки безбрежной и боли...
Въ темницу я тѣло принесъ,
Но душу оставилъ на волѣ.

Опять надъ несчастной страной
Сгущается сумракъ насилья;
Опять у свободы святой
Оборваны свѣтлыя крылья.

Вотъ, вижу я: бродятъ они,
Отряды бойцовъ неумѣлыхъ,
Лишенныхъ въ ненастные дни
Вождей закаленныхъ и смѣлыхъ.

Врагу ли ударъ нанести
Минута велитъ роковая, —
Колеблясь, стоятъ на пути,
Въ раздорахъ отвагу теряя.

Примчится-ль стремительный шквалъ, —
Разсѣются, робки и слабы...
. . . . . .

Ночь. Тихо... Ни стоновъ, ни слезъ
Отъ муки безбрежной и боли...
Въ темницу я тѣло принесъ,
Но душу оставилъ на волѣ!

* * *

Товарищи, братья, друзья!
Не падайте гордой душою,
Ходите, веселость храня
И съ поднятой вверхъ головою.

Не разъ налетитъ ураганъ,
Вашъ камень съ горы низвергая,
Но вы, какъ могучій титанъ,
Работайте, рукъ не слагая!

Услышатъ пророковъ иныхъ
Въ годину тоски и сомнѣній,
Но вы не покиньте для нихъ
Святого труда поколѣній!

Знамёна свободы прямѣй
Въ рукахъ неподкупныхъ держите
И ихъ чистотою сильнѣй
Свободы своей дорожите!

Поставьте ихъ выше всего,
Что знаете въ мірѣ святого, —
И блага отца своего,
И сердца горячаго зова!..

Тайны поэта.

Ты дивилась, я помню, мой другъ,
Звучныхъ метровъ волшебному строю:
Вотъ зачѣмъ, въ шаловливый досугъ,
Всѣ ихъ тайны тебѣ я открою.

Ямбъ... Сверкая, какъ острый булатъ,
Онъ змѣей изворотливой вьется!
Съ каждымъ чувствомъ и другъ онъ, и братъ,
Легче всѣхъ онъ поэту дается.

Дактиль... Съ плавностью мощной рѣки
Онъ течетъ въ тѣснотѣ и просторѣ,
Знаетъ сердца онъ всѣ тайники,
Вѣетъ миромъ на самое горе.

А хорей говорливъ, какъ весной
Ручеекъ серебристый и зыбкій:
Какъ дитя, омрачится тоской
И опять озарится улыбкой...

Амфибрахій... Наряда нѣжнѣй
Нѣтъ для мукъ затаенно-мятежныхъ...

Но, мой другъ! что тѣхъ жалобъ больнѣй,
Что срываются съ устъ твоихъ нѣжныхъ?

Анапестъ же... Онъ въ души бойцовъ
Западетъ глубоко и надолго.
Въ самой нѣжности властно-суровъ,
Весь онъ дышитъ сознаніемъ долга.

Поэтъ.

Звонко-ль хохочетъ дитя,
Въ колыбели играя,
Дѣдъ ли вздыхаетъ, грустя,
О быломъ вспоминая;

Кроткая-ль свѣтитъ слеза
Въ часъ вечерней молитвы,
Въ сердцѣ-ль бушуетъ гроза
Съ жаждой мести и битвы, —

Все онъ умѣетъ постичь:
Передастъ его лира
Лепетъ, и думу и кличъ...
Повелитель онъ міра!

Къ сестрѣ.

(Шуточное посланіе изъ Петроп. крѣпости.)

Ликуйте, ямбы и хореи
И анапестъ, любимецъ мой!
Лети, лети ко мнѣ скорѣе,
Стиховъ и риѳмъ послушный рой!
Проснись, о дактиль вялый, длинный
И амфибрахій, нѣжный франтъ!
Играть тихонечко и чинно
Вамъ разрѣшилъ самъ комендантъ.
Конечно, васъ, бѣдняжки, можетъ
За то вѣдь прокуроръ пугнуть,
Но онъ не столь меня тревожитъ —
Съ нимъ мы поладимъ какъ-нибудь.
Должна ты знать преданье это:
Въ сѣдыя миѳовъ времена
Подъ арфу чудную поэта
Смягчались камни, и стѣна
Сама вкругъ города слагалась,
Росла, росла и укрѣплялась, —
Такъ пѣснь его была звучна.
Да, пѣснь его была — самъ пламень,
Уже чужой для нашихъ дней...
И знаю я: я — не Орфей,
Но прокуроръ-то развѣ камень?!

И вотъ ужъ крылъ незримыхъ плескомъ,
Я слышу, полонъ мой пріютъ,
И вижу — озарился блескомъ...
Они летятъ, они плывутъ,
Питомцы воли, цѣпью дивной
На кличъ хозяина призывный.
. . . . . .
. . . . . Подобно птицѣ,
Письмо за № седьмымъ
(Какая быстрота въ столицѣ!)
Въ пять дней пришло путемъ своимъ.
И я скажу моей сестрицѣ:
Твоя тоска, твоя печаль
Всего сильнѣй меня пугаетъ,
И не повѣришь, какъ мнѣ жаль,
Что мой языкъ про все болтаетъ!
Но это — счастья вѣрный знакъ:
Повѣрь мнѣ — тотъ, кто сердцемъ боленъ,
Всѣмъ на словахъ всегда доволенъ
И всякихъ жалобъ первый врагъ.
Онъ молчаливъ; а я... мой Боже!
Нѣтъ, нѣтъ! И если я плясать
Еще не вздумалъ здѣсь, такъ что же?
Мой другъ, не помышляю тоже
И носъ на квинту опускать.
„Не вдругъ увянетъ наша младость,
„Не вдругъ восторги кинутъ насъ,
„И неожиданную радость
„Еще узнаемъ мы не разъ!“
Гляжу впередъ — и тамъ читаю;
Не все лишь проклинаю тьму,

Но часто — вѣрь! — благословляю
Мою судьбу, мою тюрьму...

Однако, въ облакахъ Парнаса
Я задохнуться не хочу.
Итакъ, крылатаго Пегаса
Пониже чуточку спущу.

Ходить наскучивши по стрункѣ
И отощавши отъ постовъ,
Уже давно глотала слюнки
Русь въ ожиданіи блиновъ.
И вотъ ужъ тройки тучи снѣга,
Какъ вихрь, вздымаютъ въ небеса...
Эхъ, пропадай, моя телѣга,
Хоть всѣ четыре колеса!
И вотъ ужъ дымъ столбами вьется
Изъ жарко раскаленныхъ печъ;
Какъ будто въ пропасть, тѣсто льется,
Не въ моготу стряпухамъ печь.
Всѣ въ маслѣ плаваютъ и тонутъ,
Забыли гости стыдъ и честь:
Блинами давятся, и стонутъ,
И продолжаютъ ѣсть и ѣсть.
Ихъ ѣстъ и сошка полевая,
И, — катъ могучій всякихъ ковъ, —
Ихъ ѣстъ, сметаной поливая,
Михалъ Никифорычъ Катковъ.
Но обо мнѣ что слезы льете?
Въ своемъ укромномъ уголку
Вы тамъ блины свои печете,

Я здѣсь — стихи свои пеку.
Да съ тайнымъ сердца замираньемъ
Жду вашихъ писемъ день со дня:
Вотъ-вотъ — вѣнецъ моимъ желаньямъ,
Вотъ свѣтомъ брызнетъ на меня!
Всѣ ваши близки мнѣ волненья,
Тревоги ваши, ваша грусть,
И строки, чуждыя значенья,
Твержу съ отрадой наизусть!
Ищу проворными глазами:
Кто гдѣ стоялъ, кто какъ сидѣлъ?
Кто хлопалъ въ оперѣ ушами
И кто блины съ охотой ѣлъ?

. . . . . .

P. S.

Благословенна власть Господня:
И мы блины ѣдимъ сегодня.

31 янв. 85 г.

Голуби.

Тюрьма, какъ нѣкій храмъ, я помню, въ дѣтства годы
Плѣняла юный умъ суровой красотой...
Увы! не царь-орелъ, не воронъ, сынъ свободы,
Къ окошку моему теперь летятъ порой,
Но стая голубей, смиренниковъ голодныхъ,
Воркуя жалобно, своей подачки ждетъ, —
Народъ, не знающій преданій благородныхъ,
Въ позорномъ нищенствѣ погрязнувшій народъ!
Эмблема кротости, любимый житель неба, —
О, голубь, бѣдный рабъ, тебя-ль не презирать?
Для тощаго зерна, для жалкой крошки хлѣба
Ты не колеблешься свободой рисковать.
Нѣтъ! въ душу узника ты лишь подбавишь мрака,
Проклятье лишнее въ ней шевельнешь на днѣ...
— Воришка, трусъ и жадный забіяка,
Какъ ты смѣшонъ, и какъ ты жалокъ мнѣ!

На смерть любимаго голубя.

(Шутка.)

Плачьте, ямбы и хореи:
Умеръ бѣдный мой Орестъ!
Плачь, печальный амфибрахій,
Величавый анапестъ!
Какъ Пиладъ осиротѣлый,
Аппетитъ я потерялъ:
Мой любимецъ, мой Красавецъ
Ни за что, про что пропалъ...
Не увѣнчаннаго славой
Осѣнила смерти ночь,
Не на подвигѣ великомъ
Измѣнила сила — мочь;
Не въ бою съ врагомъ кичливымъ
Буйну голову сложилъ:
Дрянь какую-нибудь, видно,
Въ часъ недобрый проглотилъ...

Долго, грустный и туманный,
Онъ являлся на окнѣ,

Безучастный къ битвамъ жаркимъ
И къ добычѣ, — какъ во снѣ.
Отъ простыхъ молокососовъ,
Двухнедѣльныхъ пискуновъ, —
О позоръ! — сносить покорно
Оскорбленья былъ готовъ.
И потомъ... ушелъ навѣки
„Отъ печальныхъ здѣшнихъ мѣстъ“!
Плачьте, ямбы и хореи,
Плачь, суровый анапестъ!
Въ часъ мучительной кончины
Очи кто ему закрылъ?
Гдѣ, въ какой помойной ямѣ
Благородный прахъ почилъ?
Не пески его сокроютъ,
А ворона, кошка съѣстъ...
Плачьте, дактиль, амфибрахій,
Ямбъ, хорей и анапестъ!

Но она, его подруга?
Что-жъ она? Не ѣстъ, не пьетъ?
Лишь о гибели супруга
Токи слезъ горючихъ льетъ?
Отъ данаянки Елены
Вплоть до нашихъ скорбныхъ дней —
О, позорный видъ измѣны
Слабыхъ Зевса дочерей!
Позабытъ Аидомъ взятый
И осмѣянъ славный прахъ:
У измѣнницы пернатой
Ни слезинки на глазахъ.

За интрижкою амурной
Аппетитно пьетъ и ѣстъ...
Негодуй же, ямбъ мой бурный,
Плачь отъ злости, анапестъ!

Въ почетѣ.

(Шутка.)

За мое къ свободѣ рвенье
Дали мнѣ на много лѣтъ
Даровое помѣщенье,
И прислугу, и обѣдъ.
Май ужъ вѣсть несетъ о лѣтѣ,
Мнѣ же почесть велика:
Разъѣзжаю я въ каретѣ,
И при мнѣ два гайдука.
Двое рослыхъ и здоровыхъ,
Исполнительныхъ ребятъ,
На лету поймать готовыхъ
Слово каждое и взглядъ.
Я взгляну въ окно — и оба
Не преминутъ заглянуть:
Не могла-бъ моя особа
Взволноваться чѣмъ-нибудь...
Какъ ни душно, укрываютъ
Всѣ-то щелочки отъ глазъ
(Очень строгій выполняютъ,
Видно, доктора приказъ!);

Чуть задержка небольшая —
Безпокойно бродитъ взглядъ...
И на кучера-лѣнтяя
Грознымъ голосомъ кричатъ!

Все такъ искренно, безъ лести,
Больше ждать — судьбу гнѣвить...
И отъ столь великой чести
Можетъ временемъ стошнить!

Сны узника.

1.

Все золотые сны о волѣ...
Но сколько муки, сколько боли
Въ тѣхъ сновидѣньяхъ золотыхъ!

Вотъ, шорохъ дальняго движенья:
Не съ неба-ль ангелъ утѣшенья?
Не другъ ли, вѣстникъ избавленья?
Увы! то смѣна часовыхъ.
И, какъ въ гробу, все тихо снова...

Но, чу! шаги... звучнѣй, звучнѣй...
Запоры прочные дверей
Гремятъ... И выразитъ ли слово
Неудержимый сердца крикъ?
— О, радость! О, блаженства мигъ! —
О н а... Какъ мученика слава,
Вошла — прекрасна, величава...

Но что съ тобою? Ты блѣдна,
Ты молчалива, ты грустна?
Съ какой безстрастностью нѣмою

Твоя рука лежитъ въ моей,
Какъ страненъ блескъ твоихъ очей...
О, другъ мой, другъ мой, что съ тобою?
. . . . . .

2.

Мнѣ снилось — ты навѣкъ уснула,
Но друга не забыла ты
И въ часъ ночной къ нему впорхнула,
Безшумнѣй тѣни иль мечты.
Не загремѣлъ затворъ тяжелый,
Не распахнулась дверь тюрьмы,
Но, какъ въ былые дни, веселый
Мнѣ голосъ прозвучалъ изъ тьмы:
„Я порвала земныя цѣпи!
Передо мной весь Божій міръ —
Небесъ лазоревыя степи,
Свобода вѣчная и миръ.
— Иди за мной!..“

Пѣсня.

Не уснуть!..
Пышетъ грудь,
Словно пламенная,
И растутъ
И гнетутъ
Стѣны каменныя.

Вотъ, волной
Грозовой
Подступающая,
Рвется вонъ,
Будто стонъ,
Пѣснь рыдающая!

О, зачѣмъ?
Гробъ твой нѣмъ.
Пѣснь отравленную
Схорони, —
Не кляни
Жизнь раздавленную!

Ни за что,
Ни про что

Жизнь загубленную:
Не за кровь —
За любовь
Не подкупленную!

Нѣтъ! не спитъ,
Все болитъ
Грудь пылающая;
И поетъ,
И растетъ
Пѣснь рыдающая...

---

* * *

Такой есть міръ, гдѣ нѣтъ зари разсвѣта,
Юдоль тоски, гдѣ безъ цвѣтовъ весна.
Разбита жизнь — и стоны безъ отвѣта,
Мелодій нѣтъ у вѣщихъ струнъ поэта,
Алтарь погасъ, и въ храмѣ тишина...

* * *

(Г. А. Лопатину.)

Въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ кипучихъ,
Въ трудной жизненной борьбѣ
Ты вѣнца изъ терній жгучихъ
Жаждешь, юноша, себѣ.
Ты смѣешься свѣжимъ ранамъ,
Быль не хочешь поминать:
Юный дубъ подъ ураганомъ
Любитъ крѣпнуть и мужать!

Но тому, кто съ думой гнѣвной
Вѣкъ бродилъ въ краю чужомъ
За красой своей — царевной,
Унесенной колдуномъ;
Кто въ тревогахъ жизни бранной
Волосъ свой посеребрилъ,
Въ вихрѣ бурь, въ ночи туманной
Силы юныя сгубилъ;
И, казалось, рокъ враждебный
Умолилъ на склонѣ дней —
Отыскалъ дворецъ волшебный
Съ ненаглядною своей;
И ужъ къ ней, какъ окрыленный,

Руки жадно простиралъ,
Но... лишь воздухъ обнялъ сонный,
Призракъ мертвый и — упалъ, —
Ахъ! ему душой строптивой
Ужъ не рваться снова въ даль,
Подъ улыбкой горделивой
Затаивъ свою печаль!..

* * *

За все, за все, — за гордый пылъ,
За свѣтъ и ласку ободренья
Во дни унынья и смущенья,
Когда надъ бездной я скользилъ,
За все, чѣмъ я такъ счастливъ былъ, —
Самъ точно проклятый судьбою, —
Я жизнь твою передъ зарею
И тьмой, и ужасомъ облилъ!..

Когда изъ устъ жестокихъ свѣта
Насмѣшекъ ринется потокъ,
И изъ терновыхъ иглъ вѣнокъ
Надѣнутъ на чело поэта,
Я, презирая всѣ хулы,
Спрошу лишь съ болью и тоскою:
О, нѣтъ ли въ томъ вѣнкѣ иглы,
Вплетенной милою рукою?..

Проводы.

Въ этомъ городѣ страшномъ, въ краю роковомъ
Лишь отдавшійся тинѣ житейской во власть
Можетъ вольно дышать торжествующимъ зломъ
И судьбы не проклясть!

Изъ терновника вьетъ здѣсь и слава вѣнокъ —
Не изъ ландышей рощъ и фіалокъ полей...
Ты, голубка моя, ты, мой нѣжный цвѣтокъ,
Дальше, дальше скорѣй!

Будутъ страшные дни: душу всю истомишь,
Слезы выплачешь всѣ въ одиночествѣ, — вѣрь!
О, уйди же скорѣй въ ту безбурную тишь —
Отдохнуть отъ потерь.

Хоть на мигъ, хоть на зло безпощадной судьбѣ,
Обмани свое сердце больное мечтой,
Что страдалъ здѣсь другой, кто-то чуждый тебѣ,
Сильный, смѣлый душой;

Что заря ужъ близка — и увидимъ мы въявь
Наши свѣтлые сны... Тамъ, въ родимомъ краю,
Отдохни, милый другъ мой! Меня же оставь
Выпить чашу мою!

19 апрѣля.

* * *

Въ дни радости свѣтлой, какъ ландышъ стыдливый,
Отъ взоровъ людскихъ, и согрѣтыхъ участьемъ,
Любви твоей солнце таилось пугливо
И мнѣ лишь свѣтило привѣтомъ и счастьемъ;
Но, другъ мой! въ тѣ чудные, ясные дни
Тебя истерзали сомнѣнья мои...

Теперь же, когда въ безотрадной разлукѣ
Такъ мало отъ жизни мечты мои просятъ,
И только чужія холодныя руки
Твою мнѣ далекую ласку приносятъ;
Теперь, когда нашей завѣтной святыни
Съ глумленьемъ коснулась и самая злоба,
И гнѣвъ нашъ безсиленъ, и въ сумракъ пустыни
Изъ свѣтлаго рая мы изгнаны оба, —
Ахъ, если бъ ты знала, какъ ночью и днемъ
Грущу я и плачу о счастьи быломъ!

Орлица.

Орлица дѣтище свое
Въ разсѣлинѣ скалы укрыла.
Окрѣпъ птенецъ — и, быстрокрылый,
Умчался, позабывъ ее.
Въ восторгахъ вольнаго паренья,
Средь браней шумныхъ и удачъ
Ему-ль доступно сожалѣнье?

— Не плачь, о мать моя! Не плачь!
Настанутъ дни: худой и блѣдный,
Поверженъ будетъ въ прахъ боецъ,
И съ головы его побѣдной
Сорвутъ торжественный вѣнецъ.
Тогда-то, въ дни ночей темнѣе,
Забытъ, осмѣянъ, заклейменъ,
Средь милыхъ тѣней и именъ
Всего теплѣй, всего нѣжнѣе
Тогда тебя я вспомяну,
Тебя, кто душу далъ мнѣ въ мукахъ, —
И въ лебединыхъ струнныхъ звукахъ
Свою безпечность прокляну!..

Въ черный день.

Въ день черный юности кичливой
Мнѣ дѣтства дней лазурныхъ жаль!

Не голосъ матери пугливой
Мою баюкаетъ печаль.
Она растетъ, темна, какъ море
Подъ налетѣвшею грозой,
И часто въ непосильномъ спорѣ
Я никну буйной головой.
Лежу, какъ трупъ, — нѣмой, безсильный...
И сонъ очей не освѣжитъ —
Какой-то демонъ замогильный
Меня, убитаго, казнитъ:
Глазамъ закрытымъ раскрываетъ
Страницы, полныя стыда,
Съ усмѣшкой злобной обнажаетъ
За годомъ годы безъ слѣда.
Я — какъ преступникъ безотвѣтный,
Онъ — какъ бичующій пророкъ...
Но есть одинъ въ душѣ завѣтный,
Святой и чистый уголокъ!
И часто въ мигъ, когда, облитый
Нездѣшнимъ холодомъ и тьмой,

Съ душой приниженной, убитой,
Стою надъ бездной роковой,
И нѣтъ о жизни сожалѣнья,
И слезъ въ очахъ недостаетъ, —
Вдругъ благодатный лучъ спасенья
Изъ мрака дальнихъ лѣтъ блеснетъ...
И снова я — дитя!.. Безбрежна
Кругомъ полей родимыхъ даль,
И голосъ матери такъ нѣжно
Мою баюкаетъ печаль.

Голосъ.

Въ тѣ дни восторженности юной,
Когда, бывало, озаренъ
Сіяньемъ кроткимъ ночи лунной,
Отъ глазъ усталыхъ гонишь сонъ
И шепчешь пламенныя клятвы,
Въ слезахъ глотая звуки словъ:
„Во всѣ часы великой жатвы
Стоять въ рядахъ ея жнецовъ!“ —
Тогда одинъ ужасный голосъ
Меня, я помню, волновалъ.
На головѣ вздымая волосъ,
Онъ холодъ въ душу проливалъ;
Онъ смѣхомъ горькимъ, противъ воли,
Не разъ живые стоны боли
Срывалъ съ моихъ сердечныхъ струнъ.

Онъ говорилъ: „Дружокъ, ты юнъ!
Когда-бъ тебѣ я, пылъ твой мѣря,
Тебя-жъ въ грядущемъ показалъ,
Ты горько бъ, горько зарыдалъ,
Иль отвернулся, мнѣ не вѣря.
Но вѣрь: какъ въ уголъ бросилъ ты
Когда-то дѣтскую лошадку,

Такъ кинешь и свои мечты!
И, жизни разгадавъ загадку,
Протянешь руку тѣмъ врагамъ,
Которыхъ звалъ на бой жестокій,
И свѣтъ увидишь даже тамъ,
Гдѣ видѣлъ мракъ одинъ глубокій...

— Ты лгалъ, о голосъ злой, ты лгалъ!
. . . . . .

Что я скажу?..

(Памяти Н. А. Карауловой.)

Все вижу трупъ безжизненный,
Застывшій въ мукѣ взглядъ,
Глубокій, укоризненный...
Они уже молчатъ,
Уста оледенѣлыя,
Что̀ расцвѣли въ глуши
И, молодыя, смѣлыя,
Смѣялись отъ души!
Былое вновь не сбудется...
Но въ тихій часъ ночной
Все кто-то плачетъ, чудится,
И шепчетъ надо мной:

„Не ты-ль мнѣ кистью пламенной
Даль жизни рисовалъ
И въ городъ душный каменный
Отъ нивъ родимыхъ звалъ?
Чудовище — онъ голодомъ
Привѣтствовалъ меня,

Туманами и холодомъ,
А не сіяньемъ дня...
Уснули грёзы чудныя!
Въ могилѣ я лежу,
Нѣмая, непробудная"...

— А я... что я скажу?

Забытый другъ.

Когда, ледяное молчанье храня,
Угрюмыя стѣны меня обступили,
Отъ жизни, и счастья и свѣтлаго дня,
Какъ трупъ, навсегда отдѣлили;

И трупомъ лежалъ я, и твердой руки
Подать не пришелъ сострадательный геній,
И умъ былъ испо́лненъ безумной тоски,
Холодныхъ и горькихъ сомнѣній, —

Однажды, я помню, въ полу́ночный часъ
Услышалъ я голосъ желанный: „Воскресни!
Не все еще взято судьбою у насъ,
Не всѣ еще спѣли мы пѣсни“.

И поднялъ усталую голову я
На зовъ благодатный надежды и свѣта:
То Муза, то бѣдная Муза моя —
Она не забыла поэта!

Сквозь крѣпкія стѣны, затворы дверей,
Какъ голубь залетный, какъ вѣсть утѣшенья,
Впорхнула, чтобъ ласковой пѣсней своей
Смягчить его скорбь и мученья.

Она, чьей любви матерински-святой
Платилъ я скупымъ и холоднымъ вниманьемъ,
Кого лишь украдкой, измученъ борьбой,
Дарилъ торопливымъ лобзаньемъ,

Она, что была такъ грустна и блѣдна,
Пугливо глядѣла рабою забитой,
Теперь, какъ царица, явилась она,
Прекрасна, какъ сонъ позабытый...

Друзьями старинными встрѣтились мы
Безъ горечи въ сердцѣ, съ тепломъ всепрощенья.
О, помню ту ночь я подъ сводомъ тюрьмы,
Блаженную ночь воскресенья!

И страхъ, и сомнѣнья прогнали мы прочь,
И, словно какъ дѣти, мы стали сердцами:
То громко смѣяться хотѣлось всю ночь,
То горькими плакать слезами...

Я все ей повѣдалъ, я все ей открылъ —
Мою изболѣвшую ранами совѣсть,
И какъ я боролся, и какъ я любилъ,
И всю мою скорбную повѣсть.

Съ тѣхъ поръ я ужъ не былъ покинутъ и сиръ.
И часто мы громы съ небесъ призывали!
Но чаще... любовь призывали и миръ,
И чаще враговъ мы прощали...

— О, другъ мой! меня не могила страшитъ,
Не ужасъ забвенья, вражды съ клеветою,

Не край чужедальній, гдѣ вьюга шумитъ,
Но только разлука съ тобою!

Дочь свѣта! меня не покинь ты, молю,
И въ часъ, какъ смежить мнѣ потухшія вѣжды,
Пропой мнѣ послѣднюю пѣсню свою,
Прощальную пѣсню надежды!..

* * *

Другъ мой, добрый мой другъ! Не проси у меня
Больше пѣсенъ: на нихъ, будто, клятва лежитъ!
Скучны будутъ ихъ звуки въ сіяніи дня,
А теперь, въ эту ночь, буря ихъ заглушитъ.
Ахъ! не въ ясное утро, румяной зарей,
Вышелъ съ музой моей я на жизненный путь:
Громъ сердитый гремѣлъ, и во тьмѣ гробовой
Было жутко глядѣть, было трудно вздохнуть!
Рано душу зажегъ безпокойный недугъ,
Рано въ бурный потокъ волны насъ унесли,
И лишь раненыхъ стонъ да оружія стукъ
Вдохновлять насъ могли...

Но хотѣлось бы мнѣ, чтобы стихъ мой упалъ
Въ души чуткія, струны живыя задѣвъ;
И когда бы гнетущій кошмаръ миновалъ,
И надъ Русью побѣдный раздался напѣвъ,
И невзгоды бы всѣ этой мрачной грозы
Захотѣли грядущимъ вѣкамъ разсказать, —
Чтобы въ книгу печалей и нашей слезы
Не забыли вписать!..

Молитва.

Еванг. Матѳ. XXVI, 31; Марка, III, 19—20.

Дни настали слезъ и гнѣва,
Скорби лютой, страха дни...
Звукъ веселаго напѣва
Смолкъ, погашены огни.
Въ эти дни, когда такъ много
Соблазнившихся о ней,
Правдѣ вѣчной, правдѣ Бога,—
Я одинъ въ тиши ночей
Съ кроткимъ сердцемъ, съ тихимъ плачемъ
Повергаюсь передъ Нимъ.

Къ тѣмъ мольбамъ моимъ горячимъ,
Къ тѣмъ мольбамъ моимъ святымъ,
Сильный гнѣвомъ, чуткій слухомъ,
Боже! слухъ твой преклони:
Чтобы, ради слабыхъ духомъ,
Сократились эти дни!

* * *

Ну, что за Божья благодать:
Крамолы происки убиты,
Корой древесной люди сыты, —
Повсюду тишь, повсюду гладь!..

Время.

И день, и ночь летитъ стрѣлой
Мой борзый конь, мой конь лихой.

— Стой, вѣрный конь! Назадъ, довольно!
Устало сердце отъ чудесъ
Чужихъ, неласковыхъ небесъ,
Безъ родины такъ стало больно. —

Но конь не слушаетъ удилъ
И дальше мчится своевольно.
И страхъ мнѣ душу охватилъ.

— Назадъ, назадъ! Весны сьѣжѣе
Мой день взошелъ... въ крови — огонь...
Я жить хочу... Назадъ, мой конь!
Лети, какъ вихрь, назадъ скорѣе! —

И день, и ночь летитъ стрѣлой,
Но все впередъ, скакунъ лихой.

— Постой, молю... Здѣсь хмуръ и тѣсенъ
Широкій Божій міръ... Назадъ!
Тамъ струны, порваны, молчатъ,
А у меня такъ много пѣсенъ!

Летитъ скакунъ и день, и ночь
Отъ родины все дальше прочь.

— Смотри: какъ иней, серебрится
Ужъ голова моя... Назадъ! —
Но конь еще быстрѣе мчится
Безъ утомленья, безъ преградъ.

— Постой, палачъ, постой, жестокій!
Нѣтъ больше силъ, огонь погасъ...
Молю: хоть на единый часъ
Дай сонъ отрадный, сонъ глубокій! —

И, чудо! рѣчью мнѣ людской
Вдругъ отвѣчаетъ конь лихой:
„Ну, если такъ — нашъ путь не дологъ,
И на тебя со всѣхъ сторонъ
Спущу я ночи льдистый пологъ,
Чтобъ крѣпокъ былъ твой вѣчный сонъ.“

* * *

Вы говорите: „Не нужна
Намъ слава, не страшны потомки,
Укроютъ наши имена
Забвенья мирныя потемки".

Забвенья ждете вы? — О, нѣтъ!
Вамъ мало было бы забвенья...
Оставите вы прочный слѣдъ,
Вѣкамъ далекимъ въ поученье!
Когда изъ душной тьмы ночной,
Ликуя, красный день проглянетъ,
Отъ васъ, быть можетъ, внукъ родной
Съ тоской и ужасомъ отпрянетъ!

Въ той книгѣ памяти святой
О нашихъ жертвахъ и печаляхъ
Вы мрачной ляжете чертой
На окровавленныхъ скрижаляхъ.
И ужъ сѣдая старина
Обвѣетъ насъ давно молчаньемъ,
А ваши будутъ имена
Все повторяться съ содроганьемъ!..

Сила жизни.

Въ темномъ морѣ, въ часъ ночной,
Бурный, непогодный,
Шумной брошенъ я волной
На утесъ безплодный.

Пронеслась гроза; стоитъ
Тишь на океанѣ,
И родимый край блеститъ
Въ голубомъ туманѣ.

Тамъ опять, шумна, пестра,
Жизнь ключемъ забила,
Объ утраченномъ вчера
Вспоминать забыла!

Гдѣ живая кровь текла,
И струились слезы, —
Молодая жизнь взошла,
Распустились розы.

Безмятежнѣй глубь небесъ,
День яснѣй лазурный
И пышнѣй зеленый лѣсъ
Послѣ ночи бурной.

Освѣженныя поля,
Какъ на пиръ, рядятся...
И ужъ милая моя
Стала улыбаться!

Ты усни, любовь-вражда,
И замри, угроза:
Ни оттуда, ни туда
Нѣту перевоза!..

* * *

Не поминай, что ты меня сгубила,
Не поминай, что я сгубилъ тебя,
И все, что насъ, какъ злой кошмаръ, томило,
Забудь навѣкъ, забудь любя!

Но въ вихрѣ бурь и новыхъ треволненій,
Для слезъ иныхъ, для радости иной
Ты не забудь блаженныхъ сновидѣній,
Такъ рано прерванныхъ судьбой!

Не все въ нихъ сномъ — о, нѣтъ! не все вѣдь было?
Ихъ слѣдъ живой — не праздный сердца стонъ,
Не сладкій бредъ, что ты меня любила,
И ты сама — не лживый сонъ?

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Кровавыми слезами
Платили мы за каждый счастья часъ...
Что-жъ гнѣвъ людской? — Не въ силахъ боги сами
Отнять прошедшее у насъ!..

* * *

Все, все простить бы вамъ
Безъ злобы я готовъ! —
Что осквернили храмъ
Моихъ вы думъ и сновъ,
Ворвались въ часъ ночной
Въ святой тайникъ его,
Нечистою рукой
Касаясь до всего.
Онъ грозенъ, правды Богъ,
И вамъ въ глаза въ тотъ часъ
Смотрѣть я гордо могъ,
Не опуская глазъ!

Но не прощу я вамъ, —
Нѣтъ, палачи мои! —
Что вы ворвались въ храмъ
И тишь моей любви.
Свѣжѣе розъ весны
И ландыша скромнѣй,
Она была волны
Полуденной нѣжнѣй...

Купальская ночь.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

До утрà, въ томленьи страсти изнывая,
Не уснетъ сегодня мать-Земля сырая!

Душный воздухъ полонъ ароматовъ жаркихъ,
Вспыхнули зарницы чьихъ-то взоровъ яркихъ...
Чу! уста слилися въ поцѣлуѣ жгучемъ...
И по степи ровной, по лѣсамъ дремучимъ,
По дремавшимъ чутко камышамъ въ озерахъ,
Какъ отвѣтъ, промчался сладострастный шорохъ!
Пробилъ часъ блаженный: бурею признаній
Хлынули восторги пламенныхъ желаній!
И моленій стоны, и лобзаній звуки...

Мать-Земля тоскуетъ — близокъ день разлуки.
Ахъ! въ моихъ объятьяхъ ты все больше стынешь, —
Скоро, скоро, милый, ты меня покинешь
Я опять останусь сиротой печальной...
Вихрь сорветъ осенній мой уборъ вѣнчальный
И одѣнетъ, буйный, пеленою бѣлой
Трупъ мой бездыханный и оледенѣлый..."
Такъ, горюя, плачетъ мать-Земля сырая.

Но, любя безъ мѣры и за все прощая,
Милому сегодня пиръ она великій,
Пиръ любви готовитъ, праздникъ нѣги дикой!..
Великій и чудны этой ночи тайны:
Надъ землей струится свѣтъ необычайный;
Божьи очи-звѣзды кругомъ тѣснымъ стали
И любовно смотрятъ изъ лазурной дали...
Каждый цвѣтикъ малый въ изобильи щедромъ
Льетъ благоуханье; къ сокровеннымъ нѣдрамъ
Кладовъ заповѣдныхъ старины глубокой
Путь открылся вольный и для всѣхъ широкій...
Видимо для глаза и для уха слышно,
Вырастаютъ травы; расцвѣтаетъ пышно
Папоротникъ вѣщій, и съ разрывъ-травою
Шепчется, кивая яркой головою...

— Сынъ земли любимый!
Ко груди родимой
Въ эту ночь любви и нѣгъ
Ты, о гордый человѣкъ,
Припади съ мольбою,
Съ чуткою душою,
И тебѣ все можетъ дать
Торжествующая мать...

Тихъ курганъ высокій! Спитъ... Иль, можетъ, думу
Тайную лелѣетъ? Къ праздничному шуму
Глухъ и безучастенъ. Надъ его косматой
Шапкою зеленой чередой крылатой
Пролетѣли годы и вѣка промчались, —
И, бывало, такъ ли здѣсь пиры справлялись?

Тутъ не разъ былъ справленъ сабель пиръ кровавый,
Пиръ отваги буйной и казацкой славы!
Тутъ не разъ до-пьяна упивались гости —
Спать навѣки клали удалыя кости!
А той брагой щедрой, брагой хмѣльной, жаркой
Степь еще алѣла, — подъ луною яркой
Ужъ кружилась пляска въ сладострастьи дикомъ
Съ топаньемъ безумнымъ и съ разгульнымъ гикомъ!..

Стихло все, уснуло,
Замерло вокругъ;
Ворогъ не воспрянетъ,
Не проснется другъ!

Журавли.

(Фантазія.)

Въ осенній грустный день, подернутый туманомъ,
Надъ Вѣчнымъ Городомъ, державнымъ великаномъ,
Тонувшимъ въ зелени причудливой садовъ, —
Надъ лентой пестрою блистающихъ дворцовъ,
Гдѣ потомъ былъ людскимъ омоченъ камень каждый,
Надъ грязью нищеты приниженной, — однажды
Станица журавлей на дальній югъ неслась.

Въ завѣтный, чудный край съ рѣшимостью стремясь,
Они, спокойные, необозримой цѣпью
Красиво выстроясь, съ вождями впереди,
Медлительно плыли раздольной, вольной степью...
Въ завѣтный чудный край! Отважны ихъ вожди,
Безтрепетны сердца, могучи, быстры крылья!

Но трудный ждетъ ихъ путь, великія усилья
И жертвы безъ конца... Жестокою рукой
Ихъ будетъ человѣкъ губить безъ сожалѣнья,
Разсѣетъ ураганъ не разъ во тьмѣ ночной,

И много смѣльчаковъ, въ часы изнеможенья,
Поглотитъ океанъ въ пучинѣ роковой!
И, точно клятвою предъ небомъ и землей —
Со славой пасть, не измѣнивъ рѣшенья,
Вдругъ крикомъ радостнымъ отвѣтилъ брату братъ.
И этотъ гордый кличъ свободы непродажной,
Могучій зовъ борьбы великой и отважной
Надъ оргіей людской раздался, какъ набатъ!

Проникъ онъ, словно царь, не вѣдая запрета,
И въ нищенскій подвалъ, и въ душный казематъ,
Къ фабричному станку, кровати лазарета
И въ залъ сверкающій апостольскихъ палатъ.
Смущенъ веселый пиръ... Замолкли мандолины...
Блѣднѣетъ рой гостей: то — буйной черни крикъ!..
И подлѣ колеса безжалостной машины
Звукъ тотъ же услыхалъ измученный старикъ.
Онъ поднялъ голову, усталый и сердитый,
Но мигъ — и просвѣтлѣлъ, любуется въ окно...
И что-то вспыхнуло въ груди его разбитой,
Давно забытое, умершее давно!

Одинъ, въ глухой тюрьмѣ и на соломѣ голой
Въ то время узникъ угасалъ.
Изъ дикой прихоти людского произвола,
Онъ дружеской руки съ отрадой не сжималъ.
И, чу! онъ слышитъ кличъ, куда-то кличъ призывный...
И ледъ отчаянья растаялъ, точно воскъ:
Онъ весь затрепеталъ; какой-то мыслью дивной
Вдругъ загорѣлся вновь похолодѣвшій мозгъ!..

И смерть уже крыломъ чела его касалась,
А скованный языкъ: „Впередъ, друзья!“ шепталъ,
И полумертвою рукой, еще казалось,
Кого-то онъ благословлялъ.

Веселый лучъ.

Веселому лучу денницы золотой
Однажды удалось въ окнѣ тюрьмы глухой
Минутнымъ гостемъ появиться.
И узнику, смѣясь, шепнулъ онъ съ вышины,
Что всюду по землѣ промчался богъ весны,
Что все должно перемѣниться.

„Ужъ цѣпи я сорвалъ съ гремучаго ручья,
Ужъ пухомъ зелени луга украсилъ я;
Уже проснулся и глядится

Въ лазури вешнихъ водъ еще прозрачный лѣсъ,
И жаворонка пѣснь звенитъ среди небесъ,
И все должно перемѣниться!“

И, чу! вотъ подъ окномъ, безпеченъ и шумливъ,
Промчался птичекъ рой, крича наперерывъ
О томъ, какъ весело рѣзвиться,
О тепломъ солнышкѣ, о травкахъ полевыхъ...
Всѣ пѣли радостно, что въ вольномъ царствѣ ихъ
Все, все должно перемѣниться!

И вдругъ, навстрѣчу имъ, и тамъ, въ душѣ больной,
Давно замученной, какъ трупъ давно нѣмой,
Въ своихъ цѣпяхъ уставшей биться,
Пѣвецъ таинственный — откуда, кто, Богъ вѣсть —
Пропѣлъ желанную пророческую вѣсть:
„Все, все должно перемѣниться!“

* * *

Ярко небо странъ далекихъ,
Но затмить оно не въ силахъ
Красоту небесъ родимыхъ,
Полинялыхъ и унылыхъ!

И отдастъ больное сердце
Всѣ созвучья въ поднебесной
За шуршаніе осоки
Въ рѣчкѣ мшистой и безвѣстной.

Красотой, довольствомъ, счастьемъ
Сторона цвѣтеть чужая,
Но милѣй въ своихъ лохмотьяхъ
И слезахъ страна родная!

Сократъ.

Въ кругу друзей, учениковъ
Сидѣлъ Сократъ приговоренный
И кубокъ смерти беззаконной
Спокойно выпить былъ готовъ.
Тогда, не вытерпѣвъ, рыдая,
Предъ нимъ склонился Критіасъ...
Колѣни старца обнимая,
Онъ говорилъ: — „Живи для насъ!
Еще не поздно... кони близко...
Бѣжимъ! я стражу подкупилъ“.
Но сынъ великій Софрониска
Ему съ упрекомъ возразилъ:
„Иль я не воинъ, мечъ носившій
И побѣдившій въ оны дни?
На снѣгъ, мой волосъ убѣлившій,
На сѣть морщинъ моихъ взгляни.
„Когда бы я, мольбамъ послушный,
Въ бою послѣднемъ отступилъ,
И другъ, и недругъ бы рѣшилъ:
Онъ былъ обманщикъ малодушный!
„Такъ вотъ любили вы кого,
Закономъ вамъ чье было мнѣнье;
Такъ вотъ хваленый умъ его
И къ смерти гордое презрѣнье!..

„Когда-жъ не дрогну сердцемъ я, —
Знай: честный пылъ моихъ ученій,
Моя вражда, любовь моя
Достигнутъ дальнихъ поколѣній.
Глупецъ! и это-ль я отдамъ
За лишнихъ двѣ иль три минуты?..“

Сказалъ — и страшный ядъ цикуты
Поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ.

Наканунѣ.

Подъ вой волковъ лѣсной пустыни
Стонала снѣжная мятель
Въ ту ночь, когда рука рабыни
Мою качала колыбель.
Еще не пробилъ часъ завѣтный:
Ночь, только ночь — и свѣтъ блеснетъ
Во тьмѣ юдоли неразсвѣтной,
И нѣтъ обиды безотвѣтной,
И нѣтъ рабовъ, и нѣтъ господъ!
Но наканунѣ избавленья
Свирѣпый бичъ еще хлесталъ,
И не напѣвъ благословленья
Мой слухъ младенческій ласкалъ.
Отцовскій грѣхъ, въ правдивой злобѣ,
Народъ на сына перенесъ:
„Тебя, зачатаго въ утробѣ
Изъ нашихъ мукъ, изъ нашихъ слезъ,
Пусть мѣсяцъ съ солнышкомъ не грѣютъ,
Ни мать-земля не бережетъ,
Пусть вихри буйные обвѣютъ,
Пусть воронъ черный заклюетъ!“

Ужъ рабство гнусное истлѣло,
Но клятва та крѣпка была:

Увы! ни солнце не пригрѣло,
Ни мать-земля не сберегла...
И все мнѣ снится: глушь пустыни...
Бушуетъ снѣжная мятель...
И въ часъ ночной рука рабыни
Мою качаетъ колыбель!

19 февр. 1886

---

* * *

Страдай одинъ!.. Въ себѣ носи
Свои правдивыя мученья
И, точно нищій, не проси
У встрѣчныхъ взора сожалѣнья.
Слѣды унынья глубже спрячь
И въ день тоски, закрывши двери,
Въ тиши ночной одинъ оплачь
Свои обиды и потери!

Страдай одинъ!.. Въ твоей груди —
Не у людей — твое спасенье:
Въ ея сокровищахъ найди
И свѣтъ, и гордое терпѣнье.
А если часъ ударилъ твой
И всѣ надежды пережиты, —
Ну, что же? Сгибни, какъ герой,
Разбей свой кубокъ недопитый!

Другу юности.

Съ тѣхъ поръ, какъ помнимъ жизнь, товарищъ, не
носили
Мы праздничныхъ вѣнковъ на молодыхъ кудряхъ!
Не съ крикомъ торжества, не съ чашами въ рукахъ
На шумный пиръ мы жизни выходили.
И тамъ, гдѣ на цвѣтахъ безпечная толпа
Плясала бѣшено, — одной не смяли розы...
Тѣсниной жизненной, гдѣ не смолкаютъ грозы,
Сквозь бурный вихрь и мракъ иная шла тропа:
Друзья возвышенныхъ и чистыхъ наслажденій,
Корыстныхъ помысловъ и радостей враги,
Направили по ней мы пылкіе шаги...
И тамъ простились мы. —
Меня враждебный геній
Повлекъ стремительно! Изранилъ, истерзалъ
О камни острые, о выступы дороги...
Духъ изнемогъ и подкосились ноги —
И къ ложу жесткому я головой припалъ!
Но въ мукахъ ярости, въ часы недужной грёзы, —
И въ ночь отчаянья, и въ просвѣтлѣнья мигъ —
Не сожалѣнія изъ сердца рвется крикъ
О шумныхъ пиршествахъ, гдѣ пѣсни, свѣтъ и розы.
Нѣтъ, крикъ иной: „Гдѣ ты, о милый братъ,

Гдѣ ты, другъ юности, ея святыхъ видѣній,
Товарищъ первыхъ клятвъ и первыхъ пораженій?
Ужели, — ахъ, ужель и ты ушелъ назадъ?
О нѣтъ, вѣдь нѣтъ? Онѣ другихъ вѣнчали,
Тѣ розы пышныя, — ты взялъ, какъ я, шипы,
Блаженство сновъ, невнятныхъ для толпы,
Высокихъ думъ и ихъ святой печали?“

Сестрѣ.

Въ дни, когда была ночь молчаливая
Въ истомившемся сердцѣ моемъ,
Когда юность безумно-строптивая
Опаленнымъ поникла крыломъ;
Когда вѣра въ друзей надломилася,
И темна была даль и страшна,
Когда муза моя отступилася, —
Ты одна мнѣ осталась вѣрна!
Ты была моей музой-подругою,
Ты щитомъ мнѣ и свѣтомъ была;
Каждый стихъ мой подъ жизненной вьюгою,
Какъ родное дитя, берегла...

Я же могъ лишь обиды жестокія,
Все, чѣмъ мучилъ тебя, вспоминать
И въ безсонныя ночи глубокія
Головой со стыдомъ поникать!

* * *

(Изъ Чезаре Никколини.)

Передъ отравленною чашей
Вамъ шлёмъ завѣтъ прощальный свой,
Вамъ, кто пошелъ дорогой нашей,
Кто взялъ нашъ крестъ, тотъ крестъ святой:
Впередъ идти!.. Подъ вихремъ бурнымъ,
Подъ громомъ, въ сумракѣ ночномъ,
Ни утромъ яснымъ и лазурнымъ
Не отступить передъ врагомъ!
Ни предъ улыбкою умильной,
Ни предъ угрозою его,
Ни передъ жертвой непосильной
И стономъ сердца своего...

И знайте: нѣтъ для васъ пощады,
Какъ послѣ — воздаянья нѣтъ:
Вѣнокъ терновый, безъ награды,
И вьюгой заметенный слѣдъ.
Но предъ отравленною чашей
Предстать съ сіяющимъ челомъ —
Изъ глубины могилы нашей
Благословеніе вамъ шлёмъ.

III.

Въ дорогѣ.

(1887.)

Передъ отъѣздомъ.

Не плачь, сестра моя, что нѣтъ
Надеждъ для твоего поэта,
Что неба вольнаго и свѣта
Ему не видѣть столько лѣтъ!
Самой судьбой для русской Музы
Даны гоненья, скорби, узы,
И безъ терноваго вѣнца
Что̀ слава русскаго пѣвца?..

Но, какъ изъ двухъ дубовъ могучихъ
Тотъ въ буряхъ крѣпокъ, какъ утесъ,
Который не въ лѣсахъ дремучихъ,
А въ полѣ, подъ грозою, росъ;
Какъ въ царствѣ тлѣнья, на кладбищѣ,
Пышнѣе розъ душистыхъ кустъ,
Такъ пѣснь полнѣй, свѣтлѣй и чище
Выходитъ изъ страдавшихъ устъ.

* * *

Оттого моя арфа безмолвна виситъ,
Что плита гробовая на сердцѣ лежитъ,
Что израненъ я весь, — и безсиленъ мой гнѣвъ,
И звучалъ бы, какъ плачъ похоронъ, мой напѣвъ!

Но придетъ онъ, я жду, вдохновенный пророкъ:
На челѣ его будетъ терновый вѣнокъ,
На рукахъ и ногахъ неповинная кровь,
А на вѣщихъ устахъ пѣснь про жизнь и любовь!

* * *

Прощай, мой другъ! Я бодръ — воскресни!
Но душу ты мою,
Мой каждый стихъ, звукъ каждой пѣсни
О, сбереги, молю.

День вспыхнетъ надъ ночнымъ туманомъ —
И, на позоръ врагамъ,
Я нашимъ мукамъ, нашимъ ранамъ
Изъ нихъ воздвигну храмъ!

Надпись на сибирскомъ этапѣ.

Прости, о родина, прости!
Я въ край безвѣстный ѣду.
Ты, юность новая, расти,
Чтобъ тотъ же крестъ себѣ найти,
Идя по правому пути,
Иль, наконецъ, — побѣду.

Портретъ.

Странная дѣвушка... Вѣчно веселая,
Какъ ты свой вѣкъ прожила?
Голосъ серебряный, косы тяжелыя,
Смертная блѣдность чела...
Изъ-подъ бровей, округленныхъ рѣшительно,
Звѣзды сіяютъ очей;
Смѣхъ неустанный звучитъ заразительно,
Какъ у безпечныхъ дѣтей.
Что означаетъ онъ? Какъ эту ясную
Душу въ себѣ ты спасла?
Мимо-ль тебя съ непогодой ужасною
Темная туча прошла?
Часто казалось мнѣ — думой унылою
Вдругъ омрачалось чело:
Мигъ — и улыбкою дѣтскою милою
Снова, глядишь, расцвѣло!
Снова порхаешь ты птичкой болтливою
Между печальныхъ подругъ
И оживляешь бесѣдой шутливою
Ихъ затуманенный кругъ...

А, между тѣмъ, въ мою душу сомнѣніе
Черной змѣею ползетъ:

Слава о тяжкомъ крестѣ и терпѣніи
Вслѣдъ за тобою идетъ.
Вонъ, позади тебя, терномъ повитая,
Молодость грустно стоитъ,
Сны золотые, до срока убитые
Злобой неправдъ и обидъ.
А впереди — о, какая глубокая
Тьма неразсвѣтныхъ ночей!
Жизнь догоритъ, какъ свѣча одинокая,
Жизнь далеко отъ друзей!

Что же смѣешься ты, плача достойная?
Чаша еще-ль не полна?
Тише!.. Веселость твоя безпокойная
Мнѣ, какъ рыданье, страшна!

Разставаніе.

Никогда я не забуду,
Какъ навѣки мы прощались!

Кони борзые, продрогнувъ,
У воротъ меня заждались.
Въ часъ бѣды неотвратимой
Я былъ веселъ и отваженъ;
Взоръ твой грустный, безнадежный
Чудно-нѣженъ былъ и влаженъ.
Ахъ! впервые видѣлъ слезы
У тебя я на рѣсницѣ
И въ душѣ благоговѣйно
Схоронилъ ихъ, какъ въ гробницѣ...
На глазахъ твоихъ, поспѣшно
Кузнецы меня сковали...
Снѣгъ копытами взбивая,
Въ нетерпѣньи кони ржали.
Величаво разстилалась
Неба звѣзднаго картина;
Въ даль безвѣстную тянулась
Снѣгомъ крытая равнина.
Руки милыя сжимая,
Содрогаясь и блѣднѣя,

Говорилъ съ улыбкой ясной
Рѣчи бодрыя тебѣ я.
А отъ муки у обоихъ
Грудь на части разрывалась,
И въ послѣднемъ поцѣлуѣ
Вся любовь твоя сказалась!

Мигъ — и бѣшеная тройка
Понеслась неудержимо...
Я еще разъ что-то крикнулъ —
Ты стояла, недвижима.

Иркутскъ.

Кругомъ Байкала.

Зеленѣлъ Байкалъ сердитый,
Клокоталъ гремучій валъ;
По бокамъ висѣли грозно
Цѣпи горъ и кручи скалъ.

Утопая въ вихряхъ снѣжныхъ,
Тройка мчалась день и ночь...
Вдаль отъ родины желанной
И отъ счастья съ милой прочь!

Пурга злилась, бушевала,
И рыдала и кляла, —
Заметая слѣдъ дорожный,
Все назадъ меня звала!

Чѣмъ темнѣй и безотраднѣй
На душѣ росла печаль,
Тѣмъ яснѣе и привѣтнѣй
Прошлыхъ дней свѣтлѣла даль.

И свѣтлѣла, и смѣялась
И вернуть сулила вновь
Неудавшуюся юность
И убитую любовь...

Но, съ стихіей буйной споря,
Тройка мчала день и ночь
Вдаль отъ молодости свѣтлой
И отъ счастья съ милой прочь.

Грохоталъ Байкалъ сердито,
Зеленѣлъ кипучій валъ...
Впереди громадой темной
Возвышались груды скалъ!

Декабрь.

IV.

(1889—1893.)

1889.

* * *

Когда съ душой, страданьемъ охлажденной,
И съ убѣленной скорбью головой
Глядитъ старикъ, какъ зритель утомленный,
На трепетъ жизни молодой
И, видя ночь на небесахъ отчизны,
Не вѣритъ въ свѣтъ и правды торжество, —
Нѣтъ у меня ни рѣчи укоризны,
Ни утѣшеній для него.

Но если съ грустью никнетъ головою
Живая юность, лишь расцвѣсть успѣвъ, —
Смѣхъ, горькій смѣхъ въ душѣ звучитъ порою,
Кипя, встаетъ правдивый гнѣвъ.
— О вы, пѣвцы, уставшіе до срока
Пѣть о слезахъ родимой стороны,
И вы, бойцы безъ страха и упрека,
Свой мечъ вложившіе въ ножны!
Скажите: гдѣ, съ какимъ врагомъ вы бились,
Стремясь впередъ сквозь вьюгу и туманъ?

Какихъ побѣдъ трофеями покрылись,
Гдѣ кровь и язвы вашихъ ранъ?
Смиряли-ль вы со злобой безпощадной
Кипѣнье силъ и крови молодой
И ваше *я*, божка съ утробой жадной,
Убили-ль собственной рукой?
Когда безъ словъ, въ ужасный часъ разлуки,
Старуха-мать приникла къ вамъ въ слезахъ,
Вы, отстранивъ обвившія васъ руки,
Ушли-ль съ безумiемъ въ очахъ?
А сонъ любви, — тотъ свѣтлый и стыдливый
Блаженства сонъ, — вамъ лишь на мигъ свѣтилъ?
И поцѣлуй вашъ первый торопливый
Навѣкъ послѣднимъ ли онъ былъ?
На вольный крестъ во имя идеала,
Въ глухомъ краю, среди чужихъ снѣговъ,
Вы шли-ль друзья, поникнувши устало,
Бряцая звеньями оковъ?..
И гнетъ иной — креста еще страшнѣе —
Всю вашу жизнь несли вы на себѣ, —
Сознанья стыдъ, что лучше и полнѣе
Могли отдаться вы борьбѣ?

Кара.

* * *

Смолкъ честный голосъ убѣжденья,
Забылась Муза мрачнымъ сномъ;
Позоръ и мерзость запустѣнья
На мѣстѣ нѣкогда святомъ!

Все, все, что свѣтлаго кипѣло
У пылкой юности въ крови,
Исканье правды, жажда дѣла,
Порывы чистые любви,
Живыя слезы о народѣ,
Стремленій лучшихъ гордый пылъ,
Мечты о братствѣ, о свободѣ —
Все ледъ иронiи покрылъ!
Бойцамъ за правду — укоризны,
Хвалы предателямъ звучатъ;
Уноситъ смерть врага отчизны —
Цвѣты на гробъ ему дарятъ!
Разгулъ и пляска карнавала...
Затерты славныя стези,
Потушенъ факелъ идеала,
И знамя свѣтлое въ грязи!..

* * *

На зарѣ нашихъ дней, ясныхъ солнечныхъ дней
Люди насъ разлучили, —
И гранитами горъ, и снѣгами степей,
Какъ глухою стѣной, раздѣлили!
Какъ разбойникамъ, гнетомъ позорныхъ оковъ
Отягчили намъ руки и ноги
И кипучую юность въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ
Схоронили въ печальномъ острогѣ.

Нашей свѣтлой любви каждый нѣжный побѣгъ
Умертвили съ усмѣшкой холодной
И сказали: „Забудьте другъ друга навѣкъ,
Увядайте въ пустынѣ безплодной!“

. . . . . .

Увядать въ цвѣтѣ лѣтъ, въ блескѣ силъ молодыхъ
И въ мечту о свиданьи не вѣрить...
О, способны ли вы этихъ словъ роковыхъ
Все значенье, весь ужасъ измѣрить?
Ни коварству, ни злобѣ бездушныхъ звѣрей
Не придумать свирѣпѣе мщенья...
И зоветесь вы „братья“?! Проснитесь скорѣй —
Прогоните злой ночи видѣнья!

Нѣтъ, вы слѣпы, вы глухи... Вамъ гимны поютъ,
На челѣ у васъ лавры побѣды...
И лишь дѣти и внуки съ проклятьемъ поймутъ,
Что творили отцы ихъ и дѣды!

* * *

Часа свиданья дождавшись, въ ночной нелюдимой тиши
Съ трепетомъ въ сердцѣ вхожу я въ тайникъ запо-вѣдный души.
Долго и жадно гляжу, какъ безумный, на этотъ без-душный,
Блѣдный рисунокъ, и мнится мнѣ — тѣнью воздуш-ной,
Словно съ туманной вершины, ты сходишь, живая, ко мнѣ.

. . . . . .

Какъ онъ незлобенъ и тихъ, этотъ обликъ худой и безкровный!
Что за святая печаль въ этихъ кротко-лучистыхъ гла-захъ,
Строгая дума въ очерченныхъ гордо устахъ!
Милая, добрая, чистая! Мнѣ-ль, кто на свѣтѣ бѣднѣе
Самаго бѣднаго нищаго, — сердцемъ великимъ твоимъ
Мнѣ ли по царски владѣть? Я... и тобою любимъ!
О, поддержи же меня безконечной твоею любовью!
Будь мнѣ примѣромъ живымъ, воплощенною совѣстью будь!

Дай мнѣ отвагу и силу — съ душой, истекающей
кровью,
Муки Тантала терпѣть, горестный выдержать путь!
Взоръ твой лучистый глядитъ и струитъ теплоту и
сіянье.
Грусти въ немъ нѣтъ уже; шепчутъ уста въ малодушьи
упрекъ,
Благословляютъ на крестъ, на разлуку, страданье!
Горькія думы, какъ тѣни, бѣгутъ; страхъ и чуждъ,
и далекъ.
Черная туча умчалась... На сердцѣ свѣтлѣе и тише...
Гордой отваги полна, грудь поднимается выше.
Чувствую душу я чище въ себѣ, безкорыстнѣй,
добрѣй...
Мнѣ не страшны ни года, ни угрозы людей!

1890.

Крестъ и идеалъ.

Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда...
Какъ вѣру поддержать, чѣмъ горе усладить?
У жалкихъ паріевъ не отнята отрада
Отчизны видѣть свѣтъ, родимый воздухъ пить, —
Все отнято у насъ!.. Убиты до расцвѣта
Любви и счастья сны... Средь холода и тьмы,
Съ душою, полною тепла, добра и свѣта,
Не грѣя, не свѣтя, въ цѣпяхъ угаснемъ мы.
Угаснемъ безъ слѣда, въ тоскѣ невыразимой,
Въ порывахъ ярости, безсильныхъ какъ мечта,
И средь чужихъ снѣговъ въ пустынѣ нелюдимой
Намъ пурга выроетъ могилу безъ креста!..

— Путь скорби и тревогъ, а послѣ — мракъ забвенья?..
Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть! Есть правда въ небесахъ:
Когда и жизнь и смерть — одной лишь цѣпи звенья,

Когда въ вѣкахъ живетъ и нашъ бездушный прахъ.
Когда сухой листокъ не упадетъ безплодно,
И вѣтеръ не вздохнетъ, чтобъ не оставить слѣдъ, —
О, если такъ, друзья, — скорбямъ души свободной
Забвенья также нѣтъ, уничтоженья нѣтъ!
Какъ грозный океанъ, волнуясь съ плескомъ мѣрнымъ,
Родъ человѣческій сквозь сумракъ золъ и бѣдъ
Путемъ медлительнымъ, но неуклонно-вѣрнымъ
Идетъ, за шагомъ шагъ, впередъ, гдѣ брежжетъ свѣтъ.
Тамъ вѣчный день встаетъ! Тамъ — ни вражды, ни муки,
Свободный,- лучшій міръ... Еще рабы страстей,
Все-жъ лучше мы отцовъ, и такъ же наши внуки
Достойнѣй будутъ насъ названія людей.
Я знаю: на костяхъ погибшихъ поколѣній
Любви и счастія прекрасный цвѣтъ взойдетъ;
Кровь жаркая бойцовъ и слезы ихъ мученій
Лишь почву умягчатъ, чтобъ дать роскошный плодъ.
Изъ груды ихъ крестовъ создастся рядъ ступеней,
Ведущихъ родъ людской къ высокимъ небесамъ:
Свершится дивный сонъ — и свѣтлыхъ райскихъ сѣней
Достигнетъ человѣкъ и богомъ станетъ самъ!

Да, тамъ горитъ звѣзда невѣдомаго счастья,
И даль грядущаго красна и широка...
Что значатъ передъ ней — весь этотъ мракъ ненастья,
Всѣхъ этихъ мукъ и слезъ безумные вѣка?

* * *

Какъ вы, я пѣть бы могъ
Заката пышный блескъ,
Луны сребристый рогъ,
Волны дремотный плескъ.
Я также бы нашелъ
И нужный складъ, и слогъ,
Ко мнѣ-бъ не хуже шелъ
Дешевый вашъ вѣнокъ!

Но взоръ прозрѣвшій мой
Въ испугѣ увидалъ —
Въ неволѣ край родной,
Въ позорѣ идеалъ.
И рай надеждъ моихъ
Развѣянъ, какъ миражъ...
Вотъ отчего мой стихъ
Такъ не похожъ на вашъ!

* * *

Нѣтъ, еще мало страдалъ я во имя свободы и свѣта,
Я не достоинъ, о братья, святого названья поэта!

Истинно божій пѣвецъ, одаренный любовью,
Скорбью рожденный людской и крещенный изгнаньемъ,
Каждую пѣснь покупаетъ страданьемъ,
Славу же — кровью!..

* * *

Если честно вы храните
Идеалы юныхъ лѣтъ,
Если весело стоите
Подъ грозой утратъ и бѣдъ;

Если каждый мигъ готовы
За свою отчизну-мать
И вѣнецъ принять терновый,
И всю сердца кровь отдать, —

Ни вражды, ни раздѣленій
Я межъ васъ не признаю,
Братскій даръ благословеній
Всѣмъ равно отъ сердца шлю.

Въ дни томленья на чужбинѣ,
Въ часъ бѣды въ краю родномъ
Будьте преданы святынѣ,
Ясны духомъ и челомъ!

Юность.

Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья
Съ юностью вашей прощайтесь, друзья:
Слава ей, свѣтлой зарѣ бытія,
Дивно-блаженной порѣ — опьянѣнья,
Траты слѣпой драгоцѣнныхъ даровъ,
Дерзкой борьбы и съ людьми, и съ богами,
Горькихъ ошибокъ, ребяческихъ сновъ,
Гордыхъ побѣдъ и вѣнчанья цвѣтами!
Все, что живого подъ солнцемъ цвѣтетъ,
Къ свѣту и радости взоръ устремляя,
Движется ею одною впередъ...
— Благословенна ты, юность святая!

Пусть мудрецы съ охлажденнымъ умомъ
Трезвому опыту васъ поучаютъ,
Небо миражемъ пустымъ называютъ,
Грёзы о крыльяхъ — несбыточнымъ сномъ.
Въ слѣдъ безпокойной Икаровой тѣни
Смѣло, о братья, отважно впередъ,
Выше, все выше: не бойтесь паденій
Съ ясныхъ небесныхъ высотъ!

Слава побѣды лишь храбрымъ дается,
Срама не знаетъ погибшій въ борьбѣ...
— Юность, тебѣ наша пѣсня поется:
Вѣчная слава тебѣ!

Прощаніе.

Промчалась молодость — и нѣтъ отъ ней слѣда!
Однѣхъ ошибокъ рядъ, да позднихъ сожалѣній...
А какъ томилась грудь желаніемъ труда,
Какимъ избыткомъ силъ и свѣтлыхъ вдохновеній!
Но кто-жъ виновенъ въ томъ — ужели я одинъ?
Я честно жить хотѣлъ: на жертвенникъ священный
Любви къ родной странѣ, какъ сынъ и гражданинъ,
Я лучшіе дары сложилъ рукой смиренной —
Свободу, молодость и пѣсенъ чистый жаръ..
И если иногда, въ уныньи малодушномъ,
Не какъ герой встрѣчалъ губительный ударъ,
Иль самолюбія бывалъ рабомъ послушнымъ,
То чаще — жертвой былъ... Я ощупью впередъ,
Сквозь бурный вихрь и мракъ, шелъ къ цѣли благородной;
Себѣ я самъ былъ вождь, совѣтникъ и оплотъ,
Мнѣ совѣсть лишь была звѣздою путеводной...
. . . . . .

Историкъ будущій! Къ тебѣ взываю я:
Коль посреди именъ, отмѣченныхъ несчастьемъ,

Ты вспомнишь и мое, — о, пусть рука твоя
Мой образъ начертитъ съ холоднымъ безпристрастьемъ.
Не нужно лавровъ мнѣ, не нужно пышныхъ розъ —
Пусть ихъ возьмутъ бойцы, не знавшіе сомнѣнья;
Но тяжкихъ ради мукъ, обидъ и тайныхъ слезъ
Винамъ моимъ молю пощады и забвенья!

* * *

Да! въ мірѣ живыхъ намъ свиданія нѣтъ...
Любя, негодуя, скорбя, проклиная,
Стремлюсь я къ тебѣ, о моя дорогая,
Какъ узникъ на вольный и радостный свѣтъ!
Напрасны проклятья, напрасны моленья:
Отчаянья-ль голосъ, судьбы ли самой —
„Проститесь, — гремитъ, точно звонъ погребенья, —
Со всякой надеждой, со всякой мечтой!“

Но, другъ мой! страданье — стезя идеала:
Блаженъ, кто съ нея до конца не сойдетъ!
Судьба насъ невидимой цѣпью сковала,
Которой ничто никогда не порветъ.
И если года не обвѣютъ молчаньемъ
Хоть доли терзавшихъ намъ душу обидъ,
То рядомъ съ моимъ незабытымъ названьемъ
Стократной хвалою твое прозвучитъ!
Грядущихъ временъ обездоленнымъ братьямъ
Любовь наша будетъ примѣромъ сіять,
А память о нашихъ печаляхъ — проклятьемъ
На тѣхъ, кто губилъ насъ, лежать!

* * *

Давно предузналъ я твой жребій, голубка моя дорогая!
Какъ племя родное, росла ты, ни ласки, ни счастья не зная,
И, въ бурю отъ пальмы родимой оторванный вихремъ листокъ,
Умчалъ тебя въ край неизвѣстный взыгравшій мятежно потокъ.

Въ весеннее нѣжное утро тебя повстрѣчалъ на пути я;
И только глаза твои встрѣтилъ, и думы прочелъ въ нихъ родныя, —
Какъ въ книгѣ открытой, судьбу твою всю увидалъ,
И втайнѣ тебя я несчастной, навѣки несчастной назвалъ!
Недолго небесные громы и бури земныя молчали:
Какъ коршуновъ хищная стая, какъ волки, враги набѣжали
И сыпали въ гнѣвѣ свирѣпомъ удары вражды на тебя;
Друзья помогали ихъ злобѣ — разили, любя!
А то, что въ сочившейся кровью душѣ оставалось живого,
Сама ты, сама, какъ палачъ, убивала сурово...

И жду я давно безъ проклятій, безъ горькой на
сердцѣ слезы,
Съ застывшей душой ожидаю удара послѣдней грозы!

Да, грянетъ она надо мною, ужасная вѣсть эта, грянетъ,
Опустится молотъ тяжелый, раздавитъ мнѣ душу... И станетъ
Все ясно безумцу — и, слезы въ груди притая,
Смѣяться я громко начну: „Ты свободна, голубка моя!
Свободна! Отнынѣ ни люди, ни боги не властны надъ нами,
Надъ нашей любовью безсмертной — вѣдь боги отнынѣ мы сами.
Мгновенья и годы, о другъ мой, предъ вѣчностью— звукъ лишь одинъ,
И скоро я встрѣчусь съ тобою въ сіяньи эдемскихъ равнинъ...“

* * *

Все глубже сонъ и мракъ на небесахъ отчизны,
Все тягостнѣй кошмаръ предательствъ и утратъ;
Замолкли голоса бойцовъ безъ укоризны,
Нахальнѣй и смѣлѣй постыдный кличъ: „Назадъ!“

Но, чѣмъ виднѣй позоръ и чѣмъ слабѣй мерцанье
Когда-то яркихъ звѣздъ, намъ озарявшихъ путь,
Тѣмъ пламеннѣй кипитъ въ душѣ негодованье,
Сильнѣй волнуется измученная грудь!
Бѣги, мечта любви, мечта о примиреньи,
Прочь пѣсни рабскія унынья и тоски!
Я весь — огонь и мечъ, я весь — порывъ отмщенья,
И гнѣва я пѣвецъ до гробовой доски!
И пусть враждебный вихрь измѣны и сомнѣній,
Какъ буря налетѣвъ, все зданіе смететъ
Усилій и трудовъ минувшихъ поколѣній,
Пусть сномъ еще мрачнѣй родимый край заснетъ,—
Того, что̀ темный міръ сіяньемъ озаряло,
Что въ жизнь влагало смыслъ, грозѣ не истребить,
И на развалинахъ святого идеала,
Какъ прежде, буду я и вѣрить, и любить!

* * *

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе,
Снова встаютъ — улыбаются
Счастья былого видѣнія!...

Въ ужасахъ доли скитальческой,
Въ дальнихъ снѣгахъ угасающій,
Образъ твой блѣдный страдальческій
Снится мнѣ — бодрый, сіяющій...

Снится мнѣ: цѣпи порвалися!
Къ другу спѣшишь ты, веселая, —
Косы вкругъ плечъ разметалися,
Черныя косы, тяжелыя.

Взоръ загорѣлся плѣнительно...
Голосъ серебряный чудится...
Вѣрить хочу я мучительно —
Грёза блаженная сбудется!

Сбудется, вѣрь мнѣ, желанная!
Слишкомъ ужъ хочется счастія,
Слишкомъ томитъ неустанная
Жажда любви и участія...

Мы на пиру міровданія
Были докучные зрители,
Зноемъ и нѣгой лобзанія
Сердца еще не насытили.

Общимъ судомъ не развязаны
Нами вопросы несмѣтные,
Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны
Думы завѣтныя!..

* * *

Нашъ полдень билъ — и изъ всего,
Чѣмъ юность вольная плѣнялась,
Чѣмъ сердце радостно цвѣло,
Одна надежда намъ осталась:
Что, мертвыхъ, насъ не разлучатъ!

Безсильна злость за дверью гроба:
И въ свѣтлый рай, и въ мрачный адъ,
Мой другъ, войти должны мы оба...
Рука съ рукой соединясь,
Предстанемъ мы на судъ правдивый,
Чтобъ палачей совѣтъ кичливый
Затрепеталъ при видѣ насъ...

И вѣрь: награда будетъ намъ!
. . . . . .

22 октября.

* * *

Ты не много опять, но, любя, написала,
Подаривши меня задушевнымъ словцомъ, —
И ревнивое сердце мое задрожало,
Точно арфа, задѣтая грустнымъ пѣвцомъ...
Не того я боюсь, что подъ игомъ страданій
Ты поклонишься волѣ царящаго зла:
Я боюсь — въ эти долгіе годы скитаній
Вмѣстѣ съ горемъ и новыхъ друзей ты нашла!
Я боюсь, что къ былому страданью и счастью,
Къ дорогимъ мертвецамъ ты остыла душой...
На яву и во снѣ съ чародѣйною властью,
Какъ живые, витаютъ они надо мной!

Ахъ! не разъ мое сердце опять откликалось
На привѣтъ обольщающій новыхъ друзей:
Мигъ одинъ — и со стономъ душа закрывалась,
И краснѣлъ я постыдной измѣны своей!
На руины былого гляжу я уныло,
И во тьмѣ ты одна мнѣ горишь, какъ звѣзда...
То, что молодость скорбью святою крестила,
Только то я люблю, и люблю навсегда!

* * *

Терпѣнье, кроткое терпѣнье! —
Не вѣчно льется братьевъ кровь —
Исчезнутъ злыя сновидѣнья...
У гроба встрѣтимся мы вновь.

До насъ, любя, несчастны были:
Семь лучшихъ жизни лѣтъ губя,
Іаковъ ждалъ своей Рахили...
Я — трижды семь прожду тебя!

И буду скотъ пасти Лавану,
И буду слугъ его рабомъ;
Іаковъ новый, не устану
Всю ночь бороться съ Божествомъ.

Но прозвучитъ труба разсвѣта:
Услышатъ внуки нашу быль,
И вдохновишь ты мысль поэта,
Моя любовь, моя Рахиль!

* *
*

— Здравствуй, забытый рудникъ! —
Тамъ, гдѣ вчера привидѣнья бродили,
Нетопыри боязливые жили,
Горя и злобы не слышался крикъ, —
Вновь замигала свѣча трудовая.
Снова гранитное сердце горы
Гложутъ, какъ черви, стальные буры,
Молотъ сурово звучитъ, не смолкая,
Лязгаютъ звенья тяжелыхъ цѣпей...
Кто здѣсь томился въ минувшіе годы?
Вы ли, святые страдальцы свободы,
Темныя-ль жертвы нужды и страстей?
Крестъ былъ одинъ — и, собратъ по мученьямъ,
Васъ я одною семьей признаю:
Братскій привѣтъ одинаково шлю
Вашимъ бездомнымъ замученнымъ тѣнямъ!
Нѣтъ, не безслѣдно въ могилѣ живой
Вы, надрываясь, мозолили руки:
Васъ уже нѣтъ, но живутъ ваши муки,
Тайно витаютъ вокругъ надо мной...

Бѣдные призраки, скорбныя тѣни,
Вамъ я великую клятву даю —
Вылить въ завѣтную пѣсню мою
Всѣ ваши слезы, и вздохи, и пени!..

Акатуй.

---

* * *

Мнѣ снилось сегодня — въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.

— „Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ;
Все слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними — знакомая поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!“

— О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой...
Три были бы жизни даны мнѣ въ удѣлъ —
Всѣ отдалъ бы я, и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую посмѣю-ль продать?
Могла ли-бъ меня ты за сына признать?..

И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

Къ родинѣ.

За что любить тебя? Какая ты намъ мать,
Когда и мачиха безчеловѣчно-злая
Не станетъ пасынка такъ безпощадно гнать,
Какъ ты дѣтей своихъ казнишь, не уставая?
Любя, дала-ль ты намъ одинъ хоть красный день?
На нашъ весенній путь, раскинутый широко,
Ты навела съ утра зловѣщей тучи тѣнь,
По каплѣ кровь изъ насъ всю выпила до срока!
Какъ врагъ, губила насъ, какъ яростный тиранъ!
Во мракѣ безъ зари живыми погребала,
Гнала на край земли, въ снѣга безлюдныхъ странъ,
Во цвѣтѣ силы — убивала...
Мечты великія безъ жалости губя,
Ты, какъ преступниковъ, позоромъ насъ клеймила,
Ты злобой душу намъ, какъ ядомъ, напоила...
Какая-жъ мать ты намъ? За что любить тебя?

За что — не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помыселъ, всѣ силы бытія —
Тебѣ посвящены, тебѣ до издыханья!
Любовь моя и жизнь — твои, о мать моя!

И, чтобъ еще хоть разъ твой горизонтъ обширный
Мой глазъ увидѣть могъ, твой сѣрый небосводъ,
Сосновый боръ вдали, сверканье рѣчки мирной,
И нивы скудныя, и кроткій твой народъ,
За то, чтобъ день одинъ могъ снова подышать я
Свободою полей и воздухомъ лѣсовъ, —
Я крестъ поднять бы радъ безъ стона и проклятья,
Тягчайшій изъ твоихъ безчисленныхъ крестовъ!
Въ палящій зной, въ пескѣ сыпучемъ по колѣни,
Съ котомкой нищаго брести глухимъ путемъ,
Послѣднимъ сномъ заснуть подъ сломаннымъ плетнемъ
Въ жалчайшемъ изъ твоихъ заброшенныхъ селеній!..

Батракъ.

(Изъ Маріи Конопницкой.)

Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ утопая,
По узкой межѣ, сквозь рѣдѣющій мракъ,
Въ убогой сермягѣ, кряхтя и вздыхая,
Проходитъ свободный батракъ.
Свобода и рабство еще не бывали,
Казалось, отъ вѣка въ союзѣ такомъ,
Еще не свѣтилось подобной печали
Во взорѣ разумномъ людскомъ!
Тотъ годъ былъ тяжелый: по всходамъ промчался
Серебряный бичъ многоводныхъ дождей,
И пахарь лишь плевелъ безплодныхъ дождался
Съ заплаканной нивы своей.
За подати выгнанъ, какъ звѣрь нелюдимый,
Изъ хаты, онъ брата кругомъ не нашелъ;
Завѣтную горсть лишь землицы родимой
Въ платокъ завязалъ — и пошелъ!..
Свирѣль заиграла надъ синей рѣкою,
Румяное солнце встаетъ изъ-за горъ...
Свободный батракъ! Что-жъ ты сталъ и полою
Кафтана рѣсницы отеръ?

Свободный... Ужъ въ ясли сегодня бурёнкѣ
Не нужно душистаго сѣна бросать;
Ты воленъ теперь изъ родимой сторонки,
Куда загадаешь, бѣжать.
Свободный... Ты тягости въ мірѣ не знаешь, —
Коса развѣ та, что звенитъ за спиной,
Отрепье, которымъ скелетъ прикрываешь,
Да боль отъ тревоги глухой!
Свободный... Малютку послѣдняго — сына,
Въ слезахъ, на кладбище весною ты снесъ,
И съ жалобнымъ визгомъ остался близъ тына
Лежать издыхающій песъ...
Назадъ оглянулся ты съ горечью новой:
Опишутъ тамъ каждую тряпку въ избѣ,
Убогое поле, лѣсокъ вересковый...
Коса лишь осталась тебѣ!
Иди же косить! — Хоть издохни безъ хлѣба,
Хоть силу свою ты въ конецъ изведи,
Но подать — священная заповѣдь неба,
Ея не нарушь ты, иди!
Чего же стоитъ онъ, свободный, какъ птица?
Живи, коли хочешь, не хочешь — умри,
Въ рѣкѣ утопись, иль изсохни, какъ спица,
Трудясь отъ зари до зари!

И горстью хоть волосы рви онъ — не встрѣтитъ
Ни въ комъ состраданья живого бѣднякъ.
Хоть мертвымъ пади — и никто не замѣтитъ...
Свободный онъ, вольный батракъ!

Изъ смутныхъ днѳй.

(Изъ Маріи Конопницкой.)

Глубокая бездна въ началѣ вѣковъ раздѣлила
На жертвъ и тирановъ собратьевъ-людей.
Безбрежна она, какъ просторъ неоглядныхъ морей,
Страшна, какъ отверстая рана, темна, какъ могила.
Кровавое мщенье работой мечей и костровъ
Напрасно стремилось наполнить ее до краевъ:
Вѣка протекаютъ, а дна ея все не измѣрить!
Любовь ужъ прощать устаетъ и надежда крылатая
вѣрить!

Волною бурливой людская горячая кровь
Струится въ нее непрерывно... Летятъ преступленья...
Порокъ, добродѣтель, измѣна, любовь,
И скрежетъ проклятій и слезы мученья...
Все тщетно, все гибнетъ въ пучинѣ безъ дна,
И пропасть все такъ же темна и страшна!

Сердца исполиновъ, умовъ безкорыстнѣйшихъ силы,
Движенья народовъ, народовъ могилы, —
Все въ ней исчезаетъ, какъ въ морѣ потокъ:
Отъ берега берегъ все такъ же далекъ!

Боецъ въ нее лозунгъ бросаетъ мятежный,
Мыслитель спокойный — законъ неизбѣжный,
Бѣднякъ — свою скорбь и кровавый свой потъ,
Герой — свою славу, труды свои — геній,
Исторія — смѣну и право явленій;
Самъ Богъ, возмутясь, свои громы беретъ
И мечетъ въ ту бездну: она все зіяетъ —
Высокое небо безъ словъ упрекаетъ!

О, ужасъ! О, горе! Погибнетъ ли трудъ?
Ужель этимъ зернамъ безъ счета и мѣры
Плода не дождаться? Ужель не взойдутъ
Желанные всходы надежды и вѣры,
Что̀ братскую пищу народамъ дадутъ?
Спѣши, о, спѣши, золотое свѣтило!
Надъ безднами горя людского и зла
Взойди, облеченное славой и силой, —
Тобой вѣдь однимъ побѣждается мгла!

1891.

Человѣкъ.

1.

„Пускай ты — перлъ земли, могучій царь творенья:
Кто далъ тебѣ, скажи, вѣнецъ твой золотой?
Ужель ты возмечталъ въ безумномъ ослѣпленьи,
Что я раба твоя, а ты — властитель мой?
„Частицу тайнъ моихъ тебѣ постичь дала я,
И ты возмнилъ, пигмей, что всю меня позналъ,
Что дерзко заглянулъ въ мое святыхъ святая
И свой тамъ начерталъ законъ и идеалъ?
„Глупецъ! Я захочу — и, пораженный страхомъ,
Покорнѣй станешь ты твоихъ смирнѣйшихъ псовъ;
Я землю потрясу — и разлетится прахомъ
Величіе твоихъ гигантовъ-городовъ.
„Я вышлю грозный моръ съ его сестрой — войною,
Цвѣтущія поля я превращу въ пески,
Я разолью моря, одѣну полдень тьмою —
И взвоешь ты, какъ звѣрь, отъ боли и тоски!

„Повѣрь: мнѣ дѣла нѣтъ ни до твоихъ стремленій,
Ни до твоихъ скорбей. Я знаю лишь — числа
Безжалостный законъ; ни мукъ, ни наслажденій,
Ни блага для меня подъ солнцемъ нѣтъ, ни зла!
„Живи-жъ, какъ все живетъ: минутною волною
Плесни — и пропади въ пучинахъ вѣковыхъ,
И не дерзай вставать на буйный споръ со мною,
Предвѣчной матерью всѣхъ мертвыхъ и живыхъ!“

2.

Такъ въ вихрѣ, въ молніи, въ грозѣ стихій Природа
Гремитъ, какъ легіонъ нездѣшнихъ голосовъ.
Но съ поднятымъ челомъ и съ возгласомъ „свобода!“
Въ обѣтованный край своихъ лазурныхъ сновъ,
Сквозь бурю, ливень, мракъ, къ долинѣ тихой рая,
Шатаясь, падая подъ ношей крестныхъ мукъ,
Впередъ идетъ титанъ, на мигъ не выпуская
Хоругви мятежа изъ напряженныхъ рукъ.
И гордо говоритъ:
— „Кто-бъ этотъ пылъ священный
Мнѣ въ душу ни вдохнулъ, карая иль любя,
Игра бездушныхъ силъ, иль Разумъ сокровенный,
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!
„Казни меня, бичуй — пощады не прошу я,
Но знай: и ты во мнѣ пощады не найдешь.
На грозный бой тебя, на смертный бой зову я—
Лишь трупъ холодный мой ты въ цѣпи закуешь!
„Слѣпа ты и мертва въ красѣ твоей суровой,
А я согрѣтъ огнемъ безсмертнаго ума.
Изъ книги бытія, законодатель новый,

Листы я вырву зла, скажу: погибни, тьма!
„Скажу: зажгись, разсвѣтъ! Взойди эдемъ въ пустынѣ,
Гдѣ потъ я засѣвалъ, кровавый потъ труда!
И будешь ты сама служить моей святынѣ,
Иль я съ лица земли исчезну навсегда!“

Акатуй.

Сестрѣ.

Печально прошла твоя жизнь, моя бѣдная!..
Какъ осень холодная, хмурая, блѣдная,
Безъ радостей дружбы, безъ свѣта любви
Мелькнули всѣ лучшіе годы твои.
Природа, какъ дочь неродную, постылую,
Тебя красотой обдѣлила и силою;
Сокровища-жъ сердца — что̀ радости въ нихъ?
Кто перлы считаетъ въ пучинахъ морскихъ?

Въ себѣ ты родникъ отыскала терпѣнія,
Въ душѣ твоей жившаго свѣтлаго генія,
Струившаго волны аккордовъ святыхъ
Изъ блѣдныхъ и немощныхъ пальцевъ твоихъ.
И мертвыя струны, разбужены звуками,
Дрожали живыми слезами и муками,
Тоскуя, надѣясь, мечтая, любя, —
И свой лучезарный былъ міръ у тебя!

Но темная сила, пощады не знавшая,
Проклятьемъ на всей твоей жизни лежавшая,
Дорогу и въ этотъ лазурный эдемъ
Тебѣ заградила, казалось, совсѣмъ:

Изсохли, упали, какъ плети ненужныя,
До срока, до времени руки недужныя,
И гибель, конечная гибель грозой
Нависла надъ жизнью твоей дорогой.

Закрылся рояль, и затихли рыданія,
Уснули мечты... Ни мольбы, ни роптанія...
А какъ твое сердце дрожало въ тиши,
Какъ плакали нѣжныя струны души
Да очи твои молодыя безвинныя,
Какъ слезы ихъ ночи лишь видѣли длинныя, —
Кто знаетъ объ этомъ? Упавшей во тьму
Звѣзды не найти никогда никому!

И въ эту-то ночь своей жизни безбрежную
Всю душу свою милосердную, нѣжную,
Со всѣми дарами любви и тепла,
Чужому несчастію ты отдала.
И къ скорбному брату, бойцу недобитому,
При жизни въ глухую могилу зарытому,
Въ юдоль безысходныхъ сомнѣній и мукъ,
Какъ ангелъ небесный, явилась ты вдругъ.

Явилась, какъ чудная вѣсть утѣшенія,
Любви безъ конца, упованья, терпѣнія, —
И гдѣ та любовница въ мірѣ, та мать,
Къ которымъ бы могъ я тебя приравнять?
Награды-ль себѣ ты просила, родимая?
Ахъ! даже и пѣснь моя, тайно хранимая
Твоей незнакомой съ корыстью рукой,
Мой другъ, не тебѣ отзывалась — другой!..

Теперь, когда дни воротились ненастные,
И ты далекò, мое солнышко ясное,
И некому выплакать горечь обидъ,
И такъ я безсиленъ, такъ всѣми забытъ;
Теперь, когда, правду извѣдавъ жестокую,
Страшась за дорогу твою одинокую,
Послѣднюю кровь я отдать бы готовъ,
Лишь былъ бы твой жребій не столько суровъ, —

Въ часы трудовые и въ полночь угрюмую
Черты дорогія зову я и думаю:
— О, слава! нѣтъ правды въ рѣшеньяхъ твоихъ,
Ты только красивыхъ цѣлуешь и злыхъ.
Но если бы я былъ судьей надъ вселенною,
Тебя я короной вѣнчалъ бы нетлѣнною,
Тебя-бъ на вершины безсмертья вознесъ,
О сердце прекрасное, полное слезъ!..

Акатуй.

* * *

Во мракѣ былого, въ грядущихъ вѣкахъ
Ищу я, подъ гнетомъ тоски, утѣшенья;
Но трудно парить и орлу въ облакахъ,
Хоть онъ и рожденъ для паренья!

И онъ, быстрокрылый, порой устаетъ
Отважныя дѣлать усилья
И сходитъ на землю съ лазурныхъ высотъ,
Слагая могучія крылья...

Какъ жаждетъ теперь же усталая грудь
Согрѣться подъ кровомъ родимымъ, —
Рыдая, прижаться къ колѣнямъ любимымъ,
Отъ мукъ и тревогъ отдохнуть!

Пѣсня бурильщиковъ.

Тамъ, гдѣ холодомъ облиты,
Сопки высятся кругомъ, —
Обезличены, обриты,
Въ кандалахъ и подъ штыкомъ, —
Въ полумракѣ шахты душной,
Не жалѣя силы рукъ,
Мы долбимъ гранитъ бездушный
Монотоннымъ „тукъ!“ да „тукъ!“

Гдѣ высокіе порывы,
Сны о правдѣ, о добрѣ?
Ранній гробъ себѣ нашли вы
Въ темной каторжной норѣ!
Счастья кончены обманы,
Знамя вырвано изъ рукъ...
Заглушая сердца раны,
Мы стучимъ лишь: „тукъ!“да „тукъ!“

Съ нелюдимаго востока,
Съ плачемъ снѣжныхъ непогодъ,
Этотъ стукъ пройдетъ далеко,
Въ грудь отчизны западетъ...

. . . . . .

* * *

Муки брата смягчая въ чужой сторонѣ,
Ты мнѣ пишешь, дитя, въ утѣшенье:
Тотъ украдкой слезу уронилъ обо мнѣ,
Тотъ свое изъявилъ сожалѣнье.

И обрывки давно позабытыхъ именъ
Изъ тумана годовъ выплываютъ,
Оживая, какъ смутный, болѣзненный сонъ,
И въ груди моей желчь поднимаютъ...

Это тѣ, что̀ въ сторонкѣ стояли въ тиши,
Равнодушныя руки скрестивши,
Когда несъ на борьбу я всѣ силы души,
О соблазнахъ покоя забывши.

. . . . . .

А теперь, когда палъ безразсудный боецъ,
Нарушавшій гармонію спячки, —
Почему не потѣшить довольныхъ сердецъ,
Не швырнуть ему барской подачки?..

Имъ дешевая слава дороже всего —
Что имъ слезы правдивыхъ мученій?
— Ахъ, оставьте меня вы страдать одного,
Не хочу я ничьихъ утѣшеній!

Забытый мертвецъ.

Мнѣ снилось — окончились годы
Тяжелой и долгой разлуки:
Къ тебѣ я примчался, какъ вѣтеръ,
Простерши дрожащія руки.
Какъ въ старые годы, толпою
Подруги тебя окружали,
Какъ свѣжія, пышныя розы,
Румянцемъ и счастьемъ сіяли.
Все, все было то же, что прежде,
Ни въ чемъ никакой перемѣны, —
И тѣ же веселыя лица,
И тѣ же уютныя стѣны...
Но только что я показался —
Смолкъ говоръ бесѣды открытой,
Какъ будто въ кругу беззаботномъ
Явился мертвецъ позабытый!
И шепотъ пронесся смущенья,
Движенье мелькнуло испуга...
Тогда лишь отчетливо-ясно
Увидѣлъ я милаго друга.
Какъ мраморъ бѣла, неподвижна,
Сидѣла ты, грустно-нѣмая,

Скрестивъ исхудалыя руки,
Душою далеко витая.
Застывшія очи казались
Полны безконечной печали...
И вдругъ изумленье и радость,
Какъ буря, по нимъ пробѣжали!
Безжизненно-блѣдныя щеки
Внезапнымъ огнемъ озарились,
Навстрѣчу объятіямъ жаднымъ
Поспѣшно объятья раскрылись.
Минута блаженства... И съ крикомъ
Назадъ ты скорѣй отшатнулась,
Какъ будто въ устахъ моихъ жало
Шипящей змѣи шевельнулось!
Упали безсильныя руки
Подъ гнетомъ тоски безпредѣльной;
Какъ снѣгомъ, покрылись ланиты
Опять бѣлизною смертельной.
Души моей холодъ обиды
Струей леденящей коснулся...
Померкла безумная радость ..
И снова къ тебѣ я рванулся!
И, складки одежды цѣлуя,
Колѣни твои обнимая,
Шепталъ, задыхаясь, волнуясь:
„Я... я, дорогая, родная!
Все понялъ я чуткой любовью:
Меня ты погибшимъ считала,
По мнѣ, какъ по мертвомъ, поминки
Живыми слезами справляла.
И годы промчались... Не знаю,

Какія страданья, — нужда ли,
Порывъ ли минутный участья —
Съ немилымъ тебя повѣнчали.
Была ты глубоко несчастна
Въ союзѣ любви подневольной
И память усопшаго друга
Хранила въ душѣ богомольно.
Но гробъ растворился... Открой же
Слезами залитыя очи:
Румяное утро прогнало
Кошмары и призраки ночи!
Дитя дорогое, очнися
Отъ грёзы безумной и дикой!
Мы право на счастье земное
Купили цѣною великой...“

Но тщетно тебя заклиналъ я:
Какъ тѣнь, ты изъ рукъ ускользала...
„Нѣтъ, нѣтъ, никогда до могилы!“ —
Устами безъ жизни шептала...

Памяти С. Н. Бобохова и И. В. Калюжнаго.

Есть эпохи печалей, есть страшные годы, —
Съ дрожью гнѣва историкъ объ нихъ говоритъ.
Мракъ угрюмѣй, душнѣй въ эти ночи невзгоды,
Но терновый вѣнецъ величавѣй горитъ!
Не о васъ я скорблю, зову чести послушныхъ,
Жизнь сумѣвшихъ за други своя положить:
Я печалюсь о насъ, о друзьяхъ малодушныхъ,
На руинахъ святыхъ остающихся жить.
Мракъ и ужасъ былого во-очію видѣть,
Все, что, гордые, вы не хотѣли снести,
Безконечно любить, горячо ненавидѣть
И не чувствовать силы за вами идти —
Есть ли пытка страшнѣе? . .

1892.

* * *

Дороже райскихъ благъ, всего, друзья, что есть
Для васъ святого во вселенной,
Сокровищъ больше всѣхъ цѣните вашу честь,
Души алмазъ неоцѣненный!
Блюдите этотъ кладъ, какъ дѣвушка свой стыдъ,
Отъ юныхъ дней и до могилы,
И пусть ни злато васъ собою не прельститъ,
Ни поцѣлуй и смѣхъ Далилы!
Ни слезы матери, ни дряхлый вѣкъ отца,
Ни видъ уже готовой казни
Пусть вашей гордости не сломятъ до конца,
Открывши сердце для боязни!
Не вѣрьте разуму, когда онъ скажетъ вамъ,
Что не измѣна — ходъ лукавый,
Что можно смыть съ души вины случайной срамъ
Годами подвиговъ и славы.
Не вѣрьте: слабости то шепчетъ духъ больной,
Прикрывшись логики личиной...
Бойцу прилично быть не робкою женой,
А чуждымъ трепета мужчиной!

И если побѣдитъ сомнѣнья горькій часъ,
И роковое зло свершится, —
То знайте: нѣтъ людей, навѣкъ несчастнѣй васъ,
И лучше-бъ въ міръ вамъ не родиться! . .
Никто, ничто печаль души не усыпитъ —
Она растетъ, растетъ съ годами . . .
Довольный врагъ вамъ жизнь, свободу возвратитъ,
Осыплетъ золотомъ, дарами, —
Свобода будетъ васъ душить, какъ сводъ тюрьмы,
Червонцы руки жечь вамъ станутъ;
Друзья . . . О, скорбь! о, стыдъ! — друзья, какъ отъ чумы,
Отъ васъ испуганно отпрянутъ.
Потупитъ взоръ отецъ; мать, дорогая мать,
Родникъ прощенья безконечный,
Грустя о васъ, очей не будетъ осушать . . .
Міръ облечется въ трауръ вѣчный!

Но пусть простятъ друзья, иль пусть молчитъ пока
Легенда вашего позора:
Коснется-ль вашихъ рукъ товарища рука —
Вы стыдъ почувствуете вора.
Во взглядѣ любящемъ прочтете вы укоръ,
Въ бесѣдѣ дружбы — подозрѣнье . . .
Все кто-то будетъ вамъ шептать: „Позоръ! позоръ!
Презрѣнье, вѣчное презрѣнье!“

Чрезъ много, много лѣтъ, когда, попавъ опять
Въ водоворотъ борьбы кипучей,
Найдете счастье вы, какое можетъ дать
Бойцу вѣнецъ его колючій,

Не разъ, какъ божій громъ съ безоблачныхъ небесъ,
Какъ адскій духъ средь кущей рая,
Мелькнетъ забытый сонъ . . . И солнца свѣтъ исчезъ,
И сердце сжала боль тупая!..

. . . . . .

* * *

Проклятье — вашъ удѣлъ, безумные вѣка: . .
Когда отжившій міръ народы перестроютъ, —
Не все исчезнетъ зло, не замолчитъ тоска,
И язвы новыхъ ранъ заноютъ.

Гдѣ свѣтъ сплошной горѣлъ, увидимъ бездну тьмы;
Побѣду возгласивъ, узнаемъ гнѣвъ безсилья
И снова разбивать о душный сводъ тюрьмы
Мы будемъ трепетныя крылья!

Но и въ унынь зломъ, въ ночи безъ маяка
Ни разумъ мудреца, ни пылкій духъ поэта,
Мечтая и скорбя о дняхъ любви и свѣта,
Не обратятся къ вамъ, проклятые вѣка!

Идеалы.

Онъ свѣтитъ, какъ маякъ надъ бездною морскою,
Суля намъ тихій рай за далью непогодъ.
Онъ говоритъ душѣ, истерзанной тоскою:
„Впередъ! Безъ отдыха впередъ!“

Но кто онъ, дивный вождь? Сквозь этотъ мракъ ненастный
Куда ведетъ онъ насъ? Кто, дерзкій, хоть во снѣ
Черты его видалъ?.. Плѣнительно-прекрасны
И полны ужаса онѣ!
Чему еще вчера молились съ умиленьемъ —
Сегодня стало прахъ, разсѣялось, какъ сонъ;
И то, что въ этотъ мигъ зовется преступленьемъ, —
Святыня завтра и законъ!
Свобода, слава, честь, любовь, отчизна, вѣра...
Нѣтъ образамъ твоимъ и именамъ числа.
Ты зажигалъ костры, ты двигалъ изувѣра,
Ты вдохновлялъ бойца на славныя дѣла!
Какъ жаждалъ міръ тебя!.. Ты созидалъ кладбища,
Ты посылалъ на смерть невинныхъ и святыхъ —

И все остался чистъ... Какъ воздухъ, солнце, пища,
Какъ радость бытія, ты нуженъ для живыхъ!

Падетъ, падетъ вѣнецъ съ святыни беззаконной,
Предъ свѣточемъ ума померкнутъ ложь и зло,
И изъ развалинъ ты, какъ фениксъ возрожденный,
Поднимешь свѣтлое чело!

I.

Именемъ любви.

(30 іюня 1680 года.)

День голубой занялся надъ Мадридомъ,
Томительно палящій лѣтній день.
Но не садовъ живительная тѣнь
Влечетъ толпу: великолѣпнымъ видомъ
Порадовать готовится король
Свой пышный дворъ и уличную голь.

Стукъ топора и визгъ пилы былъ слышенъ
На площади шестнадцать долгихъ дней.
Тамъ лабиринтъ воздвигнутъ галлерей
И яркихъ ложъ... Какъ дамъ уборъ тамъ пышенъ,
Какъ рыцарей галантны видъ и рѣчь!
Жидовъ и вѣдьмъ сегодня будутъ жечь.

Чу! близятся... Неясный гулъ движенья...
И замеръ духъ у зрителей въ груди.
Съ мечами трубочисты впереди...

А вотъ *и тѣ* . . . Бредутъ, какъ привидѣнья,
Босые всѣ, со свѣчками въ рукахъ,
Въ сорочкахъ бѣлыхъ, въ страшныхъ колпакахъ.

Съ хоругвями, съ эмблемами, крестами
Святая инквизиція грядетъ, —
Монахи, патеры, епископы . . . Народъ
Подался въ глубь бурливыми волнами,
И съ верхнихъ ложъ благочестивый дворъ
На сцену устремилъ горящій взоръ.

Пришли . . . Стоятъ съ покорностью печальной . . .
И зашумѣла буря голосовъ:
„Огня, огня! Долой еретниковъ!“
Но вдругъ... Что тамъ? Раздвинувъ кругъ опальный,
Фигура отдѣлилась . . . Вотъ, она
Предъ тономъ королевы склонена.

И кто-бъ рѣшилъ: которая прекраснѣй
Была изъ двухъ? Она-ль, къ порфирѣ чьей
Летѣлъ восторгъ безчисленныхъ очей,
Иль та, которой не было несчастнѣй
Подъ солнцемъ, озарявшимъ этотъ мигъ?
Въ слезахъ былъ весь марранки[1] юной ликъ.

— „О, сжальтесь, королева, надо мною! —
Она шептала, руки заломивъ: —
Пятнадцать лѣтъ всего мнѣ . . . Судъ правдивъ,
Но умереть такъ рано! . . Я-ль виною,

[1] Марранами назывались въ Испаніи евреи-выкресты, вновь обратившіеся къ религіи предковъ.

Что Богу силъ есть въ мірѣ тьма именъ,
Что мой законъ — моихъ отцовъ законъ?“

Здѣсь — гнѣва крикъ, тамъ — шепотъ изумленья . . .
Надежды лучъ и леденящій страхъ . . .
У королевы слезы на глазахъ,
Дрожитъ рука, — и кроткій звукъ прощенья
Сорваться съ устъ трепещущихъ готовъ:
На короля глядитъ она безъ словъ.

Но вотъ уста задвигались сухія
(Великій инквизиторъ встать спѣшитъ):
„Король Христовой церкви! Врагъ не спитъ . . .
Отринь скорѣй его навѣты злые,
Сверши свой долгъ!“ И, руку вверхъ поднявъ,
Король въ отвѣтъ: „Клянусь, отецъ, — ты правъ“.

И эта клятва мрачными попами
Повторена . . . Раздался слабый стонъ —
И грянуло аминь со всѣхъ сторонъ,
И вспыхнуло свирѣпой казни пламя!
Багровый дымъ поднялся къ небесамъ
Хвалой Тому, Кто былъ замученъ самъ.

II.

Слава.

1

— Выше, выше, рабы! Громоздите
На утесы утесы, гранитъ на гранитъ!

Изнуряйтесь, кричите отъ боли, умрите
У подножія гордыхъ моихъ пирамидъ:
Вы на то лишь и годны, презрѣнныя души!
Я — Хеопсъ богоравный, я — солнцемъ рожденъ:
Звуки славы моей на моряхъ и на сушѣ
Отдаленныхъ достигнутъ временъ.
Но гордитесь — вы подвигъ безсмертный творите,
Монументъ мой подъ бурей вѣковъ устоитъ...
Выше, выше еще! Громоздите
На утесы — утесы, гранитъ на гранитъ!

2.

— Въ путь, въ невѣдомый путь, удалая фаланга
Македонскихъ героевъ! Безстрашно впередъ
Черезъ пламя пустынь, черезъ холодъ высотъ
Къ изумруднымъ лѣсамъ тихоструйнаго Ганга!
Александру весь міръ покорить вы должны,
Чтобы не было имени въ мірѣ славнѣе...
Жгите села и нивы, рубите смѣлѣе,
Убѣляйте костями дорогу войны!
Не жалѣйте напитковъ на тризнѣ кровавой —
На поляхъ этихъ пышная жатва взойдетъ:
Александра безсмертною славой
Міръ наполниться долженъ... Впередъ!

3.

— Славься, славься, моя многозвучная лира,
Ты въ великомъ бою посрамила враговъ!
Много сильныхъ земли, много гордыхъ пѣвцовъ
Предъ глазами сошлось удивленнаго міра,

Чтобъ украсить чело заповѣднымъ вѣнкомъ;
Много пѣсенъ, угодныхъ богамъ, прозвучало,
Дивныхъ пѣсенъ, сердца зажигавшихъ огнемъ, —
И меня, лишь меня одного увѣнчала
Лучезарнаго Феба благая рука.
Пой же, пой, моя лира, греми, не смолкая:
Ты — Эллады краса и утѣха святая,
Будутъ помнить тебя племена и вѣка!

4.

И вѣка пронеслись... Мавзолей величавый
Еле виденъ въ наносахъ горючихъ песковъ,
И ободранъ его драгоцѣнный покровъ,
И затерты узорныя надписи славы.
И не помнятъ подъ солнцемъ ливійскихъ небесъ,
Кто изъ смертныхъ придавленъ громадою стройной —
Горделивый Хеопсъ, иль могучій Рамсесъ...
И не меньше забытъ Александръ безпокойный!
Смутно шепчетъ молва о великомъ бойцѣ,
Полномъ дикихъ страстей и порывовъ прекрасныхъ...
Да по свисту знакомому розогъ ужасныхъ
Школяры еще знаютъ о гордомъ пѣвцѣ,
Тщетно силясь гекзаметръ прочесть величавый...
Вотъ удѣлъ, называемый славой!..

III.

Мечтатели.

Любовь... Блаженный сонъ!.. Кто въ юности прекрасной
Не окружалъ тебя сіяющимъ вѣнцомъ?

Была пора — была рабой безгласной
И вещью женщина, мужчина былъ царемъ.
Одинъ владѣлъ онъ всѣмъ; ничтожной крошки хлѣба,
Рабыня, не могла назвать она своей.
Въ тѣ дни союзъ любви явился даромъ неба,
Очеловѣчившимъ людей.
Надъ темнымъ міромъ зла, надъ *я* себялюбивымъ
Любовь воздвигла міръ чарующей мечты,
Зажгла сердца возвышеннымъ порывомъ,
Изъ устъ исторгла пѣснь во славу красоты!

Но въ позолотѣ цѣпь, увы, не легче стала:
Все доля женская — подобіе тюрьмы...

И есть мечтатели, есть дерзкіе умы,
Провидящіе свѣтъ иного идеала.
„Исчезнешь ты, гимѣнъ, ты, злое божество
Съ улыбкой ангела!.. Обманъ, миражъ красивый,
Которымъ звѣрь прикрытъ сластолюбивый,
Въ которомъ нѣтъ святого ничего!
Все для себя — и ничего для міра...
Ничтожный, пошлый кругъ! Безвыходный капканъ,
Гдѣ заперты навѣкъ два мстительныхъ вампира
Подъ масками друзей... И это — ты, титанъ,
Свободы гордый сынъ? И къ этому такъ жадно
Вѣка стремишься ты, съ упорствомъ муравья?
Развѣется, какъ дымъ, — безумный, безотрадный
Кошмаръ, названіе которому — семья.
За милый женскій взглядъ, за сладкій мигъ участья
На брата братъ меча не вынетъ изъ ножонъ!
Всѣ будутъ позваны на свѣтлый праздникъ счастья,
Никто не будетъ обдѣленъ!“

IV.

Свобода.

Во мглѣ и ужасѣ промчавшихся вѣковъ,
Гдѣ каждый шагъ впередъ живою купленъ кровью,
Одинъ прекрасный лучъ дразнилъ мечты бойцовъ,
Враждою зажигалъ и вдохновлялъ любовью.
И больше за него пролито крови, слезъ,
Чѣмъ за другіе всѣ дары и блага міра!..

Но гордый ли Дантонъ на плаху шею несъ,
Рубила-ль головы Кромвелева сѣкира, —
Все тотъ же надъ землей носился горькій стонъ,
Все люди вдаль рвались за правдою и свѣтомъ,
И призрачно мерцалъ лазурный счастья сонъ,
Такъ внятно шепчущій безумцамъ и поэтамъ...

. . . . . .

И съ каждой битвою, и съ каждой жертвой новой,
Какъ будто, глубже мракъ надъ бездной вѣковой,
Острѣе и больнѣй язвитъ вѣнокъ терновый,
Нахальнѣе телецъ сверкаетъ золотой.

— Пловцы, далекъ вашъ путь надъ глубиной бездонной,
Съ стихіей и судьбой лишь начатъ гордый споръ!
Чѣмъ выше и темнѣй хребетъ волны вспѣненной,
Тѣмъ больше новыхъ безднъ смущенный видитъ взоръ.
Предъ далью грозною — наивный дѣтскій лепетъ
Всѣ грозы прежнихъ дней... На днѣ своихъ могилъ,

Увѣнчанныхъ хвалой, почувствуете трепетъ
Вы, славные герои Ѳермопилъ!
И ты, желѣзный Брутъ, и Гракхъ, и Телль суровый,
Орлы, любившіе свободу, будто мать,
Вы поняли-бъ борцовъ любви и правды новой?
Намъ руку братскую могли бы вы подать?

И благо, если судъ потомства справедливый,
Неумолимый судъ — и насъ не упрекнетъ
За то, что наша мысль орлицею пугливой
Безсильно падала съ заоблачныхъ высотъ!..

* * *

Въ безмолвіи-ль по̀лночи,
Въ тревогѣ ли дня,
Во снѣ, за работою,
Вездѣ близъ меня,
Какъ призракъ блуждающій,
Покоя не знающій,
Мелькаетъ, грустя,
Лицо твое кроткое,
Лицо твое блѣдное,
Дитя мое милое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!

Все снится мнѣ мертвая
Изгнанья страна:
Холодная, бѣлая
Снѣговъ пелена
И ты, въ нихъ зарытая,
Былинка забытая...
Какъ будто грустя,
Вокругъ тебя шепчется
Тайга неизслѣдная:
„Дитя беззащитное,

Дитя мое бѣдное,
Больное дитя!“

Чѣмъ другу несчастному
Помочь я могу?
Шепчу лишь безсильныя
Угрозы врагу,
Да съ тайною мукою,
Какъ няня, баюкаю,
Ласкаю, грустя,
Видѣніе нѣжное,
Видѣніе блѣдное:
— Дитя мое сирое,
Дитя мое бѣдное,
Родное дитя!..

* * *

Были черные дни, страха полные дни,
Какъ могила, зловѣщія ночи...
И твою даже волю погнули они,
Оросили суровыя очи!
Не уснувъ, не одинъ ты встрѣчала разсвѣтъ,
Потихоньку въ слезахъ облегчая
Боль неправыхъ обидъ и колючихъ клеветъ,—
И не зналъ я объ этомъ, родная!
Я не могъ тебя грудью своей заслонить,
Защитить тебя кровью своею,
Показать, какъ умѣю я нѣжно любить,
Какъ ласкать и голубить умѣю.
Другъ твой не былъ съ тобою... Чужая рука
Мой цвѣтокъ дорогой охраняла,
И, — какъ сердце змѣей обвивала тоска, —
Ты не мнѣ свою боль повѣряла!..

На всю жизнь.

1.

Не ужасы борьбы и злобнаго гоненья
Проклятіемъ легли на наше поколѣнье,
Но то, что, знамя взявъ свободы и любви,
Всѣ, всѣ грѣхи отцовъ носили мы въ крови!
И, — что̀ больнѣй всего, — мы, слуги идеала,
Завѣтныхъ сердца думъ такъ отдавали мало
На то, чтобы никто не могъ насъ упрекнуть
За пройденный во тьмѣ многострадальный путь;
Чтобъ въ эту ночь грѣха, позора и печали
Мы надъ пустыней зла, какъ свѣточи, сіяли —
Живой уликою тупымъ клеветникамъ,
Примѣромъ вѣрности свободѣ и друзьямъ;
Чтобъ нашъ обѣтъ любви передъ порочнымъ свѣ-
томъ
До гробовой доски былъ вѣрности обѣтомъ,
И наши имена въ дали вѣковъ зажглись
Безсмертьемъ Пенелопъ, Леандровъ, Элоизъ!

Но жизнь-завистница величія не сноситъ —
Всѣ свѣтлыя мечты безъ сожалѣнья коситъ...
И слышу я кругомъ: „Чему дивится онъ,
Мечтательный слѣпецъ? Таковъ судьбы законъ“.

2.

— Мой другъ, далекій другъ, чей образъ незабвенный
Дороже счастья мнѣ и всѣхъ даровъ вселенной,
Чью ласку помню я, какъ лучшихъ лѣтъ мечту,
Безъ чьей улыбки рай за рай я не сочту,
Любовь души моей! Мнѣ каждый день разлуки
Приноситъ новый адъ невыразимой муки...
Подолгу-ль отъ тебя нѣтъ вѣсти дорогой,
Ужъ страхъ меня томитъ, что я забытъ тобой;
Придутъ ли, наконецъ, плѣнительныя строки,
Я, жалостью объятъ, забывши всѣ упреки,
Какъ мертвую, готовъ оплакивать тебя,
Безумной клятвою связавшую себя!
Любимая, зачѣмъ? За что въ порѣ расцвѣта
Должна угаснуть ты, восторгомъ не согрѣта?
Весталка бѣдная, къ чему огонь блюсти,
Когда алтарь разбитъ и брошенъ при пути?
Смотри, какъ крестъ тяжелъ... Смотри, измѣны всюду...
Пускай же я одинъ живой гробницей буду,
Обѣты юныхъ дней до сѣдины храня:
На то пѣвецъ я твой, на то мечтатель я!
Нѣтъ! не возьму я всѣхъ сокровищъ наслажденья
За старыя мечты и старыя мученья, —
Пусть ихъ ребячество ребенокъ осмѣетъ,
Романтикомъ меня послѣднимъ назоветъ!

Странникъ.

(На мотивъ изъ Гейне.)

I.

Изъ странствій далекихъ и долгихъ
Во снѣ я вернулся домой,
И только что на берегъ вышелъ —
Былъ вѣстью сраженъ роковой:
Моя дорогая подруга
Давно ужъ, давно за другимъ...

Всю ночь на утесѣ прибрежномъ
Сидѣлъ я, тоскою томимъ.
Вверху было тихо и грустно:
Какъ будто надъ гробомъ большимъ,
Мерцая, тамъ двигались свѣчи,
Клубился таинственный дымъ...
Внизу же бурливыя волны,
Смирясь, начинали шептать:
„Ахъ, бѣдный, обманутый странникъ,
Покинемъ отчизну опять!“
И было себя мнѣ такъ жалко,
Такъ слабъ и несчастенъ я былъ...
И громко кричалъ я и плакалъ,
А вѣтеръ мой стонъ разносилъ!

Заря ужъ взошла золотая,
Окрасилась кровью волна,
Когда утомленную душу
Опять обняла тишина.
Ревнивое, темное чувство
Куда-то ушло со стыдомъ,
Наполнилась грудь умиленьемъ,
И свѣтомъ зажглась, и тепломъ.
Змѣя оторвалась отъ сердца, —
Любить захотѣлось, прощать,
Увидѣть ее, преклониться,
„Прости“ ей безъ гнѣва сказать!

II.

Вхожу нерѣшительно въ залу —
Со вкусомъ она убрана.
Услышишь, какъ сердце трепещетъ, —
Такая вездѣ тишина!
За праздно раскрытою книгой
(Я вижу лишь мелькомъ — романъ)
Сидитъ элегантная дама,
Небрежно склонясь на диванъ.
Глаза наши встрѣтились; жаркой,
Предательской крови волна
Лицо залила мнѣ... Ужели?!

— Но нѣтъ: не она, не она! —
Холодная свѣтская маска,
Усталый, безжизненный взоръ...
У милой же былъ онъ, я помню,

Глубокъ, точно пропасти горъ!
Раскланявшись чинно и съ сердцемъ
Безумнымъ успѣвъ совладать,
Вопросъ задаю я учтивый:
Могу ли NN увидать?
— „Увидѣть NN?!“ — Да... хоть впрочемъ,
Такъ прежде звалась она... — „А!
Въ счастливые старые годы?..
Я замужемъ нынче... Тогда...
И горя, и радостей много,
Monsieur, вы напомнили мнѣ!
Простите, съ кѣмъ честь я имѣю?..“

Какое-то имя, вполнѣ
Случайно пришедшее въ мысли,
Поспѣшно назвалъ я; сказалъ,
Что долго блуждалъ по чужбинѣ,
Что тамъ, между прочимъ, встрѣчалъ
Лицо, о которомъ, быть можетъ,
Еще не забыли друзья...
(А самъ про себя размышляю:
Ужели же память моя
Такъ зло надо мною смѣется?
Она... Нѣтъ, совсѣмъ не она!)
Она поднимается съ мѣста,
Взволнована, страшно блѣдна.
— „Какъ! вы его знали? Скажите..
И близко?.. Но гдѣ же онъ самъ?“
— Сударыня! тихо въ отвѣтъ я:
Увы, онъ давно уже тамъ
(И руку приподнялъ я къ небу)... —

Молчаніе, вздохъ — и потомъ
Беззвучныя, кроткія слезы...
— „Себя не виню я ни въ чемъ,
Monsieur... Я ждала его тщетно
Не мѣсяцъ одинъ или годъ;
Но знаете — тягость разлуки,
Оковы житейскихъ заботъ,
Отчаянье... жажда забвенья...
Потомъ этотъ ужасъ — молва
О смерти его на чужбинѣ...
Я еле осталась жива!
Конечно, прекрасно въ романахъ
Читать о любви безъ конца,
О вѣрности вѣчной; мы въ школѣ
Твердили „Любовь мертвеца."
Но это поэзія! Въ жизни
Она быстролетна, какъ сонъ."

Тутъ вставилъ и я торопливо,
Что это природы законъ.

Тогда, улыбнувшись печально,
Къ другому она перешла:
Что мужъ ея — малый честнѣйшій,
Въ свои погруженный дѣла;
Что небомъ дана ей отрада, —
Любви ихъ единственный плодъ, —
Прелестная дочка; что скромный
Они получаютъ доходъ
(Провинціи, впрочемъ, приличный),
Свой домикъ имѣютъ и садъ.

Изъ собственныхъ вишень варенье
У нихъ превосходно варятъ.
И, только что счелъ я умѣстнымъ,
Взявъ шляпу, отвѣсить поклонъ —
— „Какъ можно! вскричала, — безъ чаю?
Нѣтъ, нѣтъ, извините... Pardon!“
И скрылась тотчасъ за дверями,
Распущеннымъ шлейфомъ шурша.
А я... Я остался во мракѣ,
Рыданья едва заглуша...

III.

Вдругъ... Въ сумракѣ ночи безбрежной
Блеснувшій, какъ молнія, свѣтъ! —
Дверь скрипнула тихо — и крошка
Шести или менѣе лѣтъ,
Съ глазами испуганной серны,
Съ бутонами рдѣющихъ щекъ
Подъ рамою локоновъ черныхъ,
Несмѣло взошла на порогъ.
Взошла, поглядѣла... И съ крикомъ,
Бывающимъ только во снѣ,
Съ мучительнымъ крикомъ блаженства
Упала на шею ко мнѣ!
Мы мигомъ другъ друга узнали
(Глаза изощряетъ любовь)...
И оба мы плакали горько,
Смѣялись и плакали вновь.
Спѣшилъ и въ уста я, и въ очи
Малютку мою цѣловать,

Спѣшилъ, задыхаясь, волнуясь,
Про все ей, про все разсказать.
Она все росла, измѣнялась,
На мать походя все сильнѣй,
И, съ образомъ милымъ мѣшаясь,
Душѣ становилась роднѣй.
Я всѣ ей печали былого,
Всѣ раны свои обнажилъ,
И лишь одного все боялся,
Что главное что-то забылъ...
И снова спѣшилъ, озираясь...
А голосъ, межъ тѣмъ, дорогой
Мнѣ на ухо пѣлъ, не смолкая:
„Теперь до могилы ты мой!
Ничто насъ теперь не разрознитъ —
Ни горъ снѣговые хребты,
Ни волны, ни бури, ни цѣпи,
Ни жало людской клеветы!“

И пѣлъ онъ, такъ душу лаская,
Такъ чудно и нѣжно звеня,
Какъ-будто изъ свѣтлаго рая
Былъ посланъ утѣшить меня!

На стражѣ.

(А. И. Зунделевичу.)

Братъ, замученный братъ!
Пусть несчàстливы мы,
Пусть гнетутъ и томятъ
Стѣны душной тюрьмы;
Пусть не служатъ добру
Здѣсь, въ безвѣстной глуши,
И, какъ свѣтъ на вѣтру,
Гаснутъ силы души...

Нѣтъ! не даромъ горимъ
Мы, свѣтя въ темноту:
На почетномъ стоимъ
Мы, товарищъ, посту.
Передъ сильнымъ врагомъ
Не склоняясь въ пыли,
Точно кладъ, стережемъ
Честь родимой земли!

* * *

Тѣ годы ужаса, когда во тьмѣ неволи,
Одинъ, въ глухихъ стѣнахъ, я гордо изнывалъ,
А каждый вздохъ иль стонъ невыносимой боли
Подъ сводомъ каменнымъ безплодно замиралъ;
Когда часы и дни безцвѣтные, больные
Докучливо ползли, питая мрачный сплинъ,
Межъ тѣмъ какъ вдалекѣ куранты крѣпостные
Не уставали пѣть: „Страдай, страдай одинъ!“ —
Тѣ годы черныхъ сновъ и тяжкаго томленья,
Лишеній горькихъ дни все ярче и свѣтлѣй
Рисуются душѣ во мракѣ отдаленья,
Я ихъ вернуть бы радъ, какъ дорогихъ друзей!
И пусть бы я погибъ... Пусть у меня до срока
Сгорѣли-бъ мозгъ и грудь въ горячечномъ огнѣ,
Зато бы спасъ я честь! Ни одного упрека
Не сохранилъ бы я въ сердечной глубинѣ!

А здѣсь, гдѣ каждый день — пучина униженья,
Гдѣ каждый часъ встаетъ мучительный вопросъ:
„Жизнь, эта жизнь раба — не верхъ ли преступленья?
Возможно-ль, честно-ль жить подъ остріемъ угрозъ?“ —
Ахъ! здѣсь отрады нѣтъ... Здѣсь даже мирный геній
Забвенія и сна печаленъ и суровъ:

Какія бездны зла, какой родникъ мученій
У этихъ каторжныхъ, безчеловѣчныхъ сновъ!..
Въ нихъ все — позоръ, иль смерть: то, въ поискахъ могилы,
На дно глубокихъ шахтъ кидаюсь я стремглавъ,
То принимаю ядъ, то открываю жилы,
Тоскующихъ друзей вокругъ себя собравъ.
Кошмары безъ конца... Я слышу клокотанье
Въ груди самоубійцъ, не вынесшихъ цѣпей...
Проснусь — и душитъ грудь кипучее рыданье,
И влага жгучихъ слезъ струится изъ очей!

Акатуй.

---

* * *

Ни застѣнковъ, ни криковъ, ни слезъ,
Ни костровъ, ни ужасныхъ колесъ...
Люди мягче, гуманнѣе стали,
И чтобъ вытянуть жилы изъ насъ
Безъ невольныхъ брезгливыхъ гримасъ,
Утонченныя пытки сыскали.

И сказали, глумясь надъ врагомъ:
„Будь отнынѣ безгласнымъ рабомъ
Ты, глашатай непризнанный вѣка!
Позабудь образованность, честь,
Все, что въ мірѣ высокаго есть,
И вѣнецъ, и права человѣка!

„Будь рабочимъ скотомъ! Трепещи,
Унижайся, работай, молчи,
Избѣгая неравнаго спора:
Не почетный и славный конецъ
Ты найдешь въ немъ, отважный боецъ, —
Выпьешь горькую чашу позора".

Безсердеченъ судьбы приговоръ:
Или смерть, или вѣчный позоръ!..
Безъ названія скорбь, безъ исхода.

А въ душѣ еще силы кипятъ,
И, хоть гроба темнѣй казематъ,
Все ей снятся борьба и свобода!

— О, потомки! въ тотъ радостный день,
Какъ послѣдняя скроется тѣнь,
И, развѣявши чары заклятья,
Поразивши могучее зло,
Вы украсите лавромъ чело
И рабовъ заключите въ объятья, —

Упиваясь своимъ торжествомъ,
Не глумитесь надъ павшимъ врагомъ,
Той же казнью его не казните;
Но, какъ лучшій эдема цвѣтокъ,
Какъ безсмертія тайный залогъ,
Человѣка достоинство чтите!

Изъ за морей.

(Изъ „Ирландскихъ пѣсенъ“ О'Коннора.)

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
Изнеможенный ликъ Ирландіи родной.
И въ сердцѣ крикъ встаетъ: „Гдѣ вы, друзья свободы?
Чего молчите вы? Чего еще онъ ждетъ,
Правдивой казни мечъ?..“
Мелькаютъ дни и годы...
О, Боже! кто спасетъ измученный народъ?

Туманная весна. Одѣтый первымъ пухомъ,
Недвиженъ сонный лѣсъ; въ заброшенныхъ поляхъ
Не ходитъ острый плугъ... И пахарь, павшій духомъ,
Надъ мертвой клячею стоитъ съ слезой въ очахъ.
И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
Больныя личики дѣтей полунагихъ
И знаетъ: каждый день сулитъ ему утрату,
Обиду новую, отраву слезъ нѣмыхъ...

— Не плачь, несчастный братъ! Не думай, что мольбою
Смягчишь ты гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣдъ,

Не думай, что вампиръ, взлелѣянный тобою,
Захочетъ кинуть самъ изсохшій твой скелетъ!
Отъ чуда ли ты ждешь желаннаго спасенья?
Избавитъ Богъ тебя отъ гнета хищныхъ лапъ?
Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ терпѣньи —
Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!
Но хуже-ль ты другихъ? Изъ полнаго бокала
Не можешь радость пить со смѣхомъ на устахъ?
Мой край, родимый край! воспрянь... Пора настала —
Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!
Вставай — ударилъ часъ... Живой огонь тревоги
Воспламени въ сердцахъ, народы всколыхни...
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,
Зажги по городамъ зловѣщіе огни!
Темницы распахни!.. И изъ своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества, и силы,
Воспрянувъ, явимся, среди бойцовъ бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
То кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о родина, съ восторгомъ отдадимъ!

Ночные Гости.

Весь вечеръ слушалъ я, охваченъ дрожью гнѣвной,
До глубины души взволнованъ, потрясенъ
Бесѣдой дикой ихъ и темнотой душевной,
И тщетно силился прервать гнетущій сонъ!
Кровь, сцены грабежа — и хохотъ безсердечный..
Напрасно въ глубь себя замкнуться я хочу,
Васъ, тѣни милыя, вашъ обликъ человѣчный
Съ болѣзненной тоской вездѣ кругомъ ищу,
Ищу, зову, молю... Увы! лишь на мгновенье,
Со взоромъ, полнымъ слезъ, блеснете вдалекѣ —
И скроетесь тотчасъ въ испугѣ и смятеньи...
И я опять одинъ мечусь въ бреду, въ тоскѣ!

— Жестокій фарсъ судьбы!.. Какъ жадною мечтою
Я рвался въ вышину къ лазурнымъ небесамъ,
Какъ міръ хотѣлъ обнять восторженной душою —
И вотъ, товарищъ я злодѣямъ и ворамъ!
Мой міръ сталъ міръ убійцъ... Громами обличенья
Перерождать сердца мнѣ дара не дано;
Искать луча небесъ на глубинѣ паденья —
Хвалы достойный трудъ, но... онъ свершенъ давно!
Умри-жъ, безумный вопль! Мечты борьбы, усните!
Въ мученьяхъ пытки злой хотя бы честь сберечь...

О, радость! Ночь близка... Ужъ путаются нити
Разбившихся бесѣдъ, лѣнивѣй льется рѣчь
И ангелъ сна прошелъ надъ мрачною тюрьмою:
Какъ трупы, полегли колодники кругомъ.
Тускнѣетъ лампы свѣтъ... И, споря съ тишиною,
Ударилъ барабанъ, — знакомый, мѣрный громъ.
Мнѣ онъ не вѣстникъ сна! Таинственный и властный,
Онъ говоритъ: „Воспрянь! желанный мигъ насталъ.
Они идутъ къ тебѣ, друзья поры прекрасной,
Которыхъ жаждалъ ты и такъ безумно звалъ.
„Ты слышишь — легкій шумъ раздался въ отдаленьи?
То шелестъ крыльевъ ихъ. Смотри: изъ всѣхъ угловъ,
Со всѣхъ сторонъ глядятъ заплаканныя тѣни
Знакомцевъ дорогихъ ... Ты слышишь нѣжный зовъ?
„— Очнись, страдалецъ нашъ! Лови часы свободы!
Стряхни сомнѣній гнетъ, ты нами не забытъ.
Ты такъ же дорогъ намъ и въ эту ночь невзгоды,
Подъ властью мелочныхъ гоненій и обидъ.
„— Гордись! къ тебѣ пятно позора не пристало!
Склонись на нашу грудь, на любящую грудь,
Повѣдай намъ всю боль души твоей усталой,
Такъ страстно рвущейся отъ странствій отдохнуть.
„— О, потерпи, родной! желанный отдыхъ скоро:
Ужъ виденъ мирный кровъ и кипарисовъ тѣнь...
Страданью есть конецъ, а правдѣ нѣтъ позора!
Что̀ ночь, когда за ней сіяетъ вѣчный день?..“

Облако.

Сегодня нашъ рудникъ весь потонулъ въ цвѣтахъ!
Толпа колодниковъ, обритыхъ и въ цѣпяхъ,
Вперивъ еще разъ въ даль тоскующіе взоры,
Вздыхая и кряхтя, въ свои вползаетъ норы.
Безрадостный пріютъ неволи и труда!
Съ обледенѣлыхъ стѣнъ ручьемъ бѣжитъ вода;
Спускаясь въ полутьмѣ, о мокрыя ступени
Скользитъ нога... Склонись по-рабски на колѣни —
И въ каменную грудь безсмысленно стучи!
А сердце гордое безропотно молчи!..

На вольный божій свѣтъ я вышелъ изъ могилы,
Отъ холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистнымъ все нашелъ опять вокругъ —
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блескъ передъ лицомъ страданья,
И ароматный лѣсъ, и горъ зеленыхъ кругъ...

Но вдругъ — тамъ, въ вышинѣ, въ лазури чистой
утра, —
Невольно взоръ маня причудливой игрой,
Съ каймой изъ золота обломокъ перламутра,
Отъ юга облачко промчалось съ быстротой.
И въ душу брызнулъ свѣтъ поэзіи забытой,

И сердце мертвое мгновенно расцвѣло
— О, что тебя въ нашъ край суровый занесло,
Чудесный гость весны? Порывъ ли бурь сердитый,
Или бродячій нравъ? Изъ Ганга-ль свѣтлыхъ водъ,
Изъ темныхъ ли пучинъ ты вышло океана?
Отчизну знойную, гдѣ рай земной цвѣтетъ,
Скажи, успѣло-ль ты забыть въ странѣ тумана?
Но вотъ нахмурился твой лучезарный ликъ,
Ты дрогнуло и въ высь испуганно вспорхнуло!
Огонь цвѣтовъ померкъ... Еще блаженный мигъ —
И утра дивное видѣнье потонуло.
Не ужаснулось ли ты вида нашихъ мукъ,
Свирѣпости людской, безумья и позора?
Въ мысль не пришло-ль тебѣ, что отъ бездушныхъ рукъ
Не скроешься и ты, любимица простора?..

— Прости, краса небесъ! Минутный гость, прости!
Спасибо и за то: волшебный сонъ свободы
Ты пробудилъ во мнѣ... Счастливаго пути
Въ счастливую страну, гдѣ ясенъ пиръ природы!
Ты побывай и тамъ, въ краю весны моей,
Гдѣ милая моя печально увядаетъ,
Гдѣ въ зелени садовъ рокочетъ соловей
Про счастье и любовь, и синій Днѣстръ сверкаетъ.
Шепни ей съ вѣтеркомъ, который мчитъ тебя,
Что прошлое отнять у насъ безсильны годы,
Что все я вѣренъ ей, что все я жду, любя:
Затворы упадутъ — и грянетъ вѣсть свободы!

* * *

(Изъ Ч. Николини.)

Потомство узнаетъ, потомство услышитъ
Всѣ ваши неправды, всю нашу печаль.
Оно заклеймитъ васъ, оно насъ запишетъ
Въ кровавую славы скрижаль!
Оно изумится тому, какъ жестоки
И холодны были людскія сердца,
Какъ нагло толпою побиты пророки,
Задушены пѣсни пѣвца!
Оно содрогнется, узнавъ, какъ томили
Тебя въ чужедальнихъ снѣгахъ,
Какъ нашу любовь, милый другъ, умертвили
Во мракѣ разлуки, въ цѣпяхъ!

И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
Отвагой святой закипитъ:
„Зачѣмъ, о! зачѣмъ родились мы такъ поздно
Для мщенія страшныхъ обидъ?“
Падетъ безошибочно мечъ приговора —
Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!..
Поставятъ къ столбу роковому позора
Въ тотъ день не тирановъ однихъ,

Но также и васъ, малодушные братья,
Которые мимо распятыхъ идутъ —
И громкаго, страстнаго слова проклятья
Насилью въ лицо не швырнутъ!..

1893.

* * *

Цвѣтъ жизни сорванъ!..
Въ сердцѣ мракъ нѣмой,
И муза рѣдкой гостьей стала.
И нѣтъ души, которая бъ со мной
Однимъ біеньемъ трепетала!
Ахъ! есть, была... Но лучшіе года, —
Тотъ „праздникъ, розами увитый“, —
Пройдутъ, какъ блѣдный сонъ, безъ счастья, безъ слѣда,
Въ разлукѣ, холодомъ облитой!

И тайный страхъ мою сжимаетъ грудь:
„Что, если съ новыми друзьями
Средь новыхъ бурь пройдённый вмѣстѣ путь
Положитъ бездну между нами?
„Что, если вновь съ волненьемъ молодымъ
Сойдемся мы къ порѣ заката —
И сердцу сердце скажется чужимъ,
Родное, — близкое когда-то?

„Что, если?..“
— Нѣтъ, прочь дума, демонъ злой!
Довольно безъ тебя страданья,
Не отнимай у сломленныхъ грозой
Послѣдней искры упованья!

Кузнецы.

Мѣхъ гудитъ и дышитъ шумно,
Близъ горна кромѣшный адъ;
Въ пляскѣ бѣшено-безумной
Милліоны искръ летятъ.
Скачутъ огненныя стрѣлы,
Спѣетъ варъ, — и блескъ, и шумъ...
Плавны, быстры и умѣлы
Взмахи молота: дзинъ! бумъ!

Вотъ кузнецъ. Онъ весь — забота,
Чёренъ, страшенъ, будто гномъ;
Щеки, мокрыя отъ пота,
Краснымъ свѣтятся огнемъ.
Ломитъ спинушку больную,
Очи жжетъ, мутится умъ;
Но кормилицу мірскую —
Соху онъ куетъ: дзинъ! бумъ!

Крѣпче, ноженьки, держите,
Не катись, слеза, изъ глазъ!
Духи мрака, кровь сосите,
Но блесни и свѣтлый часъ.
Чу! какъ будто ада звуки...
Грохотъ, пламя, лязгъ и шумъ...

А натруженныя руки
Ходятъ весело: дзинъ! бумъ!

Такъ и вы, друзья свободы,
Кузнецы земли родной,
Стойте бодро въ дни невзгоды
У горна́ борьбы святой!
Пусть грохочетъ непогода:
Молотъ вашихъ мышцъ и думъ
Счастье выкуетъ народа,
Волю-долю... Дзинъ-дзинъ! бумъ!

Учителю.

(Петру Лавровичу Лаврову.)

Въ изгнаньи своемъ сиротѣющій геній,
Ты часто намъ снишься, учитель родной,
Въ тяжелые годы измѣнъ и сомнѣній
Одинъ не поникшій могучей душой!

Какіе столпы вкругъ тебя упадали,
Какіе герои бросали свой щитъ,
Какія картины стыда и печали
Твое наболѣвшее сердце хранитъ!

Но бодро ты свѣточъ держалъ идеала,
И путь нашъ, окутанный въ холодъ и мракъ,
Твоя величавая мысль озаряла,
Ученій твоихъ благородныхъ маякъ.

Въ залитую кровью борьбу роковую
Мы, гордость свою, не пускали тебя,
Но всѣ возлюбившіе землю родную
Твоими дѣтьми признавали себя.

И сколько отважныхъ, бойцовъ безъ упрека,
Въ слезахъ проводилъ ты, какъ нѣжная мать,

Въ тотъ путь неизвѣстный, далёко-далёко...
И многихъ ли принялъ въ объятья опять?

Какъ старое дерево, вѣтви теряя,
Стоишь ты недвижно, титанъ-инвалидъ,
Послѣдній изъ славныхъ, о комъ помышляя —
Душа молодая восторгомъ дрожитъ!

Въ темницахъ отчизны, на солнцѣ чужбины,
Надъ Леной, подъ злымъ Акатуйскимъ ярмомъ
Намъ свѣтятъ твои дорогія сѣдины
Надежды и вѣры отраднымъ лучомъ!

Акатуй.

---

* * *

Есть ужасныя мгновенья!
Робкій умъ пытая,
Демонъ скорби и сомнѣнья
Шепчетъ, не смолкая:

„Правда, солнышко сквозь слезы
Глянетъ послѣ ночи,
Но пока-то стихнутъ грозы —
Роса выѣстъ очи!“

* * *

День ли, ночь ли — тьмой равно объяты
Для меня и небо, и земля:
Въ этомъ мірѣ больше не моя ты,
Навсегда тобой покинутъ я!

Звуки пѣсенъ въ сердцѣ замолчали,
Замеръ умъ въ безжизненной тиши;
Всѣ пути-дороженьки запали
Безъ тебя, звѣзда моей души!

Передъ этой скорбью, о родная,
Что̀ разлука? Что̀ и смерти часъ?
Хоть бы зналъ я, кровью истекая,
Что виновенъ кто-нибудь изъ насъ!

---

* * *

Кошмары, стоны, — царство муки...
Свободы кроткій идеалъ —
И цѣпью скованныя руки...
. . . . . .
И стыдъ, и ужасъ пораженья,
Ошибокъ горечь, ядъ клеветъ...
Удѣлъ жестокій поколѣнья,
Для казни посланнаго въ свѣтъ!

Ужель, какъ сонъ, прошли безслѣдно
Твоя любовь и правый гнѣвъ, —
Какъ дымъ, прошли, отчизны бѣдной
Не озаривъ и не согрѣвъ?
Всѣ эти жертвы, скорби, муки,
Вся эта боль живыхъ утратъ —
Ужели сгибло все?.. И внуки
Твоихъ обидъ не отомстятъ?..

О долѣ свѣтлой и широкой
Мечтало ты для всѣхъ людей —
И какъ оскорблено жестоко
Въ мечтѣ завѣтнѣйшей своей!
Огромный міръ казался тѣсенъ,

А міромъ сталъ — тюремный сводъ...
Скажи-жъ: гдѣ звуки мощныхъ пѣсенъ,
Въ которыхъ скорбь твоя живетъ?
Иль не придетъ онъ, чудный геній,
Несчастьемъ избранный пѣвецъ,
Который для твоихъ мученій
Сплететъ безсмертія вѣнецъ?..

Изъ „Пѣсенъ побѣжденныхъ“ Чезаре Никколини.

I.

Рѣшетки, бойницы... Объ стѣны тюрьмы
Волна ударяетъ безсонная...
Здѣсь, въ царствѣ безмолвія, страха и тьмы, —
Надежда страны побѣжденная,
Ты, юность великая, въ сердцѣ больномъ
Святыя мечты затаившая,
Поникшая скорбно высокимъ челомъ,
Но гордость и гнѣвъ сохранившая!
И гаснетъ безрадостно солнце весны,
Проносятся зимы тоскливыя...
Лишь снятся мучительно-яркіе сны,
Былого видѣнья счастливыя!

II.

Сегодня я всю ночь не могъ очей сомкнуть, —
Сомнѣнье черное мнѣ душу истерзало!
Желѣзною рукой сдавивши мозгъ и грудь,
Свободно чувствовать и мыслить не давало
И грознымъ шопотомъ дышало на меня:

„О, горе, горе вамъ! Вы родину сгубили!
Въ преддверьи свѣтлаго и радостнаго дня
Она была-бъ теперь, — вы только отдалили
Ея свободы часъ... Безумные! себя
За цвѣтъ и соль земли сочли вы горделиво,
Вопросы сложные рѣшая торопливо,
Грѣхи вѣковъ съ плеча рубя!
И что̀ отрады въ томъ, что сторонѣ родимой
Желали блага вы, что ваша кровь лилась?
Любя, вы нанесли ей вредъ непоправимый...
Да, вы преступники! Она осудитъ васъ!“

Такъ, въ тишинѣ ночной, угрюмое сомнѣнье
Нашептывало мнѣ, злорадствуя и мстя...
И, полный ужаса и слабый, какъ дитя,
Спасенья я искалъ — и не было спасенья!

III.

— Пускай обвиняютъ, клевещутъ, бранятъ,
И жалятъ, и топчутъ, у спящихъ въ могилѣ
Вѣнцы отнимаютъ... Пускай говорятъ,
Что родину мы погубили!
Не вамъ насъ судить! Мы на судъ васъ зовемъ,
Убійцы свободы, жрецы вѣроломства!
Безъ страха суда мы правдиваго ждемъ —
Изъ устъ неподкупныхъ потомства.
Вы неба не знали! Влачась по землѣ,
На ощупь вы каждый успѣхъ измѣряли,
А мы... Мы витали въ таинственной мглѣ —
Мы думой въ вѣкахъ прозирали!

Свободная мысль изнывала въ цѣпяхъ,
И мракъ былъ ужасенъ, и зло ликовало...
Мы подняли знамя, упавшее въ прахъ —
И полночь вокругъ задрожала!
Горсть храбрыхъ на тьмы ополчилась враговъ,
Шатались могучаго трона ступени...
Мгновенье... Но цѣлые сонмы вѣковъ
Подобныхъ не стоятъ мгновеній!
Все стихло, предсмертный лишь носится стонъ...
Но явится правды поруганной Мститель:
Не тотъ, кто на землю упалъ, — побѣжденъ,
Не тотъ, кто разитъ, — побѣдитель!

* * *

Онъ будетъ правъ, потомства судъ!..
И правъ, и грозенъ будетъ онъ:
Чей мертвый слухъ не потрясутъ
Ни кличъ добра, ни братьевъ стонъ,
Кто празднымъ вымысломъ зоветъ
Слова: отчизна, братство, честь, —
Утѣшьтесь, страждущіе, — тотъ
Въ вѣкахъ себѣ готовитъ месть!

Онъ будетъ правъ, потомства судъ:
Отъ злыхъ онъ добрыхъ отличитъ,
Оцѣнитъ каждый свѣтлый трудъ,
И вѣсъ, и горечь всѣхъ обидъ,
И жертву каждую зачтетъ,
И слезы всѣ, и каждый стонъ...
Придетъ онъ, правый судъ, придетъ —
И гнѣвъ, и милость будетъ онъ!

Конецъ перваго тома.

Среди стихотвореній II отдѣла (1883 г.) пропущено слѣдующее.

* * *

Я такъ люблю тебя, что если солнца лучъ
Съ горячей ласкою твой милый ликъ освѣтитъ,
Когда, бродя по гребнямъ сизыхъ тучъ,
Волшебный свѣтъ очей твоихъ замѣтитъ, —
Твою любовь, завѣтный сердца кладъ,
Я даже съ солнцемъ раздѣлить не радъ!

Когда жъ порой касается небрежно
Любимыхъ рукъ нечистая рука,
А ты глядишь довѣрчиво и нѣжно,
Ко всѣмъ добра и всякому близка, —
О, если бъ знала ты, какое въ то мгновенье
Кипитъ въ душѣ моей безумье и смятенье!

Другъ милый мой! Не золотой чертогъ
Построю я тебѣ, моей царицѣ — феѣ:
Я съ музою моей сплету тебѣ вѣнокъ,
Цвѣтовъ весны нарядней и свѣжѣе, —
И въ томъ вѣнкѣ, рука съ моей рукой,
Иди со мной, умри со мной!..

22 окт. 83 г.

Алфавитный указатель перваго тома.

Стр.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя 18

Батракъ 213
Битва жизни 18
Борьба окончена — побѣда за тобой 66
Братъ, замученный братъ! 255
Буря 91
Были черные дни 246

Веселому лучу денницы золотой 157
Весенняя сказка 8
Весь вечеръ слушалъ я, охваченъ дрожью гнѣвной . 262
Возмущеніе любви 62
Во мракѣ былого, въ грядущихъ вѣкахъ 223
Время 144
Все было тихо надъ рѣкою 30
Все, все простить бы вамъ 150
Все вижу трупъ безжизненный 136
Все глубже сонъ и мракъ на небесахъ отчизны . 202
Все золотые сны о волѣ 121
Вы говорите: не нужна 146
Въ безмолвіи-ль полночи 244
Въ брилліантовой коронѣ 8
Въ день черный юности кичливой 132
Въ дни, когда была ночь молчаливая 167
Въ дни радости свѣтлой 130
Въ изгнаньи своемъ сиротѣющій геній 272
Въ клѣткѣ желѣзной, въ неволѣ глухой 98
Въ колосьяхъ желтѣющихъ нивъ утопая 213
Въ кругу друзей, учениковъ 160

Стр.

Въ морѣ 103
Въ минуты радости и горя 94
Въ осенній грустный день 154
Въ полдень іюльскій, горячій 47
Въ почетѣ 119
Въ театрѣ 24
Въ темномъ морѣ, въ часъ ночной 147
Въ тѣ дни восторженности юной 134
Въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ кипучихъ 126
Въ часъ веселья и шумной забавы 11
Въ черный день 132
Въ эти дни больного озлобленья 36
Въ эти свѣтлые дни, на зарѣ 60
Въ этомъ городѣ страшномъ 129

Глубокая бездна въ началѣ вѣковъ 215
Голосъ 134
Голуби 115

Давно предузналъ я твой жребій 200
Да, въ мірѣ живыхъ намъ свиданія нѣтъ 199
День голубой занялся надъ Мадридомъ 236
День ли, ночь ли — тьмой равно объяты 275
Дни настали слезъ и гнѣва 142
Долго борьба наша длилась 64
Дороже райскихъ благъ 231
До утра, въ томленьи страсти изнывая 151
Другу юности 165
Другъ мой, добрый мой другъ! 141
Друзья! Въ тяжелый мигъ сомнѣнья 82

Если честно вы храните 194
Если, чувствуя вѣры священное пламя 40
Есть ужасныя мгновенья 274
Есть эпохи печалей, есть страшные годы 230

Журавли 154

Забытый другъ 138
Забытый мертвецъ 227

Стр.

Забытый міръ!.. Надъ каждою могилой 27
За все, за все — за гордый пылъ 128
За мое къ свободѣ рвенье 119
За что любить тебя? 211
Звонко-ль хохочетъ дитя 110
Звѣздное небо, нѣмое, чудесное 7
Здравствуй, забытый рудникъ 208
Зеленѣлъ Байкалъ сердитый 179

Идеалы 235
И день, и ночь летитъ стрѣлой 144
Изъ-за морей 260
Изъ пѣсенъ побѣжденныхъ 278
Изъ смутныхъ дней 215
Изъ странствій далекихъ и долгихъ 249
Именемъ любви 236

Какъ вы, я пѣть бы могъ 192
Какъ страстный горячечный бредъ 42
Когда, ледяное молчанье храня 138
Когда съ душой, страданьемъ охлажденной 183
Кошмары, стоны... царство муки 276
Крестъ и идеалъ 190
Куда же мчимся мы съ такою быстротою 16
Кузнецы 270
Купальская ночь 151
Къ портрету 60
Къ родинѣ 211
Къ свѣту 16
Къ сестрѣ 111

Ликуйте, ямбы и хореи 111

Мечтатели 240
Мечъ и лира 47
Мнѣ снилось сегодня 210
Мнѣ снилось, что ты умерла 69
Молитва 142
Муки брата смягчая въ чужой сторонѣ 225
Мѣхъ гудитъ и дышитъ шумно 270

Стр.
На всю жизнь 247
Надпись на сибирскомъ этапѣ 174
Надъ могилой друга 38
Надъ рощей пальмъ 34
Надъ рѣкой 30
На зарѣ нашихъ дней 186
Наканунѣ 162
На смерть голубя 116
На стражѣ 255
Нашъ полдень билъ 205
Не за каждымъ всплескомъ моря 103
Не морская ли краса-царевна 84
Не плачу я 38
Не плачь, о мать моя 89
Не плачь, сестра моя 171
Не поминай, что ты меня сгубила 149
Не пора ли отдохнуть, о братья 41
Не счастье я тебѣ принесъ 93
Не съ горделивой усмѣшкой презрѣнья 195
Не ужасы борьбы и злобнаго гоненья 247
Не уснуть 123
Ни дружеской руки, ни любящаго взгляда 190
Ни застѣнковъ, ни криковъ, ни слезъ 258
Никогда я не забуду 177
Но... если все это сонъ? 67
Ночные гости 262
Ночь сошла лазурно-ясная 14
Ночь. Тихо 105
Ну, что за Божья благодать 143
Нѣтъ, еще мало страдалъ я 193

Обдѣленные 27
Облако 264
Обрядъ окончился позорный 104
Одолѣли думы мрачныя 33
Оно дрожитъ въ рукахъ моихъ 96
Онъ будетъ правъ, потомства судъ 289
Онъ свѣтитъ, какъ маякъ 235
Орлица дѣтище свое 131
Оттого моя арфа безмолвна виситъ 172

Стр.

Отъ рожденья, видно, тѣнь проклятья 67
Падающая звѣзда 7
Памяти Бобохова и Калюжнаго 230
Передъ отравленною чашей 168
Передъ отъѣздомъ 171
Печально прошла твоя жизнь 220
Письмо 96
Плачьте, ямбы и хореи 116
Пловцы 41
Подъ вой волковъ 162
Подъ снѣгомъ 12
По лазури, чуть бѣлѣя 74
Портретъ 175
Потомство узнаетъ, потомство услышитъ 266
Поѣздка кругомъ Байкала 179
Поэтъ 110
Примчалась буря 91
Проводы 129
Проклятье — вашъ удѣлъ, безумные вѣка 234
Промчалась молодость 197
Проснись, дитя мое, проснись 75
Прости, о родина, прости 174
Прощай, мой другъ, я бодръ, воскресни 173
Прощаніе 197
Пускай обвиняютъ, клевещутъ, бранятъ 279
Пускай ты перлъ земли 217
Пѣсня 123
Пѣсня бурильщиковъ 224

Равнина мертвая подъ снѣжной пеленой 12
Разставаніе 177
Разсѣянъ мракъ, завѣса поднята 39
Руки горестно сжавъ 66
Рѣшеніе 36
Рѣшетки, бойницы 278

Сбылись мои страшные сны 62
Свобода 242
Сегодня нашъ рудникъ весь потонулъ въ цвѣтахъ . 264
Сегодня я всю ночь не могъ очей сомкнуть 278

Стр.
Сестрѣ 167
Сестрѣ 220
Сила жизни 147
Сказочный городъ 76
Сколько разъ надо мной пролеталъ 88
Слава 238
Смерть орла 98
Смолкъ честный голосъ убѣжденья 185
Снова въ душѣ загораются 203
Сны узника 121
Сократъ 160
Споръ 42
Страдай одинъ 164
Странная дѣвушка 175
Странникъ 249
Страсть налетѣла, какъ бурный порывъ 63
Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти . . . 260
Съ тоскующей улыбкой 80
Съ трескомъ сводъ небесный 72
Съ тѣхъ поръ, какъ помнимъ жизнь, товарищъ . 165

Тайны поэта 108
Такой есть міръ, гдѣ нѣтъ зари разсвѣта 125
Такъ знай же: въ тюрьмѣ я 71
Терпѣнье, кроткое терпѣнье 207
Товарищи, братья, друзья 107
Тревога 14
Тревогу ударило сердце больное 68
Ты дивилась, я помню, мой другъ 108
Ты знавалъ этотъ городъ тумановъ 76
Ты немного опять, но любя написала 206
Тѣ годы ужаса, когда во тьмѣ неволи 256
Тюрьма, какъ нѣкій храмъ 115

Успокоеніе 23
Учителю 272

Фантазія 84

Цвѣтъ жизни сорванъ 268

Стр.
Часа свиданья дождавшись 188
Человѣкъ 217
Что я скажу 136

Шумъ нетерпѣнья 24

Эти пѣсни гирляндою розъ 61
Эфемернымъ блистая нарядомъ 45
Эѳирной толпою тѣ свѣтлые дни пролетали 63

Юность 195
Юношѣ 40

Я воленъ и гордъ 70
Я пою для тѣхъ 90
Яркія звѣзды горятъ надъ землей 23
Ярко небо странъ далекихъ 159
Я такъ люблю тебя 282
Я твой, Земля 32
Я твой смѣхъ безпечный, рѣзвый 35

П. Я.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П. Я.
:: (П. ЯКУБОВИЧЪ-МЕЛЬШИНЪ.) ::

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Жизнь и поэзія — одно!
В. А. Жуковскій.

ТОМЪ II.

Четвертое, исправленное и дополненное изданіе.

STIKHOTVORENIIA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1910.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій пр., соб. д. № 75.

Типо-лит. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., Забалканскій пр., с. д. № 75.

Содержаніе.

Томъ второй.

V.

Въ странѣ сопокъ. (1894—1895 гг.)

VI.

На родномъ рубежѣ. (1896—1899 гг.)

VII.

Возвращеніе. (1900—1910 гг.)

VIII.

Приложенія
къ юношескимъ стихотвореніямъ.
(1877—1883 гг.)

Алфавитный указатель ко II тому.

Стихотворенія П. Я.

Томъ II.

V.

Въ странѣ сопокъ.

(1894—95.)

1894.

На утесѣ поэта[1].

Внизу, въ котловинѣ угрюмой — селенье.
Пустыня вокругъ. Замыкая просторъ,
Какъ-будто на стражѣ, стоятъ въ отдаленьи
Вершины уныло темнѣющихъ горъ.

Здѣсь, въ этой глуши чужедальней, почило
Кипучее сердце поэта, уста
Тревожныя смолкли...
Но гдѣ же могила?
Лишь высятся два одинокихъ креста
Надъ славой кровавою Польши. Печаленъ
Нерусской ихъ надписи смыслъ и звучитъ
Упрекомъ судьбѣ горделивымъ; поваленъ
Грозою, ихъ третій товарищъ лежитъ.
А русской завѣтной могилы забыто
И самое мѣсто — ужъ спорятъ о немъ.

[1] Извѣстный поэтъ 60-хъ годовъ, Михаилъ Ларіон. Михайловъ, осужденный въ каторжныя работы по дѣлу о прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ и умершій въ 1865 г. въ дер. Кадаѣ (Забайкал. обл., Нерчинск. округа).

Природа къ погибшимъ добрѣе: покрыта
Вся горка живыхъ незабудокъ ковромъ;
Въ безбрежномъ, лазурью сверкающемъ полѣ
Незримое пѣнье весь день разлито —
О жизни, о счастьи, о солнцѣ, о волѣ,
О всемъ, что любилъ онъ и вѣрилъ во что...

Сажусь на поваленный крестъ и къ былому
Мечтой улетаю... — „О, духъ дорогой,
Мой старшій товарищъ по дѣлу святому,
Ты слышишь ли окликъ привѣтственный мой?
Увы, не посолъ и не гость добровольный,
Не съ доброю вѣстью пришелъ я къ тебѣ —
Повѣдать, что жребій счастливый и вольный
Отчизнѣ достался въ суровой борьбѣ.
Узнай: не свѣтлѣй была доля и наша,
Побѣда вѣнкомъ не вѣнчала и насъ...
. . . . . .“ —

И, чудо! лишь смолкъ я — витающій геній
Поэта съ лазурной пропѣлъ вышины:
„Усилья отбиты двухъ-трехъ поколѣній —
Ну, что же? Иль три въ океанѣ волны?..
„За днемъ опускается ночь, но смѣниться
Разсвѣтомъ въ урочную пору должна;
Волна за волною безплодно промчится —
Побѣдная, знаю я, грянетъ волна!
„Пускай же сгущаются мракъ и ненастье,
Пусть дикая пурга о смерти поетъ, —
Вѣрь въ молодость! Вѣрь въ ея силу и счастье,
Зови ее пѣсней отважной впередъ!“

Таинственный кончилъ пѣвецъ, но звучали
Аккорды любви и надежды во мнѣ.
Увѣреннымъ взоромъ, безъ прежней печали,
Смотрѣлъ я на западъ, пылавшій въ огнѣ.
Съ востока ужъ мрачныя тучи сползали,
Въ долинѣ все было уныло, мертво,
А тамъ было солнце... Туда улетали
Два братскія сердца — мое и е г о!..

Дер. Кадая.

Молитва.

Какъ тяжкій сонъ, минула ночь разлуки —
Еще темно, но чую солнце я.
Грозой вдали, смолкаютъ сердца муки...
Немного дней — и ты моя, моя!
Со мной навѣкъ... Бѣгите-жъ, тѣни ночи!
Что медлите? Ужъ властно занялась
Заря во мглѣ... Пора! откройте очи,
Несчастные, — награды близокъ часъ.

Чу, голосъ злой:
„Не вѣрь, не вѣрь, безумный,
Что сжалилась судьба и надъ тобой,
Что зло и мракъ промчались бурей шумной,
И начатъ вновь пиръ жизни молодой!
„Что̀ сгибло разъ — тому ужъ нѣтъ возврата;
Не вѣрь, чтобъ дважды молодость цвѣла...
Цвѣтокъ могилъ — нарядный блескъ заката,
Не принесетъ онъ свѣта и тепла!
„Не вѣрь! Твой день — лишь новыхъ бѣдъ начало,
Разувѣреній, слезъ, скорбей, обидъ...

Кого весна не розами вѣнчала,
Тому зима улыбокъ не даритъ!“

— Прочь, демоны, прочь, коршуны сомнѣнья!
Какъ милости, молю я у судьбы
Не вѣчности безъ чернаго мгновенья —
Лишь отдыха, минуты безъ борьбы.
О, неужель предвѣчными судьбами
Лишь мы одни обречены скорбямъ,
И не дано изсохшими устами
На мигъ прильнуть къ завѣтной чашѣ намъ?..

Гимнъ любви.

Подъ хохотъ злорадный могучаго зла,
Подъ стонъ непогоды мятежной,
Какъ ландышъ укромный, любовь расцвѣла
Въ душѣ боязливой и нѣжной.
Лазурныя грезы ея стерегли
Не добрыя феи и гномы,
А стаи шакаловъ, бродившихъ вдали,
И злобно роптавшіе громы.
Преграды со всѣхъ поднимались сторонъ,
Какъ сказочныхъ странъ великаны, —
Различіе вѣры, враждебность племенъ,
Людскихъ предразсудковъ туманы.
Всѣ призраки ада, всѣ духи скорбей
Тѣснились къ ея изголовью;
Но бодрствовалъ ангелъ-хранитель надъ ней
Съ небесной своею любовью!

И пытки самой не страшилась любовь!..
Судьба тогда злѣй ополчилась:
Друзей нашихъ брызнула чистая кровь,
За нами — тюрьма затворилась.

Томленье разлуки, людская вражда,
При жизни весь ужасъ могилы...
Безъ вѣсти живой за годами года,
Убившіе лучшія силы...

Ахъ! часто я чуднаго демона клялъ,
Который такъ долго и жадно
Изъ сердца всю лучшую кровь выпивалъ,
Томилъ и терзалъ безпощадно.
И звалъ я отжившею ложью любовь,
Въ грядущее мысль устремляя;
Но гнѣвъ укрощался — и славилъ я вновь
Ее, какъ посланницу рая.
И свято я вѣрю, мой другъ: побѣдить
Любовь и могила не властна!
Вѣкамъ она будетъ далекимъ свѣтить,
Какъ греза эдема, прекрасна!

* *
*

Здѣсь, наконецъ, ты, родная, — со мной!..

Горы да горы... Подъ снѣгомъ поляны...
Море холмовъ подъ волшебной луной...
Другъ мой! не волны ли то̀ великаны,
Волнъ заколдованныхъ сонмъ ледяной?
Мы среди ни́хъ затерялись, родная,
Будто челнокъ въ безконечности водъ.
Въ мірѣ душа не узнаетъ живая,
Если волна этотъ челнъ захлеснетъ!
Мѣсяцъ, исполненный грусти и лѣни,
Тихо дорогой лазурной плыветъ...
Гдѣ эти краски природа беретъ,
Эти воздушные тоны и тѣни?
Какъ прихотливо по синимъ горамъ
Сумракъ змѣится! Какъ гребни блистаютъ!
Что же дрожишь ты? Зачѣмъ улетаютъ
Думы больныя къ далекимъ полямъ?

Небо глядитъ величаво, безстрастно,
Дикой сіяетъ земля красотой...

Прелести нѣтъ въ ней знакомой, родной, —
Смотришь, дивишься — а сердце безгласно!
Тихо, такъ тихо, что робость беретъ:
Съ родины дальней ни вздоха, ни звука...
Вырвись и наша сердечная мука
Крикомъ иль стономъ — онъ здѣсь и умретъ!

* * *

Какъ плѣнники, весь день въ стѣнахъ мы провели!
Къ обмерзлому стеклу приникнувъ головою,
Ты смотришь, какъ дитя, на блѣдный трупъ земли,
Обвитый сумерекъ холодной пеленою.
Въ затишьи мертвенномъ, какъ будто, бѣлый рой
Огромныхъ бабочекъ летитъ съ небесъ, пестрѣя,
Кружится, падаетъ... И вся земля, бѣлѣя,
Печальнымъ саваномъ легла передъ тобой!
Ужъ сопокъ не видать за сѣткою туманной,
Лишь ближняя порой мелькаетъ въ облакахъ,
Неясный обликъ свой мѣняя безпрестанно,
Какъ великанъ-мертвецъ, стоящій на часахъ.
Глазъ желтый мѣсяца, какъ око привидѣнья,
Блеснулъ въ молочной мглѣ — и въ тотъ же мигъ исчезъ.
Безъ звука, безъ конца, не зная утомленья,
Клоками бѣлыми снѣгъ валится съ небесъ.
Неспѣшно сыплется, какъ изъ мѣшка съ дырою!
И въ страхѣ шепчешь ты, подъ гнетомъ думъ больныхъ:
„Ужъ не засыпать ли онъ хочетъ насъ съ тобою,
Въ странѣ изгнанія похоронивъ живыхъ?“

* * *

Бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ кругомъ,
Да лазурь, да тишина нѣмая...
Ледянымъ серебрянымъ крыломъ
Вѣетъ ночь, надъ міромъ пролетая.

И чѣмъ выше мѣсяцъ въ небесахъ,
Тѣмъ страннѣй, причудливѣй картина:
Вонъ — за льдиной, будто, встала льдина,
Вонъ — корабль, затертый въ ихъ стѣнахъ.

Смерть кругомъ.. Остановилось время,
Давитъ мысль пространство безъ конца ..
Мы съ тобой — два позабытыхъ всѣми
Въ океанѣ холода пловца!

* * *

Семьею крестовъ дорогихъ заселенная,
Знакомая сопка такъ ярко блеститъ,
Волшебной луной озаренная, —
Туда моя дума летитъ.
Здѣсь черствые люди живутъ, безучастные:
Не знаетъ, не спроситъ никто,
Какія сердца тамъ зарыты прекрасныя,
Убитыя кѣмъ и за что..

— О, другъ мой, уйдемъ! Въ этомъ краѣ забвенія
И мертвымъ вѣдь холодно спать.
Богъ правды ужель намъ не дастъ утѣшенія
Въ родимой землѣ почивать?..

* * *

(Памяти Павла Осип. Иванова.)

Горемыкой покинутымъ,
Далеко отъ друзей,
Въ краѣ, Богомъ отринутомъ,
Въ мірѣ тьмы и цѣпей,

Подъ снѣгами холодными
Ты лежишь, какъ живой,
Лишь волками голодными
Навѣщаемъ порой..

Въ эту полночь глубокую
Грезишь ты, бѣдный другъ,
Про отчизну далекую,
Про лазурный свой югъ!

---

* * *

О, пасынокъ природы нелюбимый,
Изгнанья край!
Ни голубыхъ озеръ,
Ни темныхъ рощъ: пустынный, нелюдимый,
Грядами горъ стѣсненный кругозоръ.
Спѣша, иду на голую вершину,
Въ надеждѣ тамъ родной сыскать просторъ —
Открытый видъ на мирную долину,
Иль на густой, въ коронѣ снѣжной, боръ.
Забвенья мигъ... И вотъ мечтою смѣлой
Въ больной душѣ роскошный созданъ пиръ:
Не тамъ ли, тамъ, за этой гранью бѣлой,
Лежитъ и онъ, отчизны свѣтлый міръ?
Вотъ верхъ скалы... О, тише, сердце, тише!
Поднялся я — и слезы чуть сдержалъ:
Рядъ новыхъ горъ, еще мрачнѣй и выше,
Къ отчизнѣ путь сурово преграждалъ!..
Спускалась ночь; кричала гдѣ-то птица;
Валился снѣгъ на свѣжій волчій слѣдъ...
Мечтатель, стой! Прочна твоя темница —
На родину пути отсюда нѣтъ!

* * *

Странныя, неясныя, полныя печали,
Подъ луной туманною волны сопокъ встали.
Надъ хребтами снѣжными я лечу мечтою...
Вотъ лощина мрачная съ мрачною тюрьмою.
На тѣни огромные, словно духи ада,
Часовые зоркіе ходятъ вдоль фасада.
Ружья тихо брякаютъ, мѣренъ шагъ унылый...
За стѣной гранитною тишина могилы!

. . . . . .

Въ эти ночи ясныя тихъ ли сонъ вашъ, братья?
Снится-ль мать вамъ, родина, братскія объятья?
Снится-ль, что невидимо, подъ луною бѣлой,
Здѣсь, какъ духъ отверженный, я брожу несмѣло?
Тяжко спятъ колодники... Слышенъ звонъ кандальный,
Чей-то скрежетъ яростный, чей-то вздохъ печальный...
Ноги крѣпко скованы, головы обриты —
Божество поругано, счастья сны убиты!..

Ночь глядитъ, залитая серебромъ морознымъ,
Сопокъ рядъ чернѣется въ отдаленьи грозномъ.

---

* * *

Опять надъ горами поднялся
Холодный серебряный шаръ,
Безстрастный, нѣмой, величавый,
Обвѣянный тайнами чаръ.
Какъ эти гранитныя глыбы
И снѣга алмазный коверъ
Идутъ къ красотѣ его мертвой,
Страшащей и нѣжащей взоръ!
Изъ камня, лазури и снѣга
Волшебное царство зимы...
Но намъ оно, другъ мой, не страшно —
Отъ чаръ заколдованы мы.

На руку мою опираясь,
Ты слышишь, какъ бьется во мнѣ
Надежное братское сердце,
Твое навсегда и вполнѣ?
Смотрю на лицо дорогое —
Улыбка блеститъ мнѣ въ отвѣтъ,
Блистаютъ и звѣзды живыя,
Которыхъ прекраснѣе нѣтъ.

Вонъ, день ужъ горитъ на вершинахъ,
А мѣсяцъ, бродяга ночной,
Одинъ, замечтавшись уныло,
Стоитъ надъ долиной сѣдой.
Очнувшись отъ грезы, въ испугѣ
Онъ смотритъ, какъ тѣни бѣгутъ, —
И вотъ, спотыкаясь, смущенный,
Спѣшитъ въ свой угрюмый пріютъ.

* * *

Какъ странникъ, во̀-время среди пути глухого
Изъ снѣга вырытый заботливой рукой,
Моя душа оттаиваетъ снова
Для счастья и любви былой.
Дивясь еще, гляжу на снѣговыя горы,
Стѣною ставшія кругомъ моей тюрьмы,
Гдѣ столько черныхъ дней безъ дружбы и опоры
Я прозябалъ одинъ, средь холода и тьмы.
Оконченъ злой кошмаръ... Любимая, родная!
Ты на яву со мной? Гранитамъ и снѣгамъ
Вновь не разрознить насъ? Ликуя иль страдая,
Все, все раздѣлимъ мы отнынѣ пополамъ!
Взгляни, мой другъ, взгляни: какъ чудно озарилась
Морозной ночи даль! Какъ мертвая луна
Внезапно расцвѣла, — и, словно, воротилась
Погибшей юности блаженная весна!
Ты слышишь, какъ вокругъ звучитъ призывъ: „Воскресни!“
Какъ сердце у тебя ликуетъ и поетъ,
Какъ у меня въ груди вновь пробудились пѣсни,
Что̀ славили тебя и свѣтлый нашъ восходъ?..

* * *

Въ долины тѣнь съ вершинъ сползаетъ, —
И, точно лань, заслышавъ рогъ,
На западъ дальній убѣгаетъ
Румяный, свѣтлый жизни богъ.
Бѣжитъ... и скрылся за горами!
Но отъ востока злобный врагъ
Ужъ вѣетъ черными крылами...
Кто одолѣетъ — свѣтъ, иль мракъ?

Тотъ трепетъ радостный и бурный,
Какимъ полны сердца людей,
Когда восходитъ день лазурный, —
Порукой намъ, что свѣтъ сильнѣй!

VI.

На родномъ рубежѣ.

(1895—1899.)

На родномъ рубежѣ.

Едва вступилъ я въ свѣжій мракъ долины,
Гдѣ темный боръ въ затишьи полдня спалъ,
Встревожились могучія вершины —
По соснамъ шумъ невнятный пробѣжалъ.
И былъ ли то отчизны зовъ привѣтный,
Укоръ ли въ чемъ, иль только вѣтра стонъ,
Меня восторгъ наполнилъ беззавѣтный,
Далекихъ лѣтъ возсталъ прекрасный сонъ!
И все, чѣмъ грудь въ разлукѣ наболѣла, —
Волна надеждъ, проклятій, жалобъ, слезъ,
Все, что навѣкъ, казалось, догорѣло,
И какъ струна, въ тиши оборвалось, —
Въ нѣмой душѣ все зазвучало снова:
Къ корнямъ стволовъ-гигантовъ я припалъ
И, не таясь отъ полдня голубого,
Сѣдой ихъ мохъ со страстью цѣловалъ.
— „Привѣтъ тебѣ, о лѣсъ широкошумный,
Привѣтъ тебѣ, рубежъ полей родныхъ!
Свершился сонъ несбыточно-безумный:
Отчизна-мать, я вновь у ногъ твоихъ!
„Возьми-жъ меня — всего, со всею кровью,
Всѣмъ пыломъ думъ и волею моей!

Пока дышу, клянусь я пѣть съ любовью
Твою лишь скорбь и скорбь твоихъ друзей!
„Томясь вдали, въ краю чужомъ, угрюмомъ,
Въ любви къ тебѣ мой стихъ я закалялъ...“

И лѣсъ, въ отвѣтъ, съ печально-кроткимъ шумомъ
Мой путь дождемъ колючимъ осыпалъ.

Въ деревнѣ.

Какъ въ сказкѣ, я живу... Чуть утро зарумянитъ
Верхи сосновыхъ рощъ и въ окна солнце взглянетъ,
Меня ужъ будитъ рогъ призывный пастуха.
Поклясться бы я могъ, не побоясь грѣха,
Что въ жизни не слыхалъ такихъ я звуковъ странныхъ —
Изъ дѣтскихъ грёзъ они и сновъ благоуханныхъ!
И долго чудный рогъ не устаетъ звучать.
Но мнѣ, лѣнивцу, глазъ не хочется разжать:
Мнѣ снится, что колдунъ, завидѣвъ станъ враждебный,
Съ угрозою летитъ, трубя въ свой рогъ волшебный...

Мой день еще великъ, и много въ немъ чудесъ.
Вхожу ли въ полдень я въ пышнокудрявый лѣсъ —
Дивитъ меня его торжественная дума,
За мигомъ тишины волна глухого шума.
А подъ вечеръ — какъ свѣжъ березъ ожившихъ листъ!
Какихъ тутъ звуковъ хоръ, веселый трескъ и свистъ!

Протяжно вдалекѣ кукушка прокричала,
Проплакалъ ястребокъ, телѣга простучала...
И вотъ по прѳсѣкѣ, наѣзженнымъ путемъ,
Труситъ себѣ рысцой съ понурымъ мужичкомъ
Нехитрая на видъ, мохнатая кляченка.
Замедленъ ходъ колесъ; кургузая шляпенка
Съ затылка падаетъ въ почтеніи нѣмомъ
(Родной, забытый видъ, онъ кажется мнѣ сномъ!).
Немудрый разговоръ: „Куда, да кто? откуда?“

И самъ себѣ кажусь я чѣмъ-то въ родѣ чуда,
Скиталецъ сумрачный, отверженецъ людской,
Обнявшій вновь порогъ отчизны дорогой,
Готовый вновь мечтать о близкомъ царствѣ свѣта,
Печальной родинѣ слагая гимнъ привѣта...

* * *

Поэтовъ нѣтъ... Не стало свѣтлыхъ пѣсенъ,
Будившихъ міръ, какъ предразсвѣтный звонъ!
Такъ горизонтъ невыносимо-тѣсенъ,
И такъ унылъ тягучій жизни сонъ!
И гражданъ нѣтъ... Потоки благородныхъ,
Красивыхъ словъ, но... лишь безплодныхъ словъ:
Въ ненастный день не больше волнъ холодныхъ
Рокочетъ у скалистыхъ береговъ!

А между тѣмъ — все такъ же небо сине,
Душисты рощи, радужны цвѣты;
Въ пучинахъ звѣздъ, въ толпѣ людской, въ пустынѣ
Все столько же безсмертной красоты.
И такъ же скорбь безмѣрна, скорбь людская...
. . . . . .

* * *

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты!
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
— О, геній поэзіи, гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой прежній, что̀ юность зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью, —
Свободная, смѣлая, честная рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
Ужели навѣкъ ты отъ насъ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный,
И свѣтъ твой не утра предвѣстникомъ былъ,
А ночи тревожно-ненастной?

Нѣтъ, нѣтъ! эти тучи безсилья и сна
Промчатся надъ родиной бѣдной,
И снова придешь ты, какъ жизни весна,
Въ сіяніи власти побѣдной.
И пѣсня, поникшая грустно челомъ,
Какъ птица въ предчувствіи бури,
Очнется внезапно, ударитъ крыломъ —
И гордо взовьется къ лазури!

* * *

Долга, упорна ночь! Угрюмое сомнѣнье
Растетъ въ душѣ моей давно:
Онъ будетъ, красный день, но наше поколѣнье
Его увидѣть не должно!

Такъ старый Моисей, одинъ, вдали отъ стана
И шума воинскихъ тревогъ,
Скорбя, глядѣлъ съ горы въ долину Ханаана,
Войти въ которую не могъ.

Поздняя радость.

(Посвящается Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ.)

Лѣсъ увядаетъ, и падаетъ
Листьевъ шумливый потокъ.
Поздняя радость не радуетъ:
Вотъ, ароматный цвѣтокъ
Выглянулъ... Счастьемъ сіяющій,
Синій смѣется глазокъ...
Грустно гигантъ умирающій
Смотритъ на блѣдный цвѣтокъ!

Поздняя радость не радуетъ —
Тайный лишь будитъ укоръ.
Годы промчались — и падаетъ
Тяжкій тюремный затворъ.
Свѣта потокъ ослѣпительный
Вспыхнулъ на мрачныхъ стѣнахъ,
Воздухъ ворвался живительный...
Узникъ выходитъ, въ слезахъ.

Что̀ ему солнце веселое,
Краски и запахъ цвѣтовъ?

Сброшены цѣпи тяжелыя —
Сбросишь ли тяжесть годовъ?
Скроешь ли волосы бѣлые,
Силу воротишь ли вновь?
Сгибли товарищи смѣлые,
Юность, отвага, любовь!

1898.

* * *

Не въ шумѣ грозъ, не въ красотѣ стыдливой
Румяныхъ зорь мнѣ снится край родной,
Не въ блескѣ дня надъ опаленной нивой, —
Онъ снится мнѣ подъ утреннею мглой.

Густой туманъ клубится надъ полями;
Какъ призракъ, боръ синѣетъ вдалекѣ;
Едва блеститъ за влажными кустами
Отсвѣтъ зари въ извилистой рѣкѣ.

Вотъ сонный пахарь ѣдетъ въ отдаленьи, —
Поникъ Гнѣдко, чуть дребезжитъ соха...
Вотъ каркнулъ грачъ... И мертвое селенье
Рогъ огласилъ тревожный пастуха.

Промчался въ даль работы зовъ бодрящій,
Но солнца ликъ еще въ туманной мглѣ.
И столько грусти кроткой и щемящей
Вездѣ, во всемъ — на небѣ, на землѣ!

Курганъ, январь.

* * *

Волна упала, прошумѣвъ,
Блеснувъ, какъ дивное видѣнье...
Погибло наше поколѣнье —
Любовь угасла, замеръ гнѣвъ!

Но такъ былъ грозенъ этотъ блескъ,
Что полночь дрогнула пугливо...
И до поры иной, счастливой
Дойдетъ волны погибшей плескъ!

И волны новыя придутъ
На берегъ, сумракомъ повитый,
И жизни острые граниты
Усилій ихъ не разобьютъ!

Святая.

Когда, опустивъ малодушныя руки,
Я съ болью въ душѣ помышляю о томъ,
Что жизнь оборвется — и всѣ мои муки
Потонутъ безслѣдно въ забвеньи нѣмомъ, —

Страдалица скромная! Образъ твой чистый
Вдали мнѣ сіяетъ укоромъ живымъ:
Безъ жалобъ идешь ты дорогой тернистой,
Награды не требуя мукамъ своимъ.

— Награды? — Но ты удивиться готова:
За что? Развѣ сердце справлялось съ цѣной?
Безъ сладости жертвы, безъ счастья чужого
Ты вкусъ бы утратила жизни самой,

Той жизни, что учитъ однѣмъ лишь измѣнамъ,
Разсчетамъ корысти и мелкихъ обидъ,
И трауромъ насъ облекаетъ безсмѣннымъ,
И сердце отравою злобы поитъ.

Любя, ты другимъ отдалась — и забыла,
Что такъ же могла бы любимою быть!

О, гдѣ же ты мужество жить находила,
Гдѣ черпала силы, чтобъ грѣть и свѣтить?

Ты свѣтишь — и такъ колебанья постыдны,
Такъ хочется бодрымъ пребыть до конца!
Что̀ властное, гордое зло, если видны
Во мракѣ подобныя звѣзды-сердца?

Незримая міру, стезею суровой
Идешь ты, и долга сознанье — твой щитъ.
Святая! Вѣнокъ твой колючій терновый
Свѣтлѣй діадемы алмазной горитъ!

Памяти Бѣлинскаго.

(Къ 50-лѣтней годовщинѣ смерти.)

Я помню этотъ сонъ прекрасныхъ юныхъ дней,
Я уберегъ его подъ вихремъ непогоды:
Могучій храмъ стоитъ въ родной землѣ моей, —
И ночь, и день горитъ въ немъ жертвенникъ свободы.

Какимъ величіемъ и помысловъ, и дѣлъ
Я надѣлялъ жрецовъ, — тамъ, на горѣ стоящихъ!
Звукъ каждый слова ихъ въ душѣ моей горѣлъ,
Какъ отблескъ ихъ сердецъ, на высотѣ парящихъ.
Мнѣ говорила жизнь: „Не вѣрь! Смотри — твой жрецъ
И силѣ гимнъ поетъ, и злу кадитъ свободно,
А надъ свободою глумится всенародно...
Ему-ль присталъ изъ терніевъ вѣнецъ?“

Не разъ я унывалъ, лица поднять не смѣя!
Но грёза юныхъ дней, съ побѣднымъ торжествомъ,
Вновь пѣла мнѣ:

— „Пускай порой и фарисея
Курится фиміамъ на алтарѣ святомъ,
И волки хищные подъ видомъ агнцевъ бродятъ...
Забвенье — ихъ удѣлъ за жизненной чертой!
Въ святилище сердецъ лишь тѣ, какъ боги, входятъ,
Чьи думы далеки отъ пошлости мірской! —
Они, избранники, съ душой неосквернённой,
Любовь свою чужимъ отдавшіе скорбямъ, —
Чьимъ мукамъ чистымъ и слезамъ
Поклонится потомокъ отдаленный!..“

Пѣсня труда.

(Изъ Бланчарда.)

— Братья, нѣтъ силы терпѣть! Мы устали
Биться за жизнь, эту жизнь нищеты и печали!
Краснаго солнца хотимъ мы, душистыхъ цвѣтовъ, —
Да, это Богу угодно, — мы требуемъ: „Восемь часовъ!“

Всюду, на фабрикахъ, въ докахъ, въ собраньяхъ взывайте народныхъ:
„Восемь часовъ для труда! Восемь для сна! Восемь — свободныхъ!“
Наши волы, что пасутся, покончивши трудъ,
Птицы небесныя, звѣри — счастливѣй живутъ.

О, если такъ... для чего же душа въ насъ живая?
Сдвинемся, братья, сомкнемся! Всюду, отъ края до края!
Если молчать будетъ голосъ нужды и труда,
Камни нѣмые начнутъ вопіять отъ стыда!

Вѣрьте: не темная сила — духъ правды и свѣта
Насъ призываетъ стоять, не страшась передъ Богомъ
ответа.
Тотъ, кому образъ свой вѣчный съ любовью Онъ
могъ даровать, —
Въ прахѣ, какъ червь безсловесный, не долженъ
лежать!

Пусть же звучитъ и въ поляхъ, и въ собраньяхъ
народныхъ:
„Восемь часовъ для труда! Восемь для сна! Во-
семь — свободныхъ!..“

1899.

Сонъ на чужбинѣ.

На чужбинѣ далекой тоскуя вдвоемъ,
Мы, какъ дѣти, однажды тихонько болтали
Въ полумракѣ вечернемъ о горькомъ быломъ
(Нашей старой, но все еще свѣжей печали!)

— „Нѣтъ, тѣхъ дней я забыть не могу никогда,
Никогда не прощу! — ты, блѣднѣя, шептала: —
Ни одна впереди не мерцала звѣзда,
Умъ мѣшался, душа умирала...

„Днемъ и ночью шумѣла рѣка подъ окномъ,
Шевелясь, точно лапы чудовищъ враждебныхъ...
Рѣкъ такихъ мы въ краю не видали родномъ,
Развѣ — въ грезахъ иль сказкахъ волшебныхъ.

„Величавый, холодный, безлюдный просторъ...
Наша лодка, да влажныя черныя бездны,
Да по берегу стѣны отвѣсныя горъ...
О возвратѣ мечты безполезны!

„За утесомъ-гигантомъ вздымался утесъ,
Все безмолвнѣй, угрюмѣй, печальнѣй...
Все на сѣверъ потокъ насъ безжалостный несъ,
Дальше, дальше отъ родины дальней!

„Разъ, я помню, подъ гнетомъ безумной тоски,
Вся пронизана влагой холодной,
Я заснула подъ мѣрные всплески рѣки,
И приснилось мнѣ: вновь я свободна!..

„Я лечу, будто птица... Мелькаютъ вокругъ
Занесенныя снѣгомъ равнины...
Я лечу на желанный сверкающій югъ
Изъ холоднаго мрака чужбины.

„Ближе, ближе родная страна —
Небо блещетъ лазурью и свѣтомъ...
Сердце чуетъ: весна, золотая весна!
Пахнетъ бѣлой акаціи цвѣтомъ.

„Вотъ и Днѣпръ, утопая въ вишневыхъ садахъ,
Засверкалъ бирюзою... Я вся задрожала —
И, на берегъ родимый упавши въ слезахъ,
Долго, жадно его цѣловала!..

. . . . . .

„Я очнулась на мрачной, холодной рѣкѣ —
Волны съ грознымъ нахлынули плескомъ.
Сердце билось въ груди, точно птица въ силкѣ,
Еще полное радостнымъ блескомъ.

„И казалось въ тотъ мигъ: если-бъ родину я
Не во снѣ — на яву увидала,
Я упала-бъ на землю и, слезъ не тая,
Цѣловала ее, цѣловала!“

Милый голосъ во тьмѣ, какъ струна, зазвенѣлъ —
Ты внезапно замолкла угрюмо.
И утѣшить тебя я, мой другъ, не умѣлъ,
Полонъ той же мучительной думой!

Курганъ.

Къ молодости.

Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь желѣзными сѣтями
Заботъ и нуждъ опутала меня,
И блѣднымъ сномъ проходятъ дни за днями
Безъ прежнихъ бурь, безъ прежняго огня;
Съ тѣхъ поръ, какъ, стонъ услышавши страданья,
Ужъ я не рвусь съ отвагою впередъ, —
Томитъ меня тревога ожиданья:
Что̀ юность дастъ? Что̀ завтра принесетъ?

Ты, молодость, подвижница святая,
Себѣ не вьешь уютнаго гнѣзда;
О счастьи всѣхъ болѣя и мечтая,
Беречь свое не хочешь никогда.
Весь міръ — твой храмъ, гдѣ сложены безъ счета
Твои дары... Скажи: въ какихъ краяхъ
Не пролила ты крови или пота?
Гдѣ не лежитъ твой благородный прахъ?

Лишь объ одномъ скорбишь ты ежечасно,
Что жизнь пройдетъ среди тупого сна,
А не въ грозѣ живительно-прекрасной...
— Бокалъ тревогъ испить до дна, до дна,
Какъ бурный валъ, разбиться въ шумномъ бѣгѣ! —

И чѣмъ бы сталъ нашъ скучный міръ скорбей,
Когда-бъ не вы, зеленые побѣги
Поросшихъ мхомъ, грозой разбитыхъ пней?

Къ родной странѣ, къ народной лучшей долѣ
У васъ однихъ живая есть любовь,
Любовь — огонь, который жжетъ до боли,
Любовь — вампиръ, сосущій сердца кровь!
Народу въ даръ, безъ думъ и колебанья,
Свободу, жизнь несете вы, любя,
И впереди не ждете воздаянья...
— О, молодость! я вѣрую въ тебя!

Одинъ твой взглядъ — и громче сердце бьется,
И живы вновь видѣнья прошлыхъ дней:
Изъ смолкшихъ устъ бесѣда дружно льется,
Горитъ огонь потухнувшихъ очей...
Я молодъ вновь... Забылъ, что подъ грозою
Мой челнъ погибъ среди ревущихъ водъ,
И снова радъ безстрашно мчаться къ бою:
— Впередъ, друзья! Товарищи, впередъ! —

Но есть одно, чего не станетъ силы
И у тебя, волшебница, затмить,
Что буду чтить я свято до могилы,
Что, какъ враговъ, насъ можетъ раздѣлить:
Героевъ кровь... тѣ славныя скрижали...
— Вѣрь въ свѣтъ иной, мечомъ инымъ борись,
Но — кто стезей страданья и печали
Шелъ до тебя, — предъ тѣми преклонись!

Апрѣльская пѣсня.

За бѣдою бѣда... На чужой сторонѣ
Даже солнышко свѣтитъ неласково мнѣ!
Люди-ль мимо идутъ, — какъ подъ осень волна,
Ихъ неласковъ привѣтъ, и рука холодна.

Не замѣтилъ въ тоскѣ я, поникнувъ челомъ,
Какъ отъ юга весеннимъ пахнуло тепломъ,
И, апрѣльской веселой лазури пѣвцы,
Подъ окошкомъ моимъ затрещали скворцы.

Дни изгнанья прошли, дни скорбей и тревогъ —
И вернулись они въ свой родной уголокъ:
Суета, хлопотня, безъ конца разговоръ...,
Какъ ихъ пѣсня громка! Трудъ и веселъ, и споръ!

Звуки счастья гремятъ, и дразня, и маня,
Но о счастьи давно пѣсенъ нѣтъ у меня!
Подъ окномъ я стою съ пріунывшей душой:
Не бывать, видно, мнѣ на сторонкѣ родной!

Городокъ.

Вспомнился мнѣ мой родной городокъ:
Церковь убогая, улица сонная,
Утокъ раздолье — зацвѣтшій прудокъ...
Жизнь тамъ катилась, какъ мирный потокъ,
Сѣрая жизнь, монотонная.

Съ ветхими кровлями карлы-дома,
Радуги стеколъ оконныхъ съ заплатами,
Осени долгой тоскливая тьма...
Все тамъ давило меня, какъ тюрьма,
Люди казались врагами заклятыми!

— „Дальше скорѣе! Не нужны вы мнѣ,
Люди смѣшные, дома кособокіе!
Счастье найду я въ чужой сторонѣ...“
Счастье, увы, я нашелъ лишь во снѣ —
Родины грустной картины далекія...

Сколько въ васъ прелести горькой, больной,
Какъ въ васъ нуждается сердце усталое!

Весь я блѣднѣю при мысли одной,
Что городокъ не увижу смѣшной —
Прудъ засоренный, дома обветшалые...

---

* * *

Онъ выстрѣлилъ въ сердце съ разсвѣтомъ дневнымъ,
И грустная новость, какъ громъ, пробѣжала...

Онъ не былъ героемъ — онъ былъ рядовымъ
Въ толпѣ несчастливцевъ. Его угнетала,
Какъ многихъ, тяжелая лямка труда,
Лишеній, недуговъ; онъ несъ молчаливо
Ярмо своей доли года и года.
И если порой монотонно-ворчливо,
Какъ дождикъ въ осеннюю скучную ночь,
Ропталъ, увѣряя съ глухимъ раздраженьемъ,
Что дольше терпѣть ему стало не въ мочь, —
Глядѣли друзья на него съ удивленьемъ.
И думалось каждому: „Это слова!
Терпѣнье людское — для мудрыхъ задача...
Кнуту покоряясь, не день и не два
Еще проползешь ты, смиренная кляча".

Но мудрость ошиблась — и кляча лежитъ:
Упала, раздавлена жизненнымъ гнетомъ!
Принявъ виноватый, растерянный видъ,
Идемъ мы къ своимъ повседневнымъ заботамъ...

И тотъ, кто вчера былъ безсильнымъ рабомъ, —
Какъ сталъ вдругъ могучъ! Непонятная сила
Всѣ мысли, всѣ чувства ему покорила —
И вѣрятъ ему, и тоскуютъ о немъ...

Что жизнь отнимала, то смерть подарила!

* * *

Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ,
Съ грустной улыбкой цвѣты разбирая;
„Счастья“ ты ищешь въ бездушномъ цвѣткѣ...
— Полно! О, полно, моя дорогая!

Сила и радость повержены въ прахъ...
Намъ ли съ тобою мечтамъ предаваться?
Косы твои, точно снѣгъ, серебрятся,
Снѣгъ и въ моихъ ужъ блеститъ волосахъ.

Только надъ сердцемъ, изнывшимъ въ тоскѣ,
Видно, безсильны гроза и ненастье:
Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ —
„Счастья“ въ ней ищешь, не вѣруя въ счастье!..

Тишина.

Вечеръ румяный притихъ, догорая,
Листъ не прошепчетъ въ лѣсной глубинѣ;
Тучекъ перистыхъ гряда золотая
Въ недосягаемой спитъ вышинѣ.

Тихо мелькнула звѣзда, и другая...
Ночь надѣваетъ свой царскій вѣнецъ...
— Мука, великая мука людская!
Стихла ли ты, наконецъ?

* * *

Въ чужбину мнѣ пишутъ друзья: „Не мечтай,
Что родина нѣжно любимая — рай,
Что въ нашей лазури не бродитъ туманъ,
Что сердце у насъ не изныло отъ ранъ!..“

Такъ дружба мою утѣшаетъ печаль.
Но сердце все рвется въ завѣтную даль,
Все вѣритъ — тамъ воздухъ струится иной,
Тамъ люди добрѣе и лучше душой...

Тамъ юность, крылатая юность цвѣтетъ,
О правдѣ мечтаетъ, на жертву идетъ...
И если не видѣть ей краснаго дня, —
Пусть общая чаша отравитъ меня!

* * *

Радость, влюбленная въ солнце и смѣхъ,
Льнетъ къ золоченымъ палатамъ;
Горе людское, въ сторонкѣ отъ всѣхъ,
Съ видомъ стоитъ виноватымъ.

Радость криклива: ей нуженъ исходъ,
Ей въ одиночествѣ тѣсно.
Мышкой пугливою горе шмыгнетъ,
Скроется въ норкѣ безвѣстной.

Въ темныхъ подвалахъ, въ мансардахъ глухихъ,
Міру незримыя, льются
Слезы несчастныхъ, голодныхъ, больныхъ, —
Силы послѣднія рвутся...

Если же къ радости шумной съ мольбой,
Полною трепетной муки,
Горе людское протянетъ порой
Тощія, блѣдныя руки, —

Взглядъ ему злобный она подаритъ,
Оскорблена безгранично:
„Что за навязчивый голосъ и видъ!
Горе должно быть прилично“.

На праздникѣ Пушкина.

Вѣнки, огни, хвалебныхъ гимновъ пѣнье,
Душистый чадъ бряцающихъ кадилъ...
И, вѣчный сонъ прервавши на мгновенье,
Свой чуткій слухъ поэтъ насторожилъ.
Его зовутъ, ему поется слава...

„Но гдѣ же тотъ, чей горестный удѣлъ,
Достоинство и попранное право,
Въ жестокій вѣкъ, въ укоръ я сильнымъ пѣлъ?
Народъ! Народъ! Иль были тщетны годы —
Твой день далекъ, предѣла скорби нѣтъ?
И гдѣ же вы, печальники свободы,
Принявшіе мой факелъ и завѣтъ?
Не слышу васъ: чужіе сердцу звуки...
Враждебный пиръ... О томъ ли я мечталъ,
Когда въ часы душевной горькой муки
Въ туманъ временъ далекихъ прозиралъ?
Иль я забытъ? Иль я отвергнутъ вами?“

И вотъ, сквозь гулъ веселыхъ голосовъ,
Какъ стонъ пловца, задушенный волнами,

Доносится чуть внятный, грустный зовъ:
— Слагать хвалы, когда надъ головою
Губящій мечъ съ угрозою виситъ,
И новый день не радостью живою —
Обидами насъ новыми даритъ?
Сплетать вѣнки, когда нашъ слухъ терзаетъ
Голодный плачъ измученныхъ дѣтей,
И скорби тѣнь, какъ трауръ, покрываетъ
Нѣмой просторъ заброшенныхъ полей?..
Нѣтъ, нѣтъ, поэтъ! На оргіи лукавой
Къ лицу лишь имъ побѣдно ликовать,
Кто надъ живой глумиться можетъ славой,
Чтобъ мертвую цвѣтами убирать!..

Курганъ.

VII.

Возвращеніе.

1900.

Свиданіе [1].

(Посвящается М. П. Орлову.)

I.

Не къ матери родной и не къ сестрѣ любимой,
Въ волненьи радостномъ, я къ первымъ прибѣжалъ —
Туда, гдѣ на дыбы скакунъ неукротимый
Съ желѣзнымъ всадникомъ у края бездны всталъ.

Вдали, въ чужихъ снѣгахъ, въ разлукѣ сиротливой,
Средь мукъ забвенія и боли старыхъ ранъ, —
Какъ первыхъ лѣтъ любовь, — душѣ моей строптивой
Онъ грезился, земли родимой великанъ.

[1] Внѣшняя обстановка памятника Петра В. въ Петербургѣ мѣнялась нѣсколько разъ. Въ годы моей юности, въ концѣ 70-хъ — въ началѣ 80-хъ годовъ, Александровскій садъ замыкалъ его внутри своей ограды, и только въ началѣ 90-хъ годовъ — говорятъ, по желанію и совѣту императора Вильгельма II — часть этого сада была уничтожена, и памятникъ принялъ современный казарменный видъ. Старожилы утверждаютъ, впрочемъ, что такой же видъ имѣлъ онъ и когда-то прежде.

Не тамъ, гдѣ — наглый блескъ и гулъ людскихъ
волненій,
Поодаль отъ дворцовъ и шумныхъ площадей,
Въ укромной зелени акацій и сиреней,
Гдѣ нѣжно смѣхъ звучалъ рѣзвящихся дѣтей,

Стоялъ Онъ въ вышинѣ, объятый вѣщей думой,
Со взоромъ, поднятымъ къ невидимой зарѣ;
Въ чертахъ властительныхъ горѣлъ огонь угрюмый,
Огонь презрѣнія къ довольной мишурѣ!

И между мной и имъ, — песчинкой и скалою, —
Таинственная связь мнѣ чудилась порой...
То былъ ли сонъ? — Не разъ, задумчивой весною,
Когда скитался я надъ царственной рѣкой,

И пышный городъ спалъ въ сіяньи ночи кроткой,
И думы дерзкія рождались въ тишинѣ, —
Я помню, тамъ, въ саду, за темною рѣшеткой,
Ѣздокъ надъ пропастью кивалъ съ улыбкой мнѣ...

II.

Но цѣпь тяжелыхъ лѣтъ, увы, легла не даромъ —
Съ трудомъ я отыскалъ завѣтную скалу.
Какъ будто смерчъ прошелъ, дыша губящимъ жаромъ:
Все опаливъ кругомъ, оставилъ смерть и мглу!

Ни травки бархатной, ни шепчущей березки,
Левкоевъ, хризантемъ исчезъ цвѣтистый лугъ...
Казарма мрачная: булыжникъ сѣрый, жесткій
Пустыней голою раскинулся вокругъ!

И Онъ... Все тутъ же Онъ, надъ роковымъ обрывомъ,
На топящемъ змѣю взбѣсившемся конѣ,
Но — сколько холода въ полетѣ горделивомъ,
Какъ странно и знакомъ, и незнакомъ Онъ мнѣ!

Простерта въ воздухѣ могучая десница,
И, чудится, гремитъ угроза съ высоты:
„Проклятіе тебѣ, моихъ надеждъ гробница,
О, городъ роковой, гдѣ гибнутъ всѣ мечты!

„И ты, потомокъ-червь, мой тихій сонъ могильный
Безумнымъ ропотомъ дерзнувшій возмутить, —
Тебя не знаю я... Ничтожный и безсильный!
Мой гордый замыселъ тебѣ ли завершить?“

III.

— Да... Пусть безсиленъ я! Пускай во мракѣ глухо
Замретъ мой вопль, — какъ рабъ, не сдамся я судьбѣ!
Пигмей я и червякъ, но въ свѣтломъ царствѣ духа,
Средь малыхъ и большихъ, родной я сынъ тебѣ.

— Навстрѣчу пошлости безстыдной и безславной,
Во имя Истины, Добра и красоты,
Ты первый поднялъ бунтъ рукой самодержавной,
И первый ты зажегъ свободныя мечты!

— И живъ онъ, твой завѣтъ бойца и гражданина:
Лишь родину любить, какъ истинную мать,
Безтрепетной рукой себя, родного сына
Въ годину черную на жертву ей отдать!

— И если дѣлъ твоихъ и думъ кипучихъ пламя
На искры малыя распалось въ бурной мглѣ,
Твой духъ живетъ и въ нихъ! Твое несемъ мы знамя,
Разбитые, съ вѣнкомъ терновымъ на челѣ...

. . . . . .
И — чудо! Мѣдный ликъ внезапно прояснился...
На мигъ, вновь расцвѣла душистая весна —
И снова на яву мнѣ сонъ блаженный снился,
И поднимала грудь могучая волна!..

С.-Петербургъ.

Сестрѣ.

„Слезъ не нужно, моя дорогая,
Полно... полно... Я снова съ тобой!“ —
Говорю я, тебя обнимая,
А изъ глазъ льются слезы рѣкой.

„Это — правда, не сонъ лишь блаженный!
Вѣрь, любимая, страхъ твой смѣшонъ...“ —
Въ тайнѣ-жъ сердца страшусь, что мгновенно
Оборвется мой радужный сонъ.

Ночью мучатъ кошмары больные:
Кони черные мчатъ меня прочь...
И, лучи увидавши дневные,
Я не вѣрю, что кончилась ночь.

Грѣясь возлѣ голубки родимой,
Все ловлю свою мысль на одномъ:
„Надо ей, моей доброй, любимой,
Написать поскорѣй обо всемъ...“

На родинѣ.

Я что-то потерялъ — и не могу сыскать...
Чего еще, чего душѣ строптивой надо?
Смѣется глубь небесъ, какъ ласковая мать,
Вся въ блескѣ утонувъ весенняго наряда.
И вижу снова я любимый городъ мой,
Рокочущій, какъ громъ, сверкающій, какъ море,
Ступаю на яву по плитамъ мостовой,
Гдѣ юношей мечталъ о счастьи и просторѣ ..

Чего-жъ такъ грустно мнѣ? Чего безумно жаль?
Иль этотъ смутный гулъ, немолчный гулъ потока,
Гдѣ слиты въ стонъ одинъ и радость, и печаль,
Спугнулъ тѣ сны мои, что снились тамъ, далеко?
Подавленный, бреду... Ни сладкихъ, жгучихъ слезъ,
Ни смѣха радости знакомому, родному...
Какъ это вышло все блѣднѣе, по иному,
Чѣмъ въ сказкѣ золотой моихъ прекрасныхъ грезъ!

И тѣхъ же все дворцовъ блестящихъ вереница,
И тѣхъ же синихъ водъ дразнящій зыбкій свѣтъ,
И сфинксовъ каменныхъ загадочныя лица,

Но сердцу чудится — чего-то больше нѣтъ!
Вотъ юношей толпа... Ихъ лица бодры, ясны,
Но — словно, чуждая межъ насъ черта легла:
Губительный ли вихрь развѣялъ сонъ прекрасный,
Иль молодость моя съ собою унесла?..

Болитъ душа, болитъ! Какъ пойманная птица,
Тревожно мечется и рвется на просторъ...
Туда-ль, туда-ль опять безумная стремится —
Въ пустыни дальнія, за цѣпи льдистыхъ горъ?
Туда, гдѣ что ни шагъ — отвѣсныхъ скалъ граниты,
Гдѣ рѣки — какъ моря, и души — точно ледъ,
Гдѣ лучшіе друзья въ чужихъ снѣгахъ зарыты,
А пѣсни лучшія сгубилъ угрюмый сводъ?..

Туда!.. И мрачно тамъ, и холодно и дико,
О дальней родинѣ томитъ до слезъ мечта,
Но грѣютъ сердце тамъ отрадою великой
И гордый гнѣвъ, и боль обиды и креста.
Страна полночныхъ вьюгъ, моей весны могила, —
Угрюмыхъ сыновей неласковая мать, —
Языкъ клянетъ тебя, а сердце полюбило...
Я что-то потерялъ — и не могу сыскать!

---

* * *

Все выше волны,
Грознѣе шумъ.
Часъ, страха полный
И гордыхъ думъ!

Какъ жадно сердце
Стремится жить,
Все, все увидѣть,
Обнять, вмѣстить!

Какъ сладко думать:
Подобный мигъ
Среди столѣтій
Лишь разъ возникъ!

Но... челнъ твой въ бездну
Летитъ съ горы:
Ты не узнаешь
Конца игры.

Первый дождь.

Грустятъ поля подъ бурыми снѣгами,
Раздѣтый лѣсъ окованъ мрачнымъ сномъ...
Нѣтъ силъ страдать! Какъ узникъ за стѣнами,
Томится міръ въ затишьи ледяномъ!
И ночь сошла, какъ крыша гробовая...
Вдругъ, странный шумъ раздался въ тишинѣ, —
Какъ будто птицъ неслась большая стая,
Огромныхъ птицъ въ незримой вышинѣ.
Сильнѣй, слышнѣй... Съ тревогою тяжелой
Блуждаетъ взоръ по темнымъ небесамъ...
И первый дождь, какъ молодость веселый,
Могучій дождь ударилъ по полямъ!
Какъ онъ хлесталъ! Какъ налеталъ онъ шумно,
За строемъ строй кидая звонкихъ стрѣлъ!
Съ какимъ огнемъ и радостью безумной
Онъ пѣснь борьбы, не уставая, пѣлъ!

. . . . . .

Всю ночь, гремя, стихіи бушевали...
Подъ утро смолкъ нестройныхъ голосовъ
Сердитый споръ; лишь капли лепетали,
Какъ вздохи умирающихъ бойцовъ.

Блеснулъ разсвѣтъ... Гдѣ-жъ бурый снѣгъ? Стыдливо,
Какъ юная невѣста подъ фатой,
Глядитъ земля съ улыбкою счастливой,
И льется трепетъ жизни молодой...

* * *

Мнѣ кажется порой — живу я сотни лѣтъ!
И міръ печальнѣй сталъ, и молодость старѣе:
Ни смѣха дѣтскаго, ни пѣсенъ звучныхъ нѣтъ,
Природа мертвеннѣй и красками блѣднѣе...

Вчера я дѣвушку случайно повстрѣчалъ,
Напомнившую мнѣ прошедшее страданье,
Но... смерти холодомъ прелестный взоръ дышалъ,
Покоемъ пошлости и скукой прозябанья!

Въ плѣну.

Душа моя въ плѣну, — въ плѣну у тяжкихъ думъ,
У дней безъ радости, у ночи безъ разсвѣта!..
Ни мирный сонъ полей, ни улицъ пестрый шумъ
Не будятъ больше въ ней созвучнаго отвѣта.

Рвануться бы, стряхнуть докучный гнетъ цѣпей,
Взмахнуть бы широко орлиными крылами!
Но цѣпи — гдѣ онѣ? Вдоль стѣнъ тюрьмы моей
Не ходитъ часовой съ безсонными глазами.

Куда, куда бѣжать? Пустыненъ кругозоръ,
Зной опалилъ его дыханьемъ черной скуки...
И солнце, какъ сквозь дымъ, бросаетъ мертвый взоръ,
И призрачны, какъ сонъ, и радости, и муки!

Душа моя въ плѣну!.. И грезится вдали
Ей край плѣнительный, волшебный край свободы,
Гдѣ шумный жизни пиръ, цвѣтущій пиръ земли,
Кипитъ, какъ вешнія сверкающія воды...

— Далекой юности блаженные края!
Какъ все тамъ солнечнымъ залито свѣтомъ было,
Какъ сердце вѣрило и пламенно любило
Весну, людей и жизнь...
Въ плѣну душа моя!

* * *

Помнишь ли, другъ мой, дорогу глухую, пустынную
Въ чуждомъ краю, подъ покровомъ сыпучихъ снѣговъ?
Сани съ больными ползли вереницею длинною,
Пѣшіе — слухъ раздирали бряцаньемъ оковъ.

Въ рыхломъ снѣгу увязая ногами усталыми,
Вся раскраснѣвшись подъ свѣжимъ дыханьемъ полей,
Шла молчаливо и ты, — и живыми опалами
Слезы, застывъ, на рѣсницѣ блистали твоей.

Выбились косы, чернѣя, какъ змѣи огромныя...
Цѣпи влача, я едва поспѣвалъ за тобой...
Въ даль мы безвѣстную шли, и отчаянье темное,
Злое, холодное, грудь обвивало змѣей.

Врагъ безпощаденъ!.. Мгновеніемъ сна лучезарнаго,
Сказкой волшебной свиданья часы пролетятъ:
Въ дальнемъ, безлюдномъ краю, тамъ, у моря полярнаго,
Гробъ тебѣ ранній готовъ, не вернусь я назадъ!

Но — воротились мы... Жизни суроваго молота
Вынесли тяжесть: на диво силенъ человѣкъ!
Только... душа моя, словно, на части расколота,
Только... твоя голова побѣлѣла, какъ снѣгъ!

* * *

Нѣтъ, легче жить въ тюрьмѣ, рабомъ,
Чѣмъ быть свободнымъ человѣкомъ
И упираться въ стѣну лбомъ,
Не смѣя спорить съ рабскимъ вѣкомъ!

* * *

Въ искусствѣ рифмъ уловокъ тьма,
Но тайна тайнъ, повѣрь, не въ этомъ:
Отъ сердца пой — не отъ ума,
Безумцемъ будь, но будь поэтомъ!

„На славномъ посту".

(Н. К. Михайловскому.)

Не въ эти сумрачные годы
Ты дорогъ мнѣ и близокъ сталъ:
Какъ свѣточъ правды и свободы,
Ты въ дни весны моей сіялъ.

Я помню съ мига пробужденья
Твой голосъ честный и живой...
Красѣ и цвѣту поколѣнья
Ты лозунгъ бросилъ боевой!

Когда заслышу сквозь туманы
Я и теперь твой бодрый зовъ, —
Смѣлѣй гляжу, забывши раны,
Во мракъ нависшихъ облаковъ.

1901.

* * *

(Посвящ. М. П. Шебалину.)

Страданія чашу испивши до дна,
Ты къ жизни вернулся изъ страшнаго гроба:
Развѣяны чары проклятаго сна,
Смирилась бездушная злоба!
Не сразу нашелъ я привѣта слова —
Перо отъ волненья изъ рукъ выпадало...
...„Все глухо, товарищъ; мерцаетъ едва
Далекій маякъ идеала.
Что братья, друзья? — Ахъ, блаженны стократъ
Погибшіе въ цвѣтѣ надеждъ и стремленій!
Не счесть мнѣ обидныхъ и горькихъ утратъ,
Ошибокъ трусливыхъ, паденій..."
И все описать я спѣшилъ безъ прикрасъ,
Что было за черные дни пережито, —
И чувство обиды и гнѣва не разъ
Въ груди клокотало сердито...

Дрожащей рукою печать я срывалъ
Съ письма дорогого изъ дальняго края.
Меня утѣшая, товарищъ писалъ,
Съ печалью шутливость мѣшая:
„Спасибо за вѣсти про старыхъ друзей!
Укрывшихся въ гавань отъ злого ненастья
Оставимъ... Пусть радость вкушаютъ! Сильнѣй
Печалятъ меня ихъ несчастья".

И образъ знакомый мелькнулъ изъ-за строкъ...
Я долго сидѣлъ, молчаливый, смущенный:
Какъ нѣжности столько ты въ сердцѣ сберегъ,
Боецъ, подъ грозой непреклонный?

Майская пѣсня.

Липы качались вчера обнаженныя, —
Сколько сегодня зеленыхъ кудрей!
Въ воздухѣ крики стоятъ отдаленные
Первыхъ крылатыхъ гостей.

Что это? Грома раскаты веселые...
Радостно дрогнулъ проснувшійся садъ!
Словно упали затворы тяжелые
Съ двери въ глухой казематъ.

Чудо, воочію чудо свершается:
Ожило мертвое сердце въ груди,
Снова куда-то летѣть порывается...
Крылья растутъ позади!

День весь, съ утра, я охваченъ тревогою:
Дверь широко растворю на балконъ —
Жадно слѣжу за пустынной дорогою,
Слышу таинственный звонъ.

Кто тамъ? Не ты-ль это, юность блаженная,
Съ гордой улыбкой летишь въ вышинѣ?
— О, воротись хоть на мигъ, незабвенная,
Съ вѣстью надежды ко мнѣ!

* *
*

Не знаете, когда придетъ хозяинъ дома — вечеромъ, или въ полночь или въ пѣніе пѣтуховъ.

Маркъ, XIII, 35.

Бываютъ годы мрачнаго безсилья:
Лишь рѣдкій стонъ разбудитъ тишину,
И молодость влачитъ уныло крылья,
Какъ соколъ раненый — въ плѣну.
И кажется — конца не будетъ ночи,
Въ пустынной мглѣ затерянъ къ солнцу слѣдъ...
Сѣдой мудрецъ потупилъ скорбно очи,
И ты безмолвствуешь, поэтъ!

Но жизни свѣтъ, — живая мысль — свободна!
Когда грознѣй сомкнется злая тѣнь,
И будетъ скорбь людская безысходна, —
Онъ возсіяетъ, красный день.
Придетъ онъ вдругъ, негаданный, нежданный:
Раздвинется угрюмый, тѣсный сводъ,
Пѣснь зазвучитъ — и гостьею желанной
На праздникъ жизни молодость войдетъ!

Октябрь.

* * *

Средь мукъ и стенаній на свѣтъ
Живая душа прилетаетъ;
Въ грозѣ испытаній поэтъ
Даръ пѣсенъ живыхъ обрѣтаетъ, —
Тѣхъ пѣсенъ, что ледъ разбиваютъ
[сердецъ...
Страданье — искусный, умѣлый
[кузнецъ!

Подъ небомъ холоднымъ, чужимъ,
Во мракѣ бездомныхъ скитаній,
Въ разлукѣ со всѣмъ дорогимъ,
Въ крушеніи всѣхъ упованій, —
Въ дни черные бѣдъ познается
[боецъ:
Изгнанье — искусный, умѣлый
[кузнецъ!

Но славы достоинъ лишь тотъ,
Кто, гордый своей правотою,

На вѣрную гибель идетъ
Съ спокойной и ясной душою.
Прекраценъ и проченъ героя
[вѣнецъ:
Ты, смерть, — для безсмертья кующій
[кузнецъ!

1902.

Новая весна.

Съ цвѣтущихъ береговъ залитыхъ солнцемъ странъ,—
Соскучась по землѣ родимой, —
Несется вновь гостей веселыхъ караванъ
На сѣверъ грустный, но любимый.
Вблизи лѣсныхъ озеръ опять и звонъ, и гамъ!
И, прерывая сонъ глубокій,
Дивится мертвый лѣсъ: по старческимъ корнямъ
Текутъ живительные соки...
Обласканы тепломъ полуденныхъ лучей,
Глядятъ былинки изъ-подъ снѣга...
Все новой жизни ждетъ, — приволья ясныхъ дней,
Веселыхъ, шумныхъ бурь набѣга!

Тяжелъ и дологъ былъ природы мрачный сонъ:
Казалось, сномъ онъ смерти будетъ,
Казалось, дряхлый міръ ни новой жертвы стонъ,
Ни громъ побѣды не разбудитъ.
Надъ степью голою лишь воронъ каркалъ злой,
Да мерзлый листъ шуршалъ уныло:

„И я когда-то жилъ... давно-давно, весной...
Всесильна смерть! Крѣпка могила!“

И первый вольный звукъ стряхнулъ унынья гнетъ!
Мелькнулъ цвѣтокъ на таломъ снѣгѣ...
Кричатъ ватаги птицъ, гремятъ потоки водъ,
Поютъ зеленые побѣги...
И мой усталый духъ поетъ веснѣ привѣтъ, —
Забыты дни тоски мертвящей:
— Жизнь новая, цвѣти! И пусть не меркнетъ свѣтъ
Твоей звѣзды путеводящей!

* * *

Дитя! ты вѣришь въ близкій рай?
Еще порывъ свирѣпой бури —
И въ блескѣ солнца и лазури,
Въ цвѣтахъ, сойдетъ къ намъ вѣчный май.
Конецъ угрозамъ темнымъ ада,
Забвенье мукамъ и слезамъ, —
И велика бойцовъ награда,
И сладокъ ранамъ ихъ бальзамъ...

Дитя, дитя! Въ дали безбрежной —
Эдема свѣтлаго маякъ...
Еще не разъ подъ вьюгой снѣжной
Пловцовъ зальетъ холодный мракъ!
Не разъ промчится грозный шквалъ
Вражды, насилья, скорби, страха,
Какихъ, быть можетъ, міръ не зналъ,
И обагрятся мечъ и плаха!
Я вижу рядъ великихъ бѣдъ,
Позоръ и ужасъ пораженій...

Но вновь и вновь вернется Геній
Любви и правды: „Радость! Свѣтъ!“...

И, возвышаясь надъ костями
Борцовъ погибшихъ, каждый разъ
Бѣднѣй все будетъ міръ цѣпями,
Все ближе возрожденья часъ.

На старомъ пепелищѣ.

I.

Дулъ вѣтеръ съ утра... Какъ свинцомъ налитá,
Сердито вздувалась рѣка за кормою;
Еще разъ провѣдать хотѣлъ я мѣста,
Любимыя нѣкогда мною.

Вдоль стройныхъ, одѣтыхъ въ гранитъ, береговъ
Я плылъ съ затуманеннымъ сердцемъ и взоромъ;
И тускло свѣтилась фаланга дворцовъ
За воднымъ широкимъ просторомъ.

Застыли гиганты въ таинственномъ снѣ
Среди величавой, угрюмой пустыни...
Вонъ, сѣрой змѣею въ другой сторонѣ
Стѣна притаилась твердыни.

И долго туда я, и жадно глядѣлъ
На мрачный застѣнокъ свободы родимой,
Гдѣ рано весны моей цвѣтъ облетѣлъ...
— Вы, стѣны проклятыя, мимо!

Лѣниво тянулся зловѣщій гранитъ,
И слезы въ груди закипали невольно:

Отъ старыхъ страданій и старыхъ обидъ
Такъ было и сладко, и больно!

Чу, свистъ... Пароходъ меня дальше понесъ.
Угрюмые своды изъ камня и стали,
Съ рокочущимъ гуломъ копытъ и колесъ,
Не разъ надо мной пролетали,

И грозно въ пролетахъ шипѣла волна.
Исакія шлемъ замелькалъ золоченый...
Вотъ, узкая красная лента видна
Средь липовой рощи зеленой.

И дрогнуло сердце опять! — Я узналъ:
Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ незабвенныхъ, когда-то
Я воздухъ познанья такъ жадно вдыхалъ,
Такъ въ Истину вѣровалъ свято.

Но съ гордыхъ, заоблачно-льдистыхъ высотъ
Она, какъ царица, на землю глядѣла;
До боли вседневныхъ скорбей и заботъ
Владычицѣ не было дѣла.

А мы... Мы отчизну любили, какъ мать,
Всѣмъ пыломъ сердецъ беззавѣтно-влюбленныхъ,
За братьевъ всю душу хотѣли отдать,
За братьевъ, судьбой обойденныхъ!

И душенъ намъ сталъ величавый чертогъ...
. . . . . .

Но вотъ ужъ и сфинксы.. Пришельцы изъ Ѳивъ
Загадочнымъ взоромъ глядятъ другъ на друга:
Все снится имъ желтаго Нила разливъ
Подъ солнцемъ сверкающимъ юга.

Въ чужбинѣ холодной ужъ семьдесятъ зимъ
Вкругъ нихъ отшумѣло — все длится изгнанье...
Печальные сфинксы! Я боленъ другимъ,
Но ваше цѣню я страданье.

Мы старые съ вами знакомцы... Не разъ
Ввѣрялъ я вамъ тайну святого обѣта, —
И долго бродилъ здѣсь, и спрашивалъ васъ
О часѣ, минутѣ разсвѣта.

Теперь, послѣ многихъ мучительныхъ лѣтъ,
Я знаю — конца не дождусь ужъ ненастья:
Лишь въ бурѣ кровавыхъ страданій и бѣдъ
Дается народамъ ихъ счастье...

. . . . . .

Свинцовое небо грозило дождемъ.
Мнѣ горькое въ душу сомнѣнье закралось:
Здѣсь камни повсюду твердятъ о быломъ,
Но люди... Что въ людяхъ осталось?

II.

Въ огромной столицѣ одинъ уголокъ
Я вспомнилъ, — душѣ дорогой и завѣтный.
Безшумно катился тамъ жизни потокъ;
Тѣснился въ нуждѣ безпросвѣтной

Рабочій народъ... Тамъ и мы, молодежь,
Ютились по скромнымъ мансардамъ и кельямъ,
Враждою встрѣчая лишь трусость и ложь,
А муки лишеній — весельемъ.

Въ средину бесѣды тамъ блѣдный разсвѣтъ
Врывался нерѣдко холодной волною;
Тамъ зрѣли герои, дивившіе свѣтъ
Душевной своей красотою..

Все сразу узналъ я, — ту улицу, домъ,
Гдѣ, помню, до свѣта окошко мелькало,
Какъ звѣздочкой ясной, маня огонькомъ
Въ укромный пріютъ идеала.

Но каменный выросъ гигантъ впереди —
Исчезло окно за стѣною огромной...
Съ безумно забившимся сердцемъ въ груди
Взбѣгаю по лѣстницѣ темной...

Минута — и юность вернется назадъ:
Войду я — привѣтливо солнце засвѣтитъ,
Съ серебрянымъ смѣхомъ, съ косою до пятъ,
Меня моя милая встрѣтитъ!..

. . . . . .

Я долго звонилъ... Въ нетерпѣньи рванулъ
Завѣтную дверь — и во тьмѣ коридора
Одинъ очутился... Несдержанный гулъ
Услышалъ я жаркаго спора.

Звенѣла толпа молодыхъ голосовъ,
Обрывки рѣчей до меня долетали...
Спадала завѣса — изъ мрака годовъ
Знакомыя тѣни вставали...

Дверь скрипнула — выглянулъ стройный брюнетъ:
Глаза удивленно и строго глядѣли...
Мелькнула головка кудрявая вслѣдъ,
Съ глазами пугливой газели.

Еще и еще, точно въ полѣ цвѣты...
Въ смущеньи стоялъ я, слова подбирая,
А въ сердцѣ побѣдныя пѣли мечты:
Да здравствуетъ жизнь молодая!..

Памяти Глѣба Ивановича Успенскаго.

Съ горькой думой въ очахъ
И тоской на челѣ,
Тѣнью свѣтлою онъ
Промелькнулъ на землѣ.

Будто горечь и боль
Всѣхъ мученій людскихъ
Въ чуткомъ сердцѣ собравъ,
Онъ твердилъ намъ о нихъ

Отъ улыбки его,
Полной скорбной вины,
Улетали, какъ дымъ,
Счастья мирные сны.

Звалъ онъ къ жертвѣ, къ любви,
Весь любовью дыша...
Онъ горѣлъ, какъ маякъ,
И... сгорѣла душа!

Не забудешь его
Ты, родная страна!

Задрожавшая разъ,
Все рыдаетъ струна, —

О великой винѣ
Съ гнѣвомъ, скорбью поетъ
И на подвигъ святой
Неустанно зоветъ.

1903.

* * *

Ни о чемъ не жалѣю я въ прошломъ друзья,
Ни одной бы черты въ немъ не вычеркнулъ я...

Боль и слезы его — звучной пѣсни слова:
Слово выкинешь вонъ — и вся пѣсня мертва!

Тамъ, за каждой слезой, въ каждомъ сумрачномъ днѣ
Солнца яркаго лучъ вспоминается мнѣ:

Это солнце я въ сердцѣ горячемъ носилъ—
Я одними страданьями съ родиной жилъ!

Жизнь мелькнула волшебнымъ, сверкающимъ сномъ...
Ни о чемъ не жалѣю, друзья, ни о чемъ!

* * *

Я жду, упорно жду...
Мнѣ душу истерзала
До ранъ кровавыхъ жизнь, — живого мѣста нѣтъ...
Но все я жизнь люблю, все вѣрю, какъ бывало:
Онъ близокъ, онъ идетъ, спасительный разсвѣтъ!

И лишь порою страхъ волнуетъ малодушный:
Не станетъ силъ страдать, бороться и терпѣть,
Меня раздавитъ сводъ моей темницы душной—
Я не дождусь зари...
Взглянуть — и умереть!

Ледоходъ.

Берегъ пустынный опять пробужденъ —
Свистъ, гоготанье веселое, стонъ...
Ледъ на рѣкѣ посинѣлый лежитъ,
Вздулся сердито и гулко трещитъ.
Холодно, жутко...
Но радостно-дикъ
Въ небѣ высокомъ несущійся крикъ.
„Скоро, ужъ скоро!“ — поютъ журавли,
— Скоро! — холмы отвѣчаютъ вдали.
Сердце безумной тревоги полно,
— Скоро! — восторженно вторитъ оно:
Порваны путы тяжелаго сна —
Это шумитъ молодая Весна!..

Сумерки. Вѣтеръ подулъ верховой.
Ледъ шевелится внизу, какъ живой...
Странныя думы родятся въ умѣ:
Грозное что-то куется во тьмѣ!..

* * *

Дни скорби и стыда... Сжимаютъ горло слезы, —
Мнѣ стыдно за тебя, возлюбленный народъ!
Такъ скоро отцвѣли мечтаній яркихъ розы,
Такъ онъ далекъ опять, спасительный исходъ!
И съ болью вижу я, что надъ твоей душою
Еще простерта ночь, витаютъ злые сны,
И ты не видишь ихъ, — укрытыхъ темнотою, —
Всесильныхъ хищниковъ родимой стороны!
На нихъ поднялся-бъ ты могучей бурей мщенья,
Изъ жалкаго раба бойцомъ свободнымъ сталъ...
Но ты на слабаго напалъ безъ сожалѣнья,
Ты у несчастнаго младенцевъ растерзалъ!
Позора скорби дни...

Послѣ Кишинева.

* * *

Ты говоришь, что жизнь пустынна и мертва,
Что молодость твоя, какъ нива въ зной, томится, —
И некого любить, и некуда стремиться,
И сила вянетъ, какъ трава?..

Братъ! Или высохъ слѣдъ людскихъ кровавыхъ слезъ?
Огромный міръ кругомъ не напоёнъ страданьемъ?
Лишь мертвый не кипитъ живымъ негодованьемъ,
Не шепчетъ пламенныхъ угрозъ!

И стоны, и мольбы летятъ со всѣхъ сторонъ:
„Пора! Намъ тяжко здѣсь... Дышать не стало силы...
Такъ тѣсенъ сводъ безжалостной могилы...
На помощь, братъ! Прерви свой сонъ!“

Ты слышишь? Ты спѣшишь? Унынья больше нѣтъ!
Вся грудь твоя дрожитъ отъ слезъ блаженно-ясныхъ,
Отъ счастья—жизнь отдать за слабыхъ и несчастныхъ,
За страстно, долго жданный свѣтъ!

Отецъ.

(Изъ Розенфельда.)

Одинъ, какъ въ небѣ солнышко,
Сыночекъ у меня.
Со мной онъ — въ бѣдной комнаткѣ
Властитель міра я!

Но рѣдко, рѣдко вижу я
Малютку моего:
Ночь стережетъ ужъ темная
Глубокій сонъ его,

Когда вернусь усталый я
Въ свой бѣдный уголокъ;
А чуть заря забрежжила —
Опять завылъ гудокъ!

Откроетъ дверь мнѣ вечеромъ
Печальная жена —
Тотчасъ о нашемъ мальчикѣ
Начнетъ разсказъ она.

Какъ онъ рѣзвится весело,
Лепечетъ день-деньской:

„Когда же добрый папочка
Придетъ играть со мной?“

Я, съ дрожью въ сердцѣ, слушаю...
— Да, да! Ты правъ, сынокъ!
Отца увидѣть долженъ ты...
Иду, иду, дружокъ!—

Въ постелькѣ разметался онъ...
Тревожныхъ сновъ толпа
Плыветъ надъ нимъ, и шепчетъ онъ:
„Гдѣ па̀, гдѣ милый па̀?“

Его цѣлую въ глазки я...
И вотъ, глядятъ они,
Двѣ ясныхъ незабудочки...
— Дитя, я тутъ... Взгляни!—

Но снова поплыла надъ нимъ
Туманныхъ сновъ толпа...
Лишь губки смѣхомъ дрогнули:
„О, гдѣ же, гдѣ же па̀?“

Стою больной, разбитый я,
Безсильный рабъ труда...
— Мой мальчикъ, скоро, скоро мы
Простимся навсегда!..

Мать.

Надъ больнымъ ребенкомъ,
Крошкой беззащитнымъ,
Ты всѣ дни и ночи
Сторожишь безсонно.

Огненная птица
Съ чернымъ хищнымъ клювомъ
Надъ малюткой рѣетъ
Все быстрѣй, все ближе.

И горитъ, и сохнетъ
Маленькое тѣльце,
Вянутъ розы щечекъ,
Отлетаютъ силы...

— Отойди, исчезни,
Грозное видѣнье!
Тамъ, въ огромномъ мірѣ,
Мало-ль злыхъ, отжившихъ?

Мой сыночекъ — птенчикъ,
Не видавшій свѣта,

Мой сыночекъ — зорьки
Утренней яснѣе.

Можетъ быть, съ годами,
Возмужавшей мыслью,
Какъ орелъ могучій,
Онъ взовьется къ солнцу!

Можетъ быть, надежда
Въ немъ отчизны бѣдной:
Ей въ борьбѣ великой
Онъ добудетъ долю! —

Огненная птица
Рѣетъ ниже, ниже...
Богу силъ и правды
Шепчешь ты молитвы...

В. Г. Короленко.

(Читано на юбилейномъ банкетѣ 14 ноября.)

Въ пустыню, гдѣ шепчется вьюга съ тайгою,
Гдѣ блѣдное солнце не радуетъ глазъ,
Былъ брошенъ когда-то жестокой рукою
Безцѣнный, прекрасный алмазъ;
Рожденный для счастья, свободы и свѣта
Цвѣтокъ, не успѣвшій въ отчизнѣ расцвѣсть,—
Живое, горячее сердца поэта,
Влюбленнаго въ правду и честь...

Все въ мірѣ проходитъ... И дни испытанья
Промчались — отчизну поэтъ увидалъ.
Ему не грозитъ уже холодъ изгнанья—
Онъ славою родины сталъ!
Изъ мрачнаго края суровыхъ мятелей,
Изъ юртъ неприглядныхъ, изъ тундры скупой
Принесъ онъ гирлянды живыхъ иммортелей—
Чарующихъ образовъ рой.

Какъ сердце онъ намъ охлажденное грѣетъ,
Въ тьму жизни льетъ ласковый свѣтъ!

А тамъ... злая пурга попрежнему вѣетъ,—
И сколькимъ возврата ужъ нѣтъ!..

„Тукъ-тукъ!.."

Онъ вернулся, мой старый, проклятый кошмаръ:
Загремѣла тяжелая дверь —
И опять я одинъ въ ненавистныхъ стѣнахъ,
Какъ въ ловушку захлопнутый звѣрь!
Все, какъ прежде: съ тройною рѣшеткой окно
И со сводомъ глухимъ потолокъ...
Тускло свѣтитъ ночникъ; въ тишинѣ гробовой
Громко кровь ударяетъ въ високъ.
Словно кто-то настойчивый злобно твердитъ:
„Нѣтъ возврата! Надеждамъ конецъ!
Молчаливою бездной навѣкъ отдѣленъ
Ты отъ міра живыхъ, ты — мертвецъ".

Вдругъ я вздрогнулъ... Прислушаться жадно спѣшу:
Чу! невнятный, таинственный звукъ..
Будто кто-то въ стѣнѣ молоточкомъ стучитъ:
„Кто ты? Кто ты, товарищъ? Тукъ-тукъ!"
И къ холодному камню, дрожа, я приникъ.
„...Братъ! ужъ близокъ послѣдній мой часъ:
Врагъ жестокій, не зная пощады, терзалъ —
Я разбитъ, но я честь мою спасъ.

Если родину ты повидаешь опять —
Ей снеси мой прощальный привѣтъ,
Братьямъ милымъ скажи“...
Молоточекъ замолкъ...
Что съ тобой, мой печальный сосѣдъ?
Вотъ съ угрозой, въ дверяхъ злобно щелкнулъ „глазокъ“ —
И вскочилъ я, какъ раненый звѣрь...
. . . . . .
— Нѣтъ, не сдамся, не сдамся я вамъ, палачи!
Вы могли мое тѣло сковать,
Но свободную душу безсильны убить.
Не хочу я, не буду молчать!.. —

Что-то грудь мнѣ сдавило желѣзнымъ кольцомъ...
— Ахъ!.. — и сбросилъ я тягостный гнетъ.
То былъ сонъ!..
Но отъ боли я вновь застоналъ:
На яву тотъ же ужасъ гнететъ!
Безъ рѣшетокъ тюрьма и безъ каменныхъ стѣнъ,
А безмолвіе то же вокругъ...
Лишь, порой, заглушенный призывъ долетитъ:
„Братъ, ты слышишь? Откликнись! Тукъ-тукъ!“

Senilia.

1.

И звѣзды погаснутъ, и сгинетъ нашъ родъ!
Лишь мертвое — вѣчно, живое — пройдетъ.

Но юныя жизни изъ темныхъ могилъ
Возникнутъ въ сіяньи нетронутыхъ силъ.

Такъ травы душисты, такъ ярки цвѣты
На старыхъ кладбищахъ, гдѣ никнутъ кресты...

Чтобъ новому колосу жизни созрѣть,
Мы, старыя зерна, должны умереть.

2.

Ее мы ждемъ изъ мрака ночи,
Изъ-за угла, какъ вора, ждемъ, —
Она ударитъ прямо въ очи,
Средь блеска дня, сильна, какъ громъ!

Какъ свиста бури листъ осенній,
Ее мы въ страхѣ, въ скорби ждемъ, —
Она впорхнетъ неслышнѣй тѣни,
Приникнетъ лучезарнымъ сномъ!

16 іюля.

У сфинксовъ.

Вотъ они... Дремлютъ, какъ встарь, надъ Невою...
Городъ вечерней окутался мглою,
Цѣпью бѣгутъ золотой огоньки,
Слышатся мощные всплески рѣки.

Въ маленькой шапочкѣ, въ кофточкѣ тонкой,
Дѣвушка, съ обликомъ нѣжнымъ ребенка,
Въ полосу свѣта безшумно вошла;
Юноша рядомъ — со взоромъ орла.

Въ тѣнь я укрылся за темнымъ гранитомъ.
Влажнаго вѣтра порывомъ сердитымъ
Нѣсколько словъ до меня донесло.
Онъ говорилъ, улыбаясь свѣтло:

„Нѣтъ, безкорыстныя жертвы не тщетны!
Это сгущается мракъ предразсвѣтный,
Грозный девятый вздымается валъ, —
Часъ избавленья желанный насталъ!..“

Дальше прошли — и въ туманѣ пропали.
Смѣлые-жъ звуки все, будто, дрожали,

Сфинксовъ будя очарованный сонъ,
Въ сердцѣ моемъ отзываясь, какъ стонъ.

Вспыхнуло что-то во мракѣ душевномъ,
Бурно прошло дуновеніемъ гнѣвнымъ...
Словно впередъ я сумѣлъ заглянуть —
Въ темную ночь, на грядущій ихъ путь.

Въ чуждыхъ, пустынныхъ снѣгахъ утопая,
Стелется онъ безъ конца и безъ края...
Что̀ тамъ, вдали, такъ уныло звенитъ?
Что такъ душа безутѣшно болитъ?

Въ мертвомъ краю, въ безотрадной разлукѣ,
Годы потянутся, полные муки,
Полные злобы, безсильныхъ угрозъ,
Гибели всѣхъ упованій и грезъ...

Холодно. Вѣтеръ сильнѣе... Сердито
Плещутся волны о глыбы гранита.
Газъ въ фонаряхъ задрожалъ, зашипѣлъ...
— Сфинксы, откройте: гдѣ скорби предѣлъ?

1904.

У гроба Н. К. Михайловскаго.

Съ спокойно-мраморнымъ челомъ,
Какъ-будто задремавъ случайно,
Лежитъ онъ, полонъ думы тайной
О чемъ-то важномъ и большомъ.
И вотъ, возноситъ хоръ безстрастный
О немъ послѣднюю мольбу...
Не сонъ ли снится, сонъ ужасный,
Что, мертвый, онъ лежитъ въ гробу?
Онъ — мертвъ?! Всю жизнь будившій къ жизни!
Сквозь грохотъ бури, ночи мракъ
Свѣтившій горестной отчизнѣ,
Какъ призывающій маякъ!
Не можетъ быть! Мы здѣсь — ошибкой...
Вотъ онъ услышитъ нашъ призывъ
И встанетъ съ ясною улыбкой:
— О чемъ вы плачете?.. Я — живъ! —

* * *

Нѣтъ! не дойдетъ къ тебѣ стозвучной жизни шумъ,
Ужъ не увидишь ты луча зари желанной:
Ты взоромъ лишь орла, съ вершины гордыхъ думъ,
Провидѣлъ край обѣтованный...

Но подвигъ твой живетъ. Учитель дорогой,
Спи безмятежнымъ сномъ, людскихъ угрозъ не зная!
Въ далекой памяти страны твоей родной
Ты будешь жить, не умирая!

Спб., 29 января.

* * *

День безъ яснаго солнца, безъ мѣсяца ночь, —
Будто тѣни, уносятся прочь!
И въ толпѣ, и одинъ, я всегда одинокъ:
Я — какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ.

Опаленный грозой, тихъ и сумраченъ садъ —
Только пни сиротливо торчатъ.
Не ласкаетъ его мягкій солнечный лучъ,
Не поитъ сладко шепчущій ключъ...

И въ зеленомъ шатрѣ ужъ пѣвецъ не гоститъ:
Пѣсни спѣла душа — и молчитъ!
Дальше, дальше бѣжитъ шумный жизни потокъ...
Я — какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ!

* *
*

Богъ благости щедрой, Богъ правды великой!
Мечъ силы въ десницѣ-ль Твоей?
Считалъ ли Ты слезы, кровавыя слезы
Смиренной отчизны моей?

Что-жъ медлишь сойти Ты съ грозою и гнѣвомъ
Изъ вѣчныхъ чертоговъ своихъ?
Даровъ ли свободной и радостной доли
Она недостойнѣй другихъ?

Иль мало она безотвѣтно страдала,
Томилась, какъ въ кельѣ глухой?
О цѣпи все тѣло свое истерзала,
Ослѣпла отъ тьмы вѣковой!

Не хватитъ ужъ скоро отваги орлиной,
Могучія крылья въ крови. .
Пощады!.. Пощады!.. Дай лучъ хоть единый,
Дай каплю живую любви!

* * *

Мнѣ чудится кругомъ какой-то шорохъ странный,
Тревожно-радостный, какъ вѣянье весны:
Такъ узникъ сторожитъ свиданья часъ желанный,
Проснувшись до зари, средь чуткой тишины...
Я жду, кого-то жду со страхомъ и любовью,
Кого-то, чья рука чудесное свершитъ,
Кто образумитъ насъ, залитыхъ братской кровью,
Залѣчитъ раны всѣ и скорби облегчитъ.
„Пора! — я слышу стонъ въ безмолвьи тяжкомъ ночи: —
Довольно злыхъ угрозъ! Раскройся, міръ — тюрьма!"
Во мракъ вперяю я расширенныя очи:
Вотъ дрогнетъ, наконецъ, испуганная тьма!
Мигъ — и разсвѣтъ блеснетъ, и защебечутъ птицы,
И развернется даль, заманчиво-пестра...

И крылья распахнетъ проснувшейся орлицы,
Быть можетъ, пѣснь моя...

— Скорѣй! Пора, пора!

Августъ.

1905.

Сонъ.

Въ небѣ странно-высокомъ, зловѣще-нѣмомъ
Гасъ кровавый вечерній закатъ.
Умиралъ я отъ ранъ, — въ гаолянѣ густомъ
Позабытый своими солдатъ.
Какъ ребенокъ, затерянный въ чащѣ лѣсной,
Я кричалъ, я отчаянно звалъ —
И на помощь ни свой не пришелъ, ни чужой,
Гаолянъ только глухо шуршалъ!
Да орелъ цѣлый день надъ горою парилъ, —
Хищный клекотъ носился кругомъ...
Все на сѣверъ, въ безвѣстную даль уходилъ
Затихающихъ выстрѣловъ громъ.
И скользилъ угасающій взоръ мой, въ тоскѣ,
По мѣнявшимъ нарядъ облакамъ:
Что̀ тамъ парусомъ бѣлымъ стоитъ вдалекѣ —
Не села ли родимаго храмъ?
Вонъ старуха съ клюкой... Не моя-ль это мать
По кусочки съ сумой побрела?

Горегорькая! Сына тебѣ не дождать —
Ты на муку его родила!
Злобно лязгаютъ цѣпи... Въ дыму и въ огнѣ,
Будто стая встревоженныхъ птицъ,
Вьется лента вагоновъ, — и въ каждомъ окнѣ
Сколько блѣдныхъ измученныхъ лицъ!
Безконеченъ вашъ путь, и тяжелъ, и суровъ:
Мертвой степи пустынная гладь,
Выси грозныя горъ, темень дикихъ лѣсовъ...
Васъ въ чужбину везутъ умирать!

. . . . . .

Умиралъ я отъ ранъ на чужой сторонѣ...
Такъ хотѣлось мучительно жить, —
О жестокой, безумно-кровавой войнѣ,
Какъ о грезѣ проклятой, забыть!

Ночь сошла... Или смерть?.. Сѣть тумановъ сырыхъ
Поползла надъ ущельями горъ;
Въ черномъ небѣ невиданно-яркихъ, большихъ,
Странныхъ звѣздъ засвѣтился узоръ.
И въ зловѣщей тиши, мнѣ казалось, не я —
Кто-то чуждый безсильно стоналъ...
И отъ жалости въ сердцѣ больномъ у меня
Слезъ кипучихъ родникъ клокоталъ!

* * *

Какъ солнце, мнѣ твоя улыбка дорога!
Ты взглянешь весело — я пытку забываю...
Но тверже и острѣй я лезвея не знаю,
Чѣмъ блескъ очей твоихъ передъ лицомъ врага.

То — оскорбленная души твоей святыня
Глядитъ, безмолвная, какъ гордая звѣзда...
Я, втайнѣ умиленъ, тебѣ молюсь тогда:
И ненавидишь ты, и любишь, какъ богиня!

* *
*

Снова въ путь-дорогу, старый вѣрный другъ! —
Золотыя грезы, видно, лгали намъ,
Что за нашей дверью смолкли стоны вьюгъ,
Отдохнуть пора измученнымъ костямъ.

Налетѣла буря, сжала страхомъ грудь...
Грозный мракъ кругомъ... Но ты сильна душой,
Смѣло ты стоять умѣешь подъ грозой, —
Счастливъ, кто съ тобой свершаетъ жизни путь!

Послѣдняя Жертва.

Вкругъ Африки знойной, по бурной равнинѣ
Безбрежныхъ тропическихъ водъ,
Къ далекой странѣ Восходящаго Солнца
Семья броненосцевъ плыветъ.
Прекрасны и грозны стальные гиганты —
Окрашены въ цвѣтъ боевой
И жерлами сотенъ орудій зіяютъ,
Готовые ринуться въ бой.
Но странно-безмолвны они, какъ гробницы:
Ни кликовъ, ни пѣсенъ живыхъ;
Недвижнѣе статуй, угрюмые люди
Стоятъ у лафетовъ стальныхъ.
Такъ узникъ стоитъ передъ плахой кровавой...

— „Погибель вѣрна впереди,
И тѣ, кто послалъ насъ на подвигъ ужасный, —
Безъ сердца въ желѣзной груди!
Мы — жертвы. . Мы гнѣвнымъ отмѣчены рокомъ...
Но бьетъ искупленія часъ —
И рушатся своды отжившаго міра,
Опорой избравшаго насъ.

Заря золотая свободы родимой,
Не мы твой увидимъ восходъ,
Но если такъ нужно, — возьми наши жизни...
Впередъ, на погибель! Впередъ!"

И вотъ, зашумѣли восточныя воды,
Сѣдой буревѣстникъ кричитъ...
Привѣтъ тебѣ, грозное Желтое море!
Чу! выстрѣлъ далекій гремитъ...
„Не флотъ ли Артура?.. Взгляни: Петропавловскъ,
Полтава, Побѣда, Баянъ...
То старый Макаровъ къ намъ ѣдетъ навстрѣчу,
Салютъ отдаетъ Ретвизанъ..."

Безумная греза!.. Ужъ гордо не грянетъ
Огонь изъ родныхъ амбразуръ:
Въ развалинахъ дымныхъ, кровавою раной
Зіяетъ погибшій Артуръ!
И путь туда русскому флагу заказанъ...
Смѣлѣе-жъ направо! Впередъ —
Къ безвѣстнымъ утесамъ враждебной Цусимы,
Въ зловѣщій Корейскій проходъ!

— „Ты сжалишься, сжалишься, праведный Боже,
И волю измѣнишь свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится —
Врага поразимъ мы въ бою!" —
. . . . . .
Свершилось!.. На днѣ ледяномъ океана
Стальные красавцы лежатъ,
И чуда морскія, акулы и спруты,
На нихъ въ изумленьи глядятъ.

Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротъ-мачты, лафеты, рули...
Ни стона, ни звука... Въ могильномъ покоѣ,
Недвижимы, спятъ корабли...

Но бурею вѣсть по отчизнѣ далекой
Промчится, темна и грозна,—
И кличемъ могучимъ: „Довольно!“ отвѣтитъ,
Одѣтая въ трауръ страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой послѣдней легли:
Разсвѣтъ уже близокъ... Она у порога—
Свобода родимой земли!

1906.

Изъ дневника.

Чуть утро — шелестомъ разбуженъ я газетъ,
Еще сырыхъ слегка, пропахшихъ свѣжей краской...
И мозгъ больной горитъ! Силъ оторваться нѣтъ,
Вновь зачарованъ я кошмарной жизни сказкой!
Насилій новыхъ рядъ!..
. . . . . .
Кричать? Но криковъ нѣтъ столь громкихъ на землѣ,
Чтобъ муки выразить томленье.
Молчать? Но жуткій страхъ стоитъ въ окрестной мглѣ,
И вѣкомъ кажется мгновенье...
Какъ будто въ давній міръ открылась снова дверь:
Гигантскій лѣсъ... зловѣщій шорохъ...
И человѣкъ ползетъ, затравленный, какъ звѣрь,
Отъ братьевъ прячась въ дуплахъ, въ норахъ.
Кошмары дикіе приходятъ на яву, —
Дрожишь, услышавъ трескъ камина:
Ужъ не громятъ ли вновь мятежную Москву
Дружины Римана и Мина?..
Убійства, казни, кровь...
И люди въ силахъ жить?

Работать, какъ всегда, любить, мечтать, смѣяться?
Нѣтъ, въ сердцѣ у меня порвалась жизни нить,
Я разучился улыбаться!
Друзьямъ любимѣйшимъ я не гляжу въ глаза,
Читая въ нихъ огонь убійственный презрѣнья...
И сердца тишина зловѣща, какъ гроза...
. . . . . .

1907.

Сны.

Холодная тоска
Со дна души встаетъ,
Какъ сѣрый, злой туманъ
Осенній изъ болотъ.
Все снится — въ мрачный склепъ
Навѣкъ попали мы:
Стучимъ, зовемъ... Увы!
Недвиженъ сводъ тюрьмы.

Нѣтъ пѣсенъ, смѣха нѣтъ...
Ни солнца, ни цвѣтовъ...
Печаленъ кругъ друзей,
Темно лицо враговъ!
А вамъ, на чьихъ рукахъ
Святая кровь борцовъ, —
Вамъ посылаетъ Богъ
Отраду мирныхъ сновъ!

Иль цѣлый міръ для васъ
Кровавой мглой одѣтъ,
И сномъ, отраднымъ сномъ
Забыться силы нѣтъ?

Насупился палачъ,
Какъ сытый, злой удавъ,
Веревку надѣвать
На шею жертвъ уставъ.

. . . . . .

Нѣтъ! если ясный взоръ
Ты хочешь видѣть, братъ,
Войди, какъ тѣнь, какъ воръ,
Въ тюремный казематъ.
Вотъ дѣвушка, — взгляни:
Одна, въ тиши нѣмой,
Она проводитъ здѣсь
Ночлегъ послѣдній свой.

Спокойныхъ сновъ ея
Не потревожитъ страхъ:
Въ ланитахъ — жизни кровь,
Улыбка на устахъ.
И, чуть въ окнѣ тюрьмы
Блеснетъ заря, — взойдетъ
Съ улыбкою она
На грозный эшафотъ!..

Холодная змѣя
Мнѣ сердце обвила:
Жизнь сумрачна, какъ смерть,
Лишь смерть — какъ жизнь, свѣтла!..

Лѣсныя тайны.

I.

Въ глуши.

Не въ царство-ль сказокъ я русалкой заведёнъ?..
Волшебная глазамъ открылась панорама:
Гигантовъ-сосенъ рядъ стоитъ, какъ строй колоннъ
Богами и людьми заброшеннаго храма.
Всѣ звуки умерли; вокругъ — зеленый мракъ,
Насыщенный больнымъ, тяжелымъ ароматомъ...
Здѣсь лишній — человѣкъ! Лѣсъ, какъ заклятый врагъ,
Мой каждый жестъ слѣдитъ...
Сижу на пнѣ косматомъ
И силюсь оживить какой-то древній сонъ,
Унять волненье думъ и крови шумъ мятежный...

Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ душно здѣсь! Скорѣй отсюда вонъ,
Туда, на вольный свѣтъ и на просторъ безбрежный!

II.

Горѣлый лѣсъ.

Грустный міръ деревьевъ опаленныхъ,
Черныхъ пней, обугленныхъ стволовъ...
Вонъ — дымки еще въ вершинахъ сонныхъ,
Струйки красныхъ хищныхъ языковъ.
Нѣтъ! то рыжихъ хвой висятъ лоскутья...
Умеръ лѣсъ, кладбища сонъ кругомъ...

Но смотри: всѣ въ нѣжныхъ почкахъ, прутья
Снизу свѣтлымъ брызнули ключемъ.
Обвили зеленые листочки
Голый стволъ; веселые цвѣты
Тамъ глядятъ изъ обгорѣлой кочки...
— Здравствуй, жизнь! Сильнѣе смерти ты!

III.

Лѣсъ поетъ...

Лѣсъ поетъ, привѣтнымъ шумомъ
Вторитъ птичьимъ голосамъ
И моимъ свободнымъ думамъ...
Гдѣ я, кто — не знаю самъ.
Я — царевичъ... Волкъ дубравы
Вѣрой, правдой служитъ мнѣ;
На спинѣ его шершавой
Мчусь я съ вѣтромъ наравнѣ.
Города, поля мелькаютъ, —
Въ край Жаръ Птицы мы спѣшимъ...
Грезы пышно расцвѣтаютъ,
Расплываются, какъ дымъ.
Лѣсъ поетъ... Въ просторъ безбрежный,
Мнится, я плыву, плыву
На волнѣ зелено-нѣжной...
Явь ли? Сонъ ли на яву?

IV.

Дятелъ.

Я-бъ хотѣлъ быть вольнымъ дятломъ
Съ красноперой головой!
И нарядный, и веселый,
Онъ въ работѣ день-деньской.

По стволамъ могучихъ сосенъ
Быстрой тѣнью онъ скользитъ
И, чуть утро, съ звонкимъ кличемъ
По корѣ стучитъ, стучитъ:

— Просыпайся, подымайся,
Весь лѣсной пернатый родъ!
Раньше солнца по лѣсамъ я
Совершаю мой обходъ.

V.

Въ бурю.

Разгнѣванъ темный лѣсъ... Я съ робостью вступилъ
Подъ хмурые его, бушующіе своды...
Могучій шумъ гудѣлъ, какъ шелестъ тысячъ крылъ,
Какъ моря грозный гулъ подъ злостью непогоды.
Зеленый сводъ вѣтвей страшнѣе былъ тюрьмы,
И листья тучами летѣли, будто стрѣлы,
Въ незримаго врага... Прочь, духи зла и тьмы!
Оставьте мирные и свѣтлые предѣлы!
Еще вчера онъ спалъ, довѣрчивъ и влюбленъ,
Въ объятьяхъ тишины, какъ на груди Далилы,
Сегодня онъ — на месть поднявшійся Самсонъ,
Въ величьи гордыхъ думъ, во всеоружьи силы!

VI.

Ребенокъ.

Я съ ребенкомъ иду по тропинкѣ лѣсной...
Я, какъ лѣсъ этотъ старый, задумчивъ и тихъ,
Онъ, какъ птичка, лепечетъ о думкахъ своихъ, —
Молодая осинка подъ старой сосной.
Нѣтъ разспросамъ конца: и зачѣмъ этотъ сукъ
Такъ изогнутъ, и что тамъ шуршитъ въ вышинѣ?..

Дѣтскій лепетъ, да сердца размѣренный стукъ:
Сосны стройно стоятъ, тихо грезя во снѣ.

VII.

Тайны лѣса.

Если хочешь тайны лѣса
Ты узнать, дитя, — садись
Здѣсь, на мохъ подъ елью темной,
И молчи, не шевелись!

Этотъ пень сѣдой, рогатый —
Посмотри — совсѣмъ не пень:
Это — бѣгомъ утомленный,
Чутко дремлющій олень.

Въ красныхъ шапкахъ мухоморы,
Подлѣ, чинно стали въ рядъ...
Но вглядись: то крошки-гномы
Стерегутъ забытый кладъ.

Вотъ, промчался по вершинамъ
Гулъ протяжный и глухой...
Въ одѣяньи сѣромъ, длинномъ
Смотритъ сверху царь лѣсной:

Тихо! Нѣтъ здѣсь человѣка —
Тамъ онъ, въ шумныхъ городахъ...
Мирно спятъ лѣсныя тайны,
Крошки-гномы на часахъ.

Лишь кукушка плачетъ гдѣ-то,
Да малиновка свиститъ;
Лапы длинныя раскинувъ,
Вѣщій папоротникъ спитъ.

* * *

Въ Сибири, окованной лютымъ морозомъ,
Пустынной дорогой я встрѣтился разъ,
Изгнанникъ усталый, — со страннымъ обозомъ,
Дремоту и сплинъ мой прогнавшимъ тотчасъ.

Шарахнулась тройка моя боязливо, —
Всѣмъ тѣломъ дрожа, понеслась напроломъ...
Ямщикъ, обернувшись ко мнѣ торопливо,
Въ степь, ярко бѣлѣвшую, тыкалъ кнутомъ.

Гляжу: цѣлиной снѣговою, ныряя,
Влачась, точно грузныя барки, впередъ,
Страдальчески-кротко и мѣрно шагая,
Лохматый верблюдъ за верблюдомъ бредетъ.

Веревка сквозь мягкія ноздри продѣта,
Прикрученъ къ горбу исполинскій мѣшокъ...
Не родина-ль праотцевъ, полная свѣта,
Имъ грезится? Знойный сыпучій песокъ?

Вонъ, близко ужъ пальмы съ узорчатой тѣнью...
Оазисъ! Ключа переливчатый звонъ!

Вдругъ дернулъ возжею киргизъ, въ нетерпѣньи, —
И жалкій, визгливый послышался стонъ...

И нѣтъ чудной сказки!.. Походкой убогой
Пошли они дальше въ морозную даль...
Я ѣду своей безконечной дорогой,
Одинъ, затаивши на сердцѣ печаль.

---

* * *

Грядущаго счастья далекіе дни
Съ сіяніемъ солнца, цвѣтовъ и лазури...
Въ ненастную ночь, подъ раскатами бури,
Не вѣрится сердцу, что будутъ они!
Конца нѣтъ дорогѣ томительно-трудной...
Не сонъ ли то людямъ мерещится чудный?

Но, солнце, ты будешь!.. И люди съ трудомъ
Повѣрятъ кровавой и горестной были
И, въ ужасѣ, спросятъ: „Да вправду-ль вы жили, —
Любили, смѣялись, боролись съ врагомъ?
На праздникѣ свѣтломъ любви и свободы
Не снятся-ль тюрьмы намъ угрюмые своды?“

1908.

Бредъ.

I.

Когда болѣзнь, какъ узника, меня
Цѣпями къ ложу пригвоздила
И черной птицею, съ зрачками изъ огня,
Надъ головой моей парила, —
Не къ югу свѣтлому мечтой я улеталъ,
А въ льдистый сумракъ тундры скудной,
И изъ-подъ снѣга тамъ, какъ звѣрь, я отрывалъ
Осеннихъ ягодъ нектаръ чудный.
Безбрежность снилась мнѣ полярныхъ водъ морскихъ:
Гигантскихъ льдинъ мелькали тѣни,
И лобъ пылающій дыханьемъ грознымъ ихъ
Я освѣжалъ... И рой видѣній
Вставалъ во мглѣ таинственной ночей:
Все небо зыблилось цвѣтами,
Ходили всполохи беззвучные огней
Большими яркими столбами...

И тихъ, и дивенъ былъ кругомъ пустынный міръ,
Какъ уголокъ послѣдній рая,
Гдѣ лишь природа-мать свободный правитъ пиръ,
И такъ ничтожна власть людская!

II.

А тамъ, гдѣ шепчетъ миртъ о счастьи на землѣ,
И море теплое синѣетъ, —
Тирана мрачнаго, мнѣ снилось, на скалѣ
Дворецъ разрушенный чернѣетъ.
Сюда онъ уходилъ отъ царственныхъ тревогъ,
Отъ власти страшной и кровавой...
Всю ночь тогда сіялъ, какъ яркій день, чертогъ
Подъ лирный рокотъ величавый.
Душистыхъ смолъ и травъ курился сладкій дымъ,
Столы подъ яствами ломились,
Фалерна щедраго напиткомъ золотымъ
Амфоры весело свѣтились.
Сенаторъ съ консуломъ, забывъ свой важный санъ,
Кружились въ пляскѣ неприличной;
Развѣнчанный царекъ какихъ-то дальнихъ странъ
Шута разыгрывалъ отлично.
Но тотъ, чей взглядъ ловилъ пронырливый актеръ, —
Съ надменнымъ видомъ полубога
Безрадостно смотрѣлъ на блескъ и на позоръ,
Молчалъ загадочно и строго.
Что, что больной тиранъ таилъ на днѣ души?
Презрѣнье къ людямъ и къ престолу?

Кровавый новый планъ обдумывалъ въ тиши —
Изъ Рима вывести крамолу?
Но вотъ онъ знакъ даетъ...
И кубки ужъ блестятъ
Цекубскимъ токомъ несравненнымъ
(Лозу его самъ Вакхъ когда-то, говорятъ,
Взростилъ въ саду своемъ нетлѣнномъ.)
И горы новыхъ яствъ рабы приносятъ вслѣдъ:
Вотъ — дальней Индіи бананы,
Изъ соловьиныхъ горлъ и языковъ паштетъ,
Колхиды сказочной фазаны.
Всѣ снова чавкаютъ, торопятся глотать,
Какъ псы съ голодными зубами;
Иного тутъ же рветъ... Но мигъ — и вотъ опять
Задвигалъ жадно челюстями!

. . . . . .

Вновь цезарь подалъ знакъ—и пышный залъ притихъ.
Стѣна, какъ волшебствомъ, раскрылась:
Гирлянда дѣвочекъ и отроковъ нагихъ
Средь рощи пальмовой явилась.
Смущенья прелесть, смоль разметанныхъ кудрей,
Невинныхъ дѣтскихъ глазъ блистанье...
И бѣшеный восторгъ зажегъ сердца гостей,
Какъ громъ, гудятъ рукоплесканья!
— „Сюда!“ вопятъ: „Сюда!“ . . . . . .

. . . . . .

Бѣлѣетъ въ окнахъ свѣтъ. Замолкъ и смѣхъ, и стонъ.
Рабы стопой скользятъ беззвучной
И дѣтскихъ трупиковъ ряды выносятъ вонъ,
Какъ соръ ненужный и докучный.

Все выше свѣтлый Фебъ, — изъ исполинскихъ нишъ
На сонъ убійцъ глядитъ съ укоромъ...
Но ты смѣшонъ имъ богъ! Не ихъ и ты смутишь,
Историкъ, гнѣвнымъ приговоромъ!

III.

..... Горитъ больная кровь,
Видѣнья страшныя приходятъ вновь и вновь.
Все ты мнѣ грезишься, несчастная Россія!
Что это? Грозное-ль нашествіе Батыя,
Когда народъ завылъ и изъ конца въ конецъ
Бѣжалъ въ лѣса толпой испуганныхъ овецъ?
Безумства-ль Грознаго? Петровы ли расправы?
Иль ужасъ нашихъ дней, безумный и кровавый?
Все спуталось въ умѣ...
Чу! шествіе идетъ —
Гулъ тысячъ, тысячъ ногъ... Все молодой народъ.
Мелькаютъ изрѣдка и женскія головки...
На шеяхъ сдавленныхъ болтаются веревки,
Противно лязгаютъ оковы на ногахъ,
Желѣзо за спиной на скрученныхъ локтяхъ...
Есть лица гордыя съ орлинымъ смѣлымъ взоромъ,
Но больше — скорбныя, съ вопросомъ иль укоромъ.

Что-жъ я отвѣчу имъ? Что слезы сердце жгутъ?
Въ безвѣстномъ тайникѣ происходилъ вашъ судъ.
Кто обвинитель вашъ? Какъ вашихъ судей звали?
Что̀ вы сказали имъ — лишь камни стѣнъ слыхали!..

... О, если бы давно великому народу
Былъ свѣточъ знанья данъ и выходъ на свободу, —
Съ какой бы красотой и мощью гордыхъ силъ
Орлиный духъ его къ вершинамъ воспарилъ,
Какимъ бы Русь цвѣла могуществомъ и счастьемъ...

Все, все загублено проклятымъ самовластьемъ!
Въ болѣзняхъ, въ нищетѣ, въ невѣжествѣ тупомъ,
Приниженный, народъ во тьмѣ живетъ, какъ гномъ
Дня не запомню я, короткаго мгновенья,
Когда-бъ въ душѣ не тлѣлъ огонь вражды и мщенья,
Когда бы я не ждалъ, что Божьей правды гнѣвъ
Проснется, наконецъ, какъ разъяренный левъ!..
Да, да, преступенъ я... И цѣлъ еще строптивецъ?!

А! вотъ идутъ... гремятъ... Басмановъ-нечестивецъ,
Малюта, злой палачъ... Всѣ — въ бархатныхъ
тафьяхъ,
Въ кафтанахъ расшивныхъ и съ саблями въ рукахъ...
Къ дверямъ моимъ пришли — и тихо, тихо стало:
Примолкли, будто ждутъ какого-то сигнала...
Минута — и, какъ вихрь, ворвутся въ мой пріютъ,
Больного, слабаго въ застѣнокъ повлекутъ!..

Кошмаръ... Проснуться бы!..

* * *

Какъ сотни лѣтъ назадъ, сегодня ночь прекрасна!
Узоры тѣ же все сплетаютъ хоры звѣздъ,
Красавецъ Оріонъ горитъ все такъ же ясно,
И Млечнаго Пути дрожитъ алмазный мостъ.
Но къ тайнѣ нѣтъ ключа: кто тамъ живетъ, страдаетъ?
Какъ мы же, смертные съ стремленьемъ безъ конца?
Иная-ль красота мечту ихъ окрыляетъ,
И о добрѣ иномъ тоскуютъ ихъ сердца?
Ужель и тамъ — вражда? За свѣтлый даръ свободы
Немолчный бой кипитъ, живая льется кровь?
Какъ жалкій вьючный скотъ, влачатъ ярмо народы,
Въ колодкахъ — мысль, и геній, и любовь?

Такъ эта даль свѣтла, такъ эта ночь прекрасна,
Такъ тихи хоры звѣздъ, что мысль о злѣ бѣжитъ.
Нѣтъ, люди — братья тамъ! Невозмутимо-ясно
Тамъ Разума величіе горитъ!

Сосна.

У моего окна
И день, и ночь сосна
Таинственно шуршитъ...
Ей много, много лѣтъ.
Старуха знаетъ свѣтъ
И много тайнъ хранитъ.

И, мудрости полна,
Ворчитъ она со сна:
„Весенній вольный духъ..
Опять безумный міръ
Заводитъ шумный пиръ
И счастьемъ бредитъ вслухъ.

„Мелькнетъ, какъ мигъ одинъ,
Краса полей, долинъ...
Нѣтъ! счастье — мирный сонъ.
Пусть бѣденъ мой нарядъ
И жёстокъ, говорятъ,
Зато — какъ проченъ онъ!“

И робко смолкла вдругъ:
Раздался свѣтлый звукъ,
Веселый смѣхъ звенитъ.
То — вкругъ корней сѣдыхъ
Березокъ молодыхъ
Семья поетъ, шумитъ.

Привольно, любо имъ,
Кудрявымъ и густымъ,
Подъ лаской вешнихъ дней...
Жить! Каждой почкой жить!
Какъ воздухъ, радость пить,
Хоть мигъ — да грудью всей!

1909.

Думки.

I.

Я умеръ, одинъ, въ чужедальнемъ краю...
Родная рука моихъ глазъ не закрыла,
Отчизна давно позабыла
Печальную музу мою.

Что старыя пѣсни! Есть новыя муки,
Безвѣстныя прежнимъ бойцамъ, —
По-новому страстные, гнѣвные звуки
Ударятъ по юнымъ сердцамъ.

Я умеръ — и лебедемъ гордымъ поднялся
Къ лазурной, горѣвшей огнемъ, вышинѣ.
И юная сила вернулась ко мнѣ —
Я пѣлъ... я любилъ, я смѣялся...

II.

Ахъ! въ жизни сумрачной я не припомню дня,
Когда-бъ на Божій міръ взглянулъ я вольно, ясно,
Когда бы злая мысль покинула меня,
Что родина — раба, что родина несчастна.

Не помню ночи я безъ гнета страшныхъ сновъ:
То я, какъ новый Брутъ, разилъ врага свободы,
То самъ на плаху шелъ... Гремѣлъ тюрьмы засовъ,
Зіяли, точно гробъ, удушливые своды.

Кошмаръ, вся жизнь — кошмаръ... Кровавый дикій бредъ...
Отравлена душа видѣньями больными...
И — вспыхни красный день — лучами золотыми
Свободы и любви не буду я согрѣтъ!

III.

Часто сонъ мнѣ яркій снится:
Ужъ свободенъ край родной,
И въ гробахъ давно истлѣли
Врагъ народа и герой.

Пышно нивы колосятся,
Пѣсня смѣлая звучитъ,
Въ свѣтлыхъ праздничныхъ нарядахъ
На работу людъ спѣшитъ.

Гдѣ-то рядъ столбовъ позорныхъ
Возвышался здѣсь. . . давно...
Но о нихъ лишь книги помнятъ,
Все забыто, прощено!

И дрожитъ отъ гнѣва сердце:
Какъ! забвенье — ихъ удѣлъ,
Тѣхъ жестокихъ, тѣхъ проклятыхъ,
Кто отъ нашихъ слезъ пьянѣлъ?!

Кто у вольнаго народа
Жизнь хотѣлъ отнять и честь?
Сонъ гнетущій... Прочь забвенье:
Месть, за дверью гроба месть!

IV.

Громъ грохочетъ всю ночь, небо — словно горитъ...
Вѣтеръ дубы столѣтніе клонитъ...
Полонъ ропота лѣсъ. Сычъ пронзительно стонетъ.
Лишь эолова арфа молчанье хранитъ.

Новой бури порывъ, новый грома раскатъ.
Мракъ — и тучи опять, будто кровь, покраснѣли...
Словно трупы казненныхъ, качаются ели...
Пѣсни грустной и нѣжной не надобно, братъ!

Буря струны порветъ... Развѣ кроткихъ слеза
Можетъ выразить ужасъ безвѣстно казнимыхъ?
Муку дѣвушекъ милыхъ, въ застѣнкѣ томимыхъ?
Смолкни! Смолкни! Бушуетъ гроза...

Іюль 1909.
Бадъ-Наугеймъ.

1910.

* * *

Подъ пологомъ ночи глухой
Шли долгіе, скорбные годы;
Неясной чуть брезжилъ звѣздой
Загадочный призракъ свободы.

— „Идите! — властительно звалъ
Таинственный голосъ: — За мною!
За гранью чернѣющихъ скалъ
Ужъ небо алѣетъ зарею“

И вѣрило сердце ему,
И вѣрить порою не смѣло...
Закутаны въ снѣжную тьму,
Мы двигались въ даль безъ предѣла.

И вдругъ ослѣпительный лучъ
Блеснулъ надъ холоднымъ просторомъ!
По ребрамъ зардѣвшихся тучъ
Скользили мы трепетнымъ взоромъ.

То мигъ былъ, одинъ только мигъ,
Блаженный, какъ первая ласка:
Плѣнительный образъ возникъ —
И въ сумракѣ скрылся, какъ сказка...

Но въ сердцѣ сверкающій слѣдъ,
Сочащійся кровью, хранится:
Слѣпцу ли, узрѣвшему свѣтъ,
Съ царящею тьмой примириться?..

VIII.

Приложенія

къ юношескимъ стихотвореніямъ.

(1877—1883.)

Вечерняя звѣзда.

Звѣздочка кроткая, звѣздочка ясная,
Что ты глядишь на меня,
Вѣчно спокойная, вѣчно прекрасная,
Полная вѣчно огня?

Если бъ ты знала, съ какими страданьями
Здѣсь, на землѣ, нужно жить,
Тщетно томиться мечтами, желаньями,
Годы безъ смысла влачить!

Если бъ ты знала, какъ сердце горячее
Рабскую долю клянетъ,
Рвется покинуть болото стоячее,
Жаждетъ лазурныхъ высотъ!

Но, лишь блеснула заря золотистая —
Слышенъ ужъ грома раскатъ!
Передо мною дорога тернистая...
Ясенъ ли будетъ закатъ?

Звѣздочка кроткая, звѣздочка ясная,
Что же ты грустно глядишь?
Вѣчно спокойная, вѣчно прекрасная,
Словно въ испугѣ дрожишь.

1877 г.

Моя дорога [1].

Небу родной я, родной я душой!
Гдѣ же искать мнѣ святую задачу?
Тщетно ищу я, тоскую и плачу —
Знаю я жребій страдальческій свой.

. . . . . .

Свѣтлая-ль тò, роковая-ль звѣзда
Въ жизни мой путь освѣщаетъ, —
Съ музой моей никогда, никогда
Счастья душа не узнаетъ.
Вѣчно мы будемъ страдать и страдать, —
То задыхаться подъ бурной любовью,
То все чего-то въ туманѣ искать,
То не слезами оплакивать — кровью
Этотъ страдающій, гибнущій міръ,
Въ тягостный сонъ погруженный,
Въ цѣпи закованный, въ пошлый кумиръ —
Въ золото только влюбленный!..

1877. Новгородъ.

---

[1] Первое напечатанное стихотвореніе: „Дѣло“ 1878 г., декабрь.

* * *

Вотъ и кончился день, отъ котораго я
Ожидалъ такъ безумно отрады...
Не пройдетъ ли такъ пусто и жизнь вся моя,
Какъ въ подвалѣ глухомъ безъ лампады?
И болитъ, и томится тревогой душа...
Я стою, озаренный весь луннымъ сіяньемъ,
Точно въ храмѣ безмолвномъ... Какъ ночь хороша,
Какъ она незнакома съ страданьемъ!
Сердце-жъ проситъ любви, жаждетъ ласки родной...
Громкій вопль на устахъ замираетъ напрасно...
Ахъ! зачѣмъ нельзя жить для идеи одной?
Для чего эта грудь такъ волнуется страстно?..

На смерть Некрасова.

Закатилась яркая звѣзда —
И утихли гордыя мученья...
И поэта горькія сомнѣнья
Разрѣшились смертью навсегда!
О, пѣвецъ карающій, но милый,
Вѣрный другъ бездомной нищеты,
Передъ душной, тѣсною могилой
Въ свой народъ такъ свято вѣрилъ ты!
Вѣрилъ ты въ тотъ день съ горячей вѣрой,
Что̀ настанетъ на Руси родной,
Заблистаетъ въ нашей жизни сѣрой
Красоты и истины звѣздой.
Жаждалъ ты отчизны возрожденья,
Чтобъ до слуха вѣтеръ не донесъ
Изъ родного русскаго селенья
Накипѣвшихъ отъ страданій слезъ.
Но народъ, котораго стенанья
Муза пѣла, — пѣсенъ не слыхалъ
И, какъ прежде, подъ ярмомъ страданья,
Ницъ склонясь, стоналъ, стоналъ...

. . . . . .

Пусть, поэтъ, пріютъ твой глухъ и тѣсенъ:
Широки у Волги берега —
Будетъ звукъ твоихъ чудесныхъ пѣсенъ
Оглашать родимые луга!

Ловля бѣлки.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній.)

— Бѣлка! бѣлка! — крикъ раздался:
Эй, сюда, Арапъ, Заграй! [1] —

И стрѣлою я помчался
На призывный шумъ и лай.
У густой зеленой ели,
По срединѣ полосы,
Злились, лаяли, ревѣли
Разъярившіеся псы.
А одинъ, герой примѣрный,
Прыгалъ, дерево глодалъ...
Ѳедя, мой товарищъ вѣрный,
Имъ ни въ чемъ не уступалъ.
Прибѣжалъ и я въ волненьи...
— Что такое?!

[1] Клички собакъ.

Безъ рѣчей
Сыплемъ камни въ углубленье
Двухъ сомкнувшихся вѣтвей.
Наша бѣлочка-голубка,
Тамъ прижавшись, ждетъ врага:
Красно-пепельная шубка,
Хвостъ изогнутъ, какъ дуга.
То раскроетъ глазки шире,
То ушами поведетъ...
На одну идутъ четыре —
Все забористый народъ!

Ѳедя живо изловчился:
Подсадилъ Ѳедюшу я —
Онъ за вѣтку ухватился,
Изогнулся, какъ змѣя.

— Ну, голубчикъ, примудрись-ка,
Подцѣпи ее живой! —
Прытокъ Ѳедя: вотъ ужъ близко,
Хвать — и взвылъ охотникъ мой!
Укусила!.. Неказистый,
Да отчаянный звѣрекъ.
Развернулся хвостъ пушистый,
Словно парусъ, и — прыжокъ!

Крикъ, содомъ на всю полянку...
Я кричу: „Ату! Ату!“
Псы визжатъ, и вотъ бѣглянку
Подхватили на лету.
Я затѣялъ съ ними драку,

Ѳедя съ ели кувыркомъ,
И едва-едва собаку
Укротили мы вдвоемъ.
Бѣлку отняли...

Бѣдняжка!
Кратокъ былъ конецъ ее:
Раза два вздохнула тяжко,
Лапкой дрогнула — и все...
Тѣло быстро остывало,
Кровь сочилась вдоль спины...

О, какъ мало ты дышала
Свѣжимъ воздухомъ весны!
Заструились только рѣки,
Только ожили лѣса —
И сомкнула ты навѣки
Эти кроткіе глаза.
По кудрямъ березъ веселыхъ
Ужъ не будешь ты скакать,
Съ елей темныхъ и тяжелыхъ
Шишки красныя ронять.
Все погибло: край родимый,
Птички вольное житье...

Тутъ вопросъ неотразимый
Всталъ: куда же намъ ее?..

Долго въ горѣ мы стояли...
Наконецъ, прогнавъ собакъ,
Бѣлку въ ямку закопали

Тамъ, у рощи, гдѣ оврагъ, —
Гдѣ, рѣзвясь, ручей студеный
Воды звонкія несетъ,
Соловей въ листвѣ зеленой
Рокотать не устаетъ.

Корабль.

Лазурны, ласковы и знойны
И океанъ, и небеса;
Корабль нашъ, гавани краса,
Стоитъ, торжественный и стройный.

— Проснись, душа моя! Воспрянь!
Пора изъ омута мірского
Направить путь, пора на брань,
Долой мертвящія оковы!
Исполненъ гнѣва и любви,
Я поплыву легко и смѣло...
Впередъ, друзья мои! За дѣло,
Матросы вѣрные мои:
Сознанье молодости, силы,
Ключомъ бунтующая кровь,
Рѣшимость биться до могилы,
Къ порабощенному любовь...
Снимайтесь съ якоря проворно!
Мы нашу лѣность побѣдимъ
И цѣпью крѣпкой и позорной
Къ кормѣ высокой привинтимъ.

Одно, еще одно усилье —
И якорь вытащенъ... Ура!
Корабль, почуявъ будто крылья
Зашевелился, какъ гора.
Надулся парусъ бѣлоснѣжный...
Невозмутимы небеса,
И вѣтеръ ласковый и нѣжный
Несетъ насъ въ океанъ безбрежный...
Корабль нашъ — гавани краса!

* * *

Хотѣлъ бы я владѣть стихомъ
Такимъ могучимъ и разящимъ,
Чтобъ онъ звучалъ, какъ Божій громъ,
Надъ человѣчествомъ скорбящимъ!
Чтобы проклятія мои
Сердца, грубѣй и тверже стали,
Дрожать и плакать заставляли;
Призывы правды и любви —
Надежду въ слабыхъ поднимали!
Какъ свѣтлый духъ, не зналъ бы я
Запретной грани и дороги, —
И пѣсня вольная моя
Входила-бъ въ нищія жилья
И въ золоченые чертоги,
Повсюду славя новый міръ,
Гдѣ смолкнутъ злобныя проклятья,
Гдѣ люди, любящіе братья,
Начнутъ великій счастья пиръ!
И въ тотъ эдемъ благословенный
Моей пророческой мечты
Сзывалъ бы я съ концовъ вселенной
Семью печальной нищеты.

Она на праздникъ обновленья
Въ одеждахъ праздничныхъ вошла-бъ,
И сбросилъ бы усталый рабъ
Оковы гнета и презрѣнья!

Разрывъ.

Гремѣлъ оркестръ, и залъ сверкалъ огнями.
Рой юношей и дѣвъ порхалъ между колоннъ,
И воздухъ весь дышалъ любовью и мольбами...
А я одинъ, волнуемый мечтами,
Стоялъ вдали, подавленъ, оглушенъ!

Ни вальса вихрь, ни рокотъ музыкальный,
Ни яркій блескъ, слѣпившій имъ глаза,
Не покорялъ души моей печальной, —
Нѣтъ! все ей чудилась, за шумомъ жизни бальной,
Людскихъ скорбей встающая гроза...

И мнѣ шепталъ, на мигъ не умолкая,
Какой-то врагъ иль другъ: „Уйди отъ нихъ!
Здѣсь смерть царитъ, холодная, нѣмая,
Здѣсь осмѣютъ, минутѣ угождая,
Святѣйшую изъ думъ возвышенныхъ твоихъ.

„Здѣсь жизни богъ — минута наслажденья...
Серебряный туманъ иллюзій позади,
А впереди — холодный мракъ забвенья...

Уйди жъ, уйди, не медля ни мгновенья, —
Тутъ ложь царитъ, — скорѣе уходи!“

И я ушелъ поспѣшными шагами...
Какъ пышный пиръ, какъ свѣтлый божій храмъ,
Небесный сводъ горѣлъ, дышалъ огнями...
Я поднялъ взоръ, увлаженный слезами:
Какъ мирно все, какъ тихо было тамъ!

* * *

Я умру — а солнце надъ землею
Будетъ такъ же весело горѣть.
Я умру — и для меня со мною
Все погибнетъ... Стоитъ ли жалѣть?

Не о томъ ли пожалѣть украдкой,
Что я славы не успѣлъ нажить?
Нѣтъ! Зачѣмъ мнѣ славы шопотъ сладкій,
Если самъ я долженъ глухо гнить!

Отчего же сердце тихо стонетъ,
И о чемъ-то ноетъ втайнѣ грудь?
Кто по мнѣ хоть вздохъ одинъ уронитъ,
И о комъ я самъ бы могъ вздохнуть?

Жаль разстаться мнѣ съ красой-природой:
Лишь она, какъ вѣчно любящая мать,
Мнѣ умѣла съ жизнью и свободой
Тишину сердечную давать!

* * *

Давно сказалъ мнѣ голосъ неземной:
„Нѣтъ счастья для тебя! Ты — мой, ты мой!“

Когда, мечтой волнуемый жестокой,
Скитаюсь я, унылый, одинокій,
По зеленѣющимъ лугамъ,
И вижу— чуждо все сомнѣнья и страданья,
И міръ цвѣтетъ, и пѣсня ликованья
Звенитъ и льется здѣсь и тамъ, —
Тогда о счастіи мечтаю я невольно;
Грядущаго зіяющая даль
Меня страшитъ... И сердцу больно, больно,
И разставаться съ жизнью жаль!

Идти безропотно на муки и гоненья,
. . . . . .

1880 г.

Тиртэй.

Была пора, когда въ годину бѣдъ
Передъ испуганной толпою
Стоялъ, какъ вождь, — какъ бодрый вождь, — поэтъ
Съ своею пѣснью огневою.
Могучихъ струнъ призывный, смѣлый звукъ
Былъ то же, что̀ свободы знамя.
Вокругъ пѣвца звучалъ оружья стукъ,
Сильнѣй горѣло битвы пламя.
Копье врага щитомъ онъ отражалъ,
Къ друзьямъ бросался съ гордымъ словомъ
И грудь свою безстрашно подставлялъ
Мечамъ и дротикамъ суровымъ...

А въ наши дни, въ чудовищные дни
Битвъ небывалыхъ подъ луною,
Сыны боговъ, поэты, гдѣ они —
Тиртэи съ пѣснью огневою?
Когда чириканье трусливое порой
До слуха воина коснется,
Онъ, покачавъ усталой головой,
Съ усмѣшкой горькой отвернется...

* * *

О, подлое, чудовищное время
Съ кровавыми глазами, съ алчнымъ ртомъ, —
Година ужаса! Кто проклялъ наше племя,
Кто осудилъ его безжалостнымъ судомъ?
Пришли мы въ міръ съ горячею любовью
Къ обиженнымъ, къ униженнымъ, ко всѣмъ,
Кто, подъ крестомъ борьбы самъ истекая кровью,
На стонъ собратьевъ не былъ глухъ и нѣмъ.
. . . . . .

1882 г.

* * *

— Безумецъ! Пора привыкать
Страдать безъ чужого участья,
Наивныя бросить мечты —
Погоню за призракомъ счастья.
Не слабымъ и робкимъ идти
Подъ знаменемъ гордымъ разсвѣта —
Суровымъ и грубымъ бойцамъ,
Не ждущимъ ни ласкъ, ни привѣта!

— Ты, сердце! не бейся въ груди
Такъ страстно, мучительно-страстно,
Не плачь неутѣшно о томъ,
Чего воротить ты не властно.
Забудься, больное дитя,
Печаль тишиной убаюкай
И личную боль заглуши
Людскою великою мукой!

* * *

Часто съ любовью горячей, со страстью мятежной
Рвусь я къ тебѣ, моя милая... Строго,
Властно царитъ надо мною твой образъ... Такъ нѣжно,
Такъ беззавѣтно люблю я, такъ много!
Столько сказать я тебѣ, какъ сестрѣ и какъ другу,
Въ эти минуты хочу... Всѣ сердечныя раны
Радъ обнажить, чтобъ развѣять туманы,
Въ сердцѣ смирить безпокойную вьюгу!

Что за дитя — человѣкъ!.. Повстрѣчавшись, сурово,
Кратко и холодно мы говоримъ и порою,
Сами не зная зачѣмъ, ядовитое слово
Въ сердце другъ другу вонзаемъ съ тоскою..

Слезы глотая, ломаю я руки...
Муки любви, вы, безумныя муки!

* * *

Ни въ чемъ очарованья нѣтъ!
Безкровны, будто привидѣнья,
Безъ радостей, безъ тяжкихъ бѣдъ
Влачатся скучныя мгновенья.
И тотъ, кто размышлять привыкъ,
Не покорится вновь обману:
Ему веселья возгласъ — дикъ,
И каждый день наноситъ рану...

. . . . . .

— „Не бойтесь смерти... Смерти ночь
Страшнѣе-ль жизни бездыханной?
Ярмо безсилья сбросимъ прочь —
И въ путь къ землѣ обѣтованной!
Впередъ, дороги нѣтъ назадъ“

Но кличъ: „впередъ!“ злораднымъ смѣхомъ
Слѣпцы встрѣчаютъ — и вопятъ,

Отдавшись суетнымъ потѣхамъ:
„Безумцы! гибель, гибель вамъ!“
И бьютъ безумцевъ безпощадно...

А солнце жизни свѣтитъ чадно
Самимъ угрюмымъ палачамъ.

Дума.

Мозгъ опьянѣлъ отъ долгой муки; въ жилахъ
Течетъ не кровь — ключомъ бунтуетъ желчь.
И вѣра пылкая ироніей холодной
Убита вѣроломно... Какъ скупцы,
За девятью мы бережемъ замками
Мечты завѣтныя, и есть онѣ иль нѣтъ —
Ни другъ, ни врагъ не знаетъ, ни... хозяинъ.
И часто жгучее, безумное блаженство
Находимъ мы и вмѣстѣ муку злую,
Безсмысленно терзая, безъ нужды
И безъ того измученнаго друга, —
Незримые толпѣ, но вѣрные удары
Въ больное сердце нанося, бросая
Слова вражды, безумныя слова...
И для чего? Кто мнѣ отвѣтитъ — кто?..

Другъ милый мой (наединѣ съ тобой
Даю тебѣ нѣжнѣйшее названье)!
Безцѣнный другъ! Взгляни кругомъ, впередъ,
Въ больное сердце загляни: уходитъ
За годомъ годъ, слабѣютъ жизни силы...

Все ближе ночь безъ проблеска зари...
Все даль страшнѣй и кругъ друзей тѣснѣе,
Все холоднѣй въ душѣ и безнадежнѣй...

Скажи: ужель нигдѣ спасенья нѣтъ?
Любимый другъ, ужели невозможно,
Смиривъ гордыню, сбросить маски съ лицъ
И вырвать ложь-чудовище изъ сердца?
Заплакать громко, громко безъ стыда,
Пожать другъ другу крѣпко руки —
И выйти въ путь на трудъ великій!..

---

* * *

— Здравствуйте, бодрые мыслью и духомъ! —
Всѣ вы, въ комъ барства надменнаго нѣтъ,
Къ братскимъ страданіямъ чуткіе слухомъ,
Всѣ мой примите привѣтъ!
Братья! Есть воля у насъ непреклонная,
Есть у насъ вѣра... Нашъ лозунгъ: „Впередъ
Всѣ, кому жизнь эта блѣдная, сонная
Жизни живой не даетъ!“
Ночи, темнѣвшей столѣтія цѣлыя,
Призраки скрылись... Заря занялась...
Выйдемъ же въ-встрѣчу ей, бодрые, смѣлые, —
Время и правда за насъ!
Съ первыми краснаго солнца лучами
Скроется въ высь непроглядный туманъ;
День нескончаемый вспыхнетъ надъ нами,
Веселъ и пышно-румянъ!

Изъ Сюлли Прюдома.

I.

Данаиды.

Не вѣдая покоя, ежечасно
Онѣ бѣгутъ съ кувшинами толпой
То къ бочкѣ, то къ колодцу, но — напрасно!
Имъ не наполнить бочки роковой.

Увы! дрожатъ слабѣющія руки,
И, онѣмѣвъ, не движется плечо...
— Пучина страшная! Конецъ ли нашей мукѣ?
Неумолимая, чего тебѣ еще?

И падаютъ онѣ, идти уже не въ силахъ...
Но младшая изъ всѣхъ въ сестеръ своихъ унылыхъ
Умѣетъ прежнюю увѣренность вдохнуть.

Такъ грёзы и мечты блѣднѣютъ, разлетаясь,
А юная Надежда, улыбаясь,
— О, сестры, говоритъ, пойдемте снова въ путь!

II.

На башнѣ.

На башнѣ, въ поздній часъ, ученый наблюдалъ,
Какъ звѣздный хоръ торжественно и смѣло
Свой вѣчный путь въ пространство направлялъ;
А утро въ безконечности бѣлѣло.

Онъ вычислялъ... Средь золотыхъ міровъ
Комета встрѣтилась внимательному взору,
И грозному онъ молвилъ метеору;
„Ты вновь придешь чрезъ столько-то вѣковъ!“

Звѣзда придетъ, велѣнье исполняя,
И обмануть не сможетъ никогда
Науки вѣчной, въ вѣчности блуждая!

Пусть человѣчество исчезнетъ безъ слѣда:
На башнѣ бодрствовать упорно и тогда
Ты будешь, Истина святая!

III.

Затерявшійся крикъ.

Игрой мечты ушелъ я въ глубь вѣковъ
И вижу юношу: болѣзненный, печальный,
Возводитъ онъ съ толпой другихъ рабовъ
Хеопсу мавзолей пирамидальный.

Вотъ онъ несетъ на согнутой спинѣ
Чудовищный гранитъ. Дрожащая походка . . .
Глаза глядятъ страдальчески и кротко . . .
И страшный крикъ раздался въ тишинѣ!

Тотъ крикъ потрясъ весь воздухъ, строй эфира,
Дошелъ до звѣздъ — и тамъ, за гранью міра,
Все вверхъ идетъ въ пространствѣ вѣковомъ.

Онъ ищетъ Божества и правды безконечной . . .
Прошли вѣка. Гигантъ остроконечный
Надъ деспотомъ стоитъ, въ величіи нѣмомъ!

IV.

Разбитая ваза.

Та ваза съ гибнущей вербеной
Задѣта вѣеромъ была.
Ударъ, безшумный и мгновенный,
Чуть тронулъ зеркало стекла.
Но рана, легкая сначала,
Что день, таинственно росла:
Хрусталь незримо разъѣдала
И мѣрнымъ кругомъ обошла.
Бѣда не во-время открыта:
Цвѣтокъ безмолвно умиралъ,
По каплѣ кровью истекалъ...
— Не тронь ея: она разбита!

Такъ часто милая рука
Намъ сердце любящее ранитъ, —
И рана тонко-глубока,
И, какъ цвѣтокъ тотъ, сердце вянетъ.
Но долго гибельный огонь
Отъ равнодушныхъ взоровъ прячетъ, —
Болитъ и тихо-тихо плачетъ...
Оно разбито вѣдь — не тронь!

V.

Раны.

Со стономъ падаетъ въ сраженіи солдатъ.
Его возьмутъ, забрызганнаго кровью,
Въ больницу отвезутъ и рану заживятъ.
И въ ясный день поддѣльному здоровью

Онъ вѣритъ, какъ дитя... Но съ запада сырой
Подуетъ вѣтеръ вдругъ, и въ облакахъ тумана
Потонетъ солнца блескъ, — и вновь заныла рана!
И вѣры нѣтъ въ душѣ его больной!

Такъ прихоть времени всесильна; такъ, порою,
На мѣстѣ, гдѣ душа поражена судьбою,
Я плачу, воскресивъ забытую печаль.

Слеза, печальный звукъ, одно пустое слово,
Иль тучка въ небесахъ, — какъ лучъ, освѣтятъ снова
Погибшихъ лѣтъ затерянную даль!

VI.

Агонія.

Въ часъ кончины моей меньше вздоховъ и слезъ, —
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко!
Вы гармоніей сладкой ласкайте мой слухъ,
И умру я легко.
Такъ усталъ видѣть ложь я подъ маской любви,
Слышать слово холодное „братъ“ ...
Пусть баюкаютъ боль мою струны однѣ,
И пусть люди молчатъ!
Няню, бѣдную няню, пришлите ко мнѣ —
Она стадо въ долинѣ пасетъ.
Извѣстите ее, что, готовясь навѣкъ
Сдѣлать съ жизнью разсчетъ,
Увидать я хочу ея ласковый взоръ,
Услыхать ея пѣсню ... И пусть
Будетъ грустью дышать монотонный напѣвъ —
Я люблю эту грусть!
Вы найдете ее: люди хижинъ живутъ
Дольше насъ ... Мы, явившись на свѣтъ,
Прозябаемъ, какъ пальма въ холодной странѣ,
И живемъ ... двадцать лѣтъ!
Вы оставьте вдвоемъ насъ! Она мнѣ споетъ,

Пальцы рукъ на горячій мой лобъ положивъ . . .
Звукъ за звукомъ съ любовью ловить стану я,
Все на свѣтѣ забывъ!
И, навѣрно, одна только грудь и вздохнетъ
Обо мнѣ въ этотъ часъ глубоко . . .
Я мечтой улечу къ свѣтлымъ дѣтства годамъ,
Далеко, далеко!
И, чтобъ я не слыхалъ, какъ покинетъ душа
Мой больной, охладѣлый скелетъ,
Чтобы такъ человѣкъ незамѣтно ушелъ,
Какъ явился на свѣтъ, —
Нѣтъ, не нужно ни вздоховъ печальныхъ, ни слезъ
Горе въ сердцѣ пусть спитъ глубоко . . .
Тихой музыкой мой убаюкайте слухъ —
И умру я легко!

VII.

Сонъ.

Земледѣлецъ грубо мнѣ сказалъ во снѣ:
„На тебя работать надоѣло мнѣ!
Спину разогну я... Въ холодокъ и въ зной
Самъ ты походи-ка за моей сохой!“

И портной, взбѣсившись, отказался шить:
„Я хочу на волѣ бариномъ пожить!“
Каменщикъ туда же — этакій нахалъ, —
Молотокъ бросаетъ: „Кончено, усталъ!“

Злобою кипѣла вся душа моя:
Позабытый всѣми, горько плакалъ я,
Голый и голодный, въ пустотѣ блуждалъ,
Бога, небо, землю, солнце проклиналъ!

Вдругъ глаза открылъ я: вѣрить или нѣтъ?
Утренній въ окошко пробивался свѣтъ.
Всюду трудъ великій бодро закипалъ:
Земледѣлецъ сонный мнѣ поля пахалъ,
Фабрики дымились, и рабочій людъ,
Грязный и голодный, начиналъ свой трудъ...

Отъ восторга плача, солнышку смѣясь,
Я на ложѣ мягкомъ нѣжился въ тотъ часъ·
Розовыя грёзы улыбались мнѣ...
И забылъ я думать объ ужасномъ снѣ!

VIII.

Крылья.

Ребенкомъ, крыльевъ я у Бога все молилъ
И рвался къ небесамъ неопытной душою.
Тамъ все торжественной дышало тишиною —
Мой дѣтскій вопль туда не доходилъ.

Желаніемъ борьбы, желаніемъ простора,
Широкаго, какъ міръ, душа была полна...
Прошли года — и что-жъ? Попрежнему ясна,
Заманчива лазурь для любящаго взора.

Но нѣтъ въ душѣ моей стариннаго огня!
О, кто-жъ ты, демонъ зла, карающій меня,
Сильнѣй дающій мнѣ познать ярмо безсилья?

Жестокій! для чего ты далъ спинѣ моей
Гнетущія къ землѣ громадностью своей
И все трепещущія крылья?..

IX.

Сердце.

Рѣшило божество, чтобъ, вѣчно намъ на страхъ,
Извѣстный срокъ служило сердце наше,
Какъ глиняный сосудъ, и обращалось въ прахъ...
Увы! оно пустѣть начнетъ подобно чашѣ.

Бѣги же, милый братъ, отъ наслажденья прочь,
Заклятаго врага здоровья и природы:
Одна безумная растратить можетъ ночь
Сокровище, скопляемое годы.

Проклятіе глупцу, который принесетъ
На шумный пиръ ту вазу и прольетъ
Ея бальзамъ предъ идоломъ ничтожнымъ!

Коснутся устъ его горячія уста,
А надъ холоднымъ сердцемъ пустота
Уже царитъ во мракѣ безнадежномъ!

X.

Могила.

Его сочли бездушнымъ мертвецомъ.
Но онъ проснулся. Ротъ окостенѣлый
Хотѣлъ кричать, но крикъ его несмѣлый
Былъ заглушенъ какимъ-то потолкомъ.

И въ странной пустотѣ, холодной и бездонной,
Безъ звуковъ, безъ лучей, лежитъ онъ, одинокъ,
Тревожно слушая... Испуганный зрачокъ
Пронизываетъ мракъ безжизненный и сонный.

Кругомъ царитъ загадочный покой...
Вотъ хочетъ онъ привстать... и—ужасъ!—головой
Ударился о доски гробовыя!

Усни и ты, душа моя,
Не плачь, не рвись въ небесные края,
Чтобъ цѣпи не почувствовать земныя!

XI.

Желаніе.

Ахъ, если-бъ небеса одни лишь были сини
Да водной шири гладь! Желтъ — колосъ полевой
И розовъ — розы цвѣтъ! Ни злобѣ, ни кручинѣ
Причинъ бы не было... Но съ мертвой красотой

Полей, цвѣтовъ, лазури, океана
Есть красота улыбокъ и очей:
Въ ихъ прелести живой — надежда, страхъ обмана,
Отчаянье и боль... И адъ, и небо въ ней!

Мы любимъ женщину... И вотъ онъ — безконечный
Источникъ нашихъ мукъ, любви простосердечной,
Лелѣющей безумныя мечты.

Когда бы человѣкъ, съ душой святой и чистой,
Смотрѣлъ и на глаза и локонъ золотистый,
Какъ на волну, колосья и цвѣты!

XII.

Борьба.

Приходитъ ночь. Терзаемый сомнѣньемъ,
Я сфинкса страшнаго опять зову на бой...
И въ тотъ же мигъ изъ темноты ночной
Идетъ онъ грознымъ привидѣньемъ.

На ложѣ узкомъ, пышущемъ огнемъ,
Гдѣ гости рѣдкіе покой и радость были,
Лежу я и борюсь въ безмолвіи ночномъ,
. . . . . .
Не шевелясь въ своей могилѣ.

Нерѣдко мать приходитъ со свѣчой:
„Ты боленъ, говоритъ, о сынъ мой? Что съ тобой,
Холодный потъ бѣжитъ съ тебя рѣкою“.

Она глядитъ въ отчаяньи тупомъ,
И, тронутый до слезъ, я говорю съ мольбою:
— Родная, въ эту ночь борюсь я съ Божествомъ!

XIII.

Затишье.

Тихо все! Шелестятъ только листья березы,
Да о выступъ скалы вѣчно бьется волна.
Не о горѣ-ль своемъ тихо плачетъ она,
И въ отвѣтъ ей скала льетъ беззвучныя слезы?

Я не слышу, какъ лодка по рѣчкѣ скользитъ...
То не берегъ ли движется, берегъ зеленый?
То не въ царствѣ-ль мечты я? Въ волнѣ усыпленной,
Точно занавѣсъ, небо блеститъ и дрожитъ.

Если бросишь цвѣтокъ, онъ въ какомъ-то сомнѣньи
Закачается здѣсь, на лазурной волнѣ,
Будто силясь узнать — гдѣ теченье.

И, какъ этотъ цвѣтокъ, будутъ вѣчно во мнѣ
Колебаться отнынѣ мечты и желанья:
Тихо дремлютъвъ душѣ и любовь, и страданья...

XIV.

Материнская любовь.

Готовая къ жертвѣ, приходитъ она
На первый же голосъ невзгоды,
Кротка, милосердна, добра и нѣжна, —
И все въ ней — загадка природы.
Награды не ждетъ и печально паритъ
Надъ фатомъ, достойнымъ проклятья.
Суровый родитель наслѣдства лишитъ,
А мать... Мать раскроетъ объятья!
Ея легковѣрна любовь и скромна,
Не видитъ себя и не цѣнитъ,
Но даже тогда не измѣнитъ она,
Какъ все намъ на свѣтѣ измѣнитъ!
За нами и къ небу она полетитъ,
И въ бездну низринется съ нами;
Отъ гибели грудью своей заслонитъ,
А раны омоетъ слезами...
И есть ли убѣжище въ мірѣ вѣрнѣй?
Какой это кровъ благодатный
Усталому сердцу — и ласку скорѣй,
И отдыхъ предложитъ отрадный?

Какой еще другъ для другихъ пренебречь
Безъ гнѣва позволитъ собою, —
Забытый, все будетъ нашъ образъ беречь,
Тоскуя незлобной душою?
И кинется въ пропасть отверстую къ намъ,
Себя, не колеблясь, погубитъ
И жертвы слѣда не почувствуетъ тамъ,
Гдѣ мать только вѣритъ и любитъ?..

— О, мать! Ты одна лишь изъ всѣхъ Данаидъ,
Чья вѣра незыблемо-вѣчна,
Кто бездну наполнить съ любовью спѣшитъ
Любовью своей безконечной!..

Пораженіе Сеннахерима.

(Изъ Байрона.)

Враги, точно стая волковъ, налетѣли!
Одежды ихъ пурпуромъ яркимъ горѣли,
А копья блистали въ полдневныхъ лучахъ,
Какъ звѣзды небесъ въ галилейскихъ волнахъ.

Какъ листья дубравы весною зеленой,
Подъ вечеръ у нихъ развѣвались знамена;
Какъ листья дубравы осенней порой,
Разсыпаны были ихъ трупы съ зарей...

Духъ смерти надъ ними прошелъ въ полуночи—
И мертвенны стали ихъ сонныя очи
И больше смеженныхъ не подняли вѣкъ;
Сердца всколыхнулись — и стихли навѣкъ.

Вотъ, ноздри раздувши, валяется конь,
Но гордый изъ нихъ ужъ не пышетъ огонь,
И съ губъ его пѣна стекаетъ, мутна,
Какъ брызги разбитой волны, холодна.

Тамъ всадникъ лежитъ, безобразенъ и блѣденъ,
Съ копьемъ и щитомъ — и ребенку безвреденъ.
Могильный покой надъ шатрами царитъ —
Хоругви не вѣютъ, труба не звучитъ.

И трауромъ вдовы Ашура покрыты,
И идолы въ храмѣ Ваала разбиты;
Но сила врага не отъ нашихъ мечей —
Отъ блеска растаяла Божьихъ очей!

* * *

(Изъ „Пѣсенъ Мирзы-Шаффи“ Фр. Боденштедта.

Манифестъ собственноручно
Написалъ персидскій шахъ,
А народъ его дивился
И шумѣлъ на площадяхъ.
Мудрость царскую, ликуя,
До небесъ превознесли:
„Слава, слава падишаху
За предѣлами земли!“

Но Мирза-Шаффи въ сторонкѣ
Головой сѣдой поникъ.
— Неужели я, какъ должно,
Понимаю этотъ крикъ?
Глубокò же уваженье
Къ властелину здѣшнихъ мѣстъ,
Если смотрятъ съ изумленьемъ
На разумный манифестъ!..

Затерянныя стихотворенія М. Ю. Лермонтова.

(Изъ Фридриха Боденштедта [1].)

I.

Какъ твои глазки смѣются, дитя,
Сколько они теплоты сохранили! —
Такъ улыбался когда-то и я:
Люди мой пылъ охладили...

Цѣпью сковали порывы мои,
Гордыя крылья мечты сокрушили...
Небо меня поучало любви,
Люди же злобѣ меня научили!

---

[1] Проживая въ Россіи въ началѣ 40-хъ годовъ, нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ черезъ общихъ знакомыхъ доставалъ стихи Лермонтова еще задолго до ихъ напечатанія. Вотъ почему въ его сборникъ переводовъ изъ Лермонтова попало нѣсколько пьесокъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ русской публикѣ въ оригиналѣ: очевидно, онѣ не могли въ свое время быть напечатаны, въ рукописномъ же видѣ не сохранились.

II.

Нѣтъ, не измѣнникъ я отчизнѣ дорогой,
Я сынъ отцовъ моихъ! Но васъ, холоповъ темныхъ,
Чуждаюсь — это такъ. Я съ гордою душой
И не ползу на костыляхъ заемныхъ.

Я могъ еще краснѣть за ваши преступленья,
Не слышать музыки въ бряцаніи оковъ,
Не видѣть красоты въ сверканіи штыковъ —
Меня предателемъ вы звали безъ смущенья!

Какъ вы, не пячусь я, но все иду впередъ,
Покрой отсталый вашъ, закалъ вашъ презираю:
Рѣшили вы, что я не понимаю
Страны родной, что я не патріотъ!

III.

Не хотѣли меня вы понять... У меня
Все вы отняли, въ утро весенняго дня...
Не убита лишь гордость моя и отвага!
Поколѣнья идутъ, какъ волна за волной, —
За приливомъ отливъ, за отливомъ прибой, —
И безсмертная смѣна ихъ — благо.

Вы пройдете... Другіе придутъ вмѣсто васъ,
Съ кровью свѣжей и чистой, въ которой не разъ
Благородная вспыхнетъ отвага.
И они-то, коль пѣсни мои не умрутъ,
Хоть они мои думы и муки поймутъ,
И работа ихъ будетъ на благо!

IV.

Едва я началъ размышлять, —
Они вскочили въ изумленьи;
Я мысль свою посмѣлъ назвать —
Они схватились за каменья.

Когда же пѣсню я пропѣлъ,
Сознаньемъ правды гордъ и свѣтелъ,
Никто мнѣ въ страхѣ не отвѣтилъ,
Хоть каждый яростью кипѣлъ!

V.

Вы, кого ногами я
Попиралъ въ пылу презрѣнья
И въ глаза ослами звалъ;
Вы, которые прощенья
У меня же шли просить,
Въ дни моей салонной славы
Улыбаясь рабски мнѣ, —
Какъ теперь вы величавы!
Не узнать: вся грудь блеститъ
Орденами, орденами,
И, не глядя на меня,
Вы проходите царями...

VI.

Проходите! Намъ не по пути!
Знать, таковъ порядокъ въ этой жизни:
У того, кто плачетъ объ отчизнѣ,
Крестъ въ груди, у васъ же — на груди...

VII.

О судьбѣ не жалѣйте моей,
Ни о томъ, что отъ дружбы своей
Оттолкнули меня лицемѣры.
Не жалѣйте! Въ тюрьмѣ вы, какъ я!
Все различіе въ томъ лишь, друзья,
Что у вашей побольше размѣры...

VIII.

Нѣтъ, не кляните вы судьбу мою
И объ моемъ не плачьте заточеньи:
Вамъ ваши радости дарю,
Вамъ возвращаю сожалѣнье!

IX.

„Одно лишь слово покаянья —
И снова жизнь твоя въ цвѣтахъ".

Но лучше я умру въ цѣпяхъ,
Въ тюрьмѣ, или въ странѣ изгнанья
Найду могилу безъ креста,
Чѣмъ ложью оскверню уста,
Чтобы спастись отъ поруганья!

X.

Безъ вины настрадался я вволю
И хотѣлъ бы на волю, на волю!
Но готовъ безъ конца я страдать
Мукой бо̀льшею, если возможно,
Лишь бы въ уровень съ вами не стать,
Съ вашей грязью и святостью ложной!

XI.

(Заключительная строфа
„Сказки для дѣтей".)

Умолкнулъ демонъ, и — читатель мой! —
Я тоже смолкну, хоть и съ грустью тайной...
Мою поэму отческой рукой
Отъ лишнихъ словъ, отъ рѣзвости случайной
Спасаетъ цензоръ, мой судья глухой.
Такъ, часто крылья я хочу расправить,
А мнѣ велятъ тотчасъ же точку ставить...
И гибнетъ все: плѣнительная даль
Широкихъ замысловъ и самая мораль!
Но я хочу быть образцомъ смиренья —
Вотъ почему нѣтъ въ сказкѣ заключенья.

XII.

Дождь хлещетъ, рокочутъ
Удары сердитые грома,
И люди пугливо укрылись
Подъ теплою кровлею дома.
Туда все живое стремится
Съ дороги, съ открытаго поля,
А я... Мнѣ не теплая кровля —
Нужна мнѣ раздольная воля!

На волю! На дикую волю!
И лучше погибнуть хочу я
Въ объятіяхъ огненныхъ бури,
Въ безумьи ея поцѣлуя, —
О, лучше на ужасы грома
Смѣнилъ бы я узника долю:
Туда бы, за душныя стѣны,
На волю, на волю, на волю!...

Алфавитный указатель второго тома.

	Стр.
Агонія	202
Апрѣльская пѣсня	49
А тамъ, гдѣ шепчетъ миртъ	149
Ахъ, въ жизни сумрачной я не припомню дня	162
Ахъ, если бъ небеса одни лишь были сини	209
Безумецъ! Пора привыкать	190
Безъ вины настрадался я вволю	226
Берегъ пустынный опять пробужденъ	101
Богъ благости щедрой	119
Борьба	210
Братья, нѣтъ силы терпѣть	42
Бредъ	147
Бываютъ годы мрачнаго безсилья	85
Была пора, когда въ годину бѣдъ	188
„Бѣлка! бѣлка!“ крикъ раздался	174
Бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ кругомъ	15
В. Г. Короленко	108
Вечеръ румяный притихъ, догорая	55
Вечерняя звѣзда	174
Вкругъ Африки знойной	127
Внизу, въ котловинѣ угрюмой	5
Волна упала, прошумѣвъ	37
Вотъ и кончился день	174
Вотъ они... Дремлютъ, какъ встарь	114
Враги, точно стая волковъ, налетѣли	211
Все выше волны	70
Вспомнился мнѣ мой родной городокъ	50
Вы, кого ногами я	221
Вѣнки, огни, хвалебныхъ гимновъ пѣнье	59
Вѣтку сирени ты держишь въ рукѣ	54
Въ бурю	140

Стр.
Въ глуши 136
Въ деревнѣ 29
Въ долины тѣнь съ вершинъ сползаетъ 23
Въ искусствѣ рифмъ уловокъ тьма 79
Въ небѣ странно-высокомъ 121
Въ плѣну 74
Въ пустыню, гдѣ шепчется вьюга 108
Въ Сибири, окованной лютымъ морозомъ 144
Въ часъ кончины моей 202
Въ чужбину мнѣ пишутъ друзья 56

Гимнъ любви 10
Горемыкой покинутымъ 17
Горитъ больная кровь 152
Городокъ 50
Горѣлый лѣсъ 137
Готовая къ жертвѣ, приходитъ она 212
Гремѣлъ оркестръ 184
Громъ грохочетъ всю ночь 165
Грустный міръ деревьевъ опаленныхъ 137
Грустятъ поля подъ бурыми снѣгами 71
Грядущаго счастья далекіе дни 146

Давно сказалъ мнѣ голосъ неземной 187
Данаиды 197
День безъ яснаго солнца 118
Дитя! ты вѣришь въ близкій рай 90
Дни скорби и стыда 102
Дождь хлещетъ, рокочутъ 228
Долга, упорна ночь 33
Дулъ вѣтеръ съ утра 92
Дума 194
Думки 161
Душа моя въ плѣну 74
Дятелъ 139

Его сочли бездушнымъ мертвецомъ 208
Едва я началъ размышлять 220
Если хочешь тайны лѣса 142

Желаніе 209

Стр.
За бѣдою бѣда 49
Закатилась яркая звѣзда 174
Затерявшійся крикъ 199
Затерянныя стихотворенія 217
Затишье 211
Здравствуйте, бодрые мыслью и духомъ 196
Здѣсь, наконецъ, ты, родная 12
Земледѣлецъ грубо мнѣ сказалъ во снѣ 204
Земля 154

Игрой мечты ушелъ я въ глубь вѣковъ 199
И звѣзды погаснутъ 112
Изъ дневника 132
Изъ Сюлли Прюдома 197

Какъ въ сказкѣ я живу 29
Какъ плѣнники весь день 14
Какъ приливъ могучій 123
Какъ солнце, мнѣ твоя улыбка дорога 125
Какъ сотни лѣтъ назадъ 158
Какъ странникъ, во время среди пути глухого . . . 22
Какъ тяжкій сонъ, минула ночь разлуки 8
Какъ твои глазки смѣются, дитя 217
Когда болѣзнь, какъ узника, меня 147
Когда, опустивъ малодушныя руки 38
Корабль 180
Красный снѣгъ 123
Крылья 206
Къ молодости 47

Лазурны, ласковы и знойны 180
Ледоходъ 101
Липы качались вчера обнаженныя 83
Ловля бѣлки 176
Лѣсныя тайны 136
Лѣсъ поетъ 138
Лѣсъ увядаетъ 34

Майская пѣсня 83
Манифестъ собственноручно 216

Стр.
Материнская любовь 212
Мать 106
Мнѣ кажется порой, живу я сотни лѣтъ 73
Мнѣ чудится кругомъ какой-то шорохъ 120
Могила 208
Молитва 8
Моя дорога 172

На башнѣ, въ поздній часъ 198
Надъ больнымъ ребенкомъ 106
На праздникѣ Пушкина 59
На родинѣ 68
На родномъ рубежѣ 27
На славномъ посту 80
На смерть Некрасова. 174
На старомъ пепелищѣ 92
На утесѣ поэта 5
На чужбинѣ далекой 44
Небу родной я, родной я душой 172
Не вѣдая покоя, ежечасно 197
Не въ царство-ль сказокъ 136
Не въ шумѣ грозъ 36
Не въ эти сумрачные годы 80
Не къ матери родной и не къ сестрѣ любимой . . . 63
Не хотѣли меня вы понять 219
Ни въ чемъ очарованья нѣтъ 192
Ни о чемъ не жалѣю 99
Новая весна 89
Нѣтъ, легче жить въ тюрьмѣ, рабомъ 78
Нѣтъ, не измѣнникъ я отчизнѣ дорогой 218
Нѣтъ, не кляните вы судьбы моей 224

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ 32
Одинъ, какъ въ небѣ солнышко 104
„Одно лишь слово покаянья“ 225
Онъ вернулся, проклятый кошмаръ 110
Онъ выстрѣлилъ въ сердце 52
О, пасынокъ природы нелюбимый 18
О, подлое, чудовищное время 189
Опять надъ горами поднялся 20

Стр.
О судьбѣ не жалѣйте моей 223
Отецъ 104
Отчизна хризантемъ 130

Памяти В. Г. Бѣлинскаго 40
Памяти Г. И. Успенскаго 97
Первый дождь 71
Подъ пологомъ ночи глухой 166
Подъ хохотъ злорадный могучаго зла 10
Поздняя радость 34
Помнишь ли, другъ мой 76
Пораженіе Сеннахерима 214
Послѣдняя жертва 127
Поэтовъ нѣтъ 31
Приходитъ ночь 210
Проходите! Намъ не по пути 222
Пѣсня труда 42

Радость, влюбленная въ солнце и смѣхъ 57
Разбитая ваза 200
Разгнѣванъ темный лѣсъ 140
Раздолье нивъ кругомъ 154
Разрывъ 184
Раны 201
Ребенкомъ, крыльевъ я у Бога все молилъ 206
Ребенокъ 141
Рѣшило божество 207

Свиданіе 63
Святая 38
Семьею крестовъ дорогихъ заселенная 16
Senilia 112
Сердце 207
Сестрѣ 67
Слезъ не нужно, моя дорогая 67
Снова въ путь-дорогу 126
Сны 134
Сонъ 121
Сонъ. 204
Сонъ на чужбинѣ 44

Стр.
Сосна 159
Со стономъ падаетъ 201
Средь мукъ и стенаній на свѣтъ 86
Страданія чашу испивши до дна 81
Странныя, неясныя, полныя печали 19
Съ горькой думой въ очахъ 97
Съ спокойно-мраморнымъ челомъ 115
Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь желѣзными сѣтями . . . 47
Съ цвѣтущихъ береговъ 88

Та ваза съ мертвою вербеной 200
Тайны лѣса 142
Тиртэй 188
Тихо все! шелестятъ 211
Тишина 55
„Тукъ-тукъ!“ 110
Ты говоришь, что жизнь пустынна и мертва 103

У гроба Н. К. Михайловскаго 116
У моего окна 159
Умолкнулъ демонъ 227
У сфинксовъ 114

Холодная тоска 134
Хотѣлъ бы я владѣть стихомъ 182

Часто сонъ мнѣ яркій снится 163
Часто съ любовью горячей 191
Чуть утро — шелестомъ разбуженъ я газетъ . . . 132

Я-бъ хотѣлъ быть вольнымъ дятломъ 139
Я жду, упорно жду 100
Я помню этотъ сонъ 40
Я съ ребенкомъ иду 141
Я умеръ, одинъ, въ чужедальнемъ краю 161
Я умру — а солнце надъ землею 186
Я что-то потерялъ 68

Лавка писателей
Цена 8 р.

17776 - 17777/88

Цена 7 50

875 76

АК 1

30-

10 г
248729/
887

148/3

07 к

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00006234620